

23 марта 2021 г. отмечает юбилей заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Евгений Петрович Ищенко.

Автор колоссального количества научных работ по широкому кругу вопросов криминалистики и судебной экспертизы, внесший неоценимый вклад в криминалистическую науку и в практическую деятельность правоохранительных органов по вопросам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

КРИМИНАЛИСТИКА: вчера, сегодня, завтра

Выпуск 1 (17)
2021

Иркутск

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 1 (17) 2021

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77—69590 от 02.05.2017

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по каталогу Роспечать 39897. Цена свободная.

Издается с мая 2017 года
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Грибунов О. П., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе.

Заместитель главного редактора:

Шаевич А. А., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Ответственный секретарь:

Третьякова Е. И., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Варданян А. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России;

Васюков В. Ф., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;

Жакулин А. Б., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова;

Железняк Н. С., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Зайцева Е. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России;

Николюк В. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия;

Никонович С. Л., доктор юридических наук, доцент, профессор высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса;

Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Степаненко Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. В текстах статей сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несёт ответственности за возможные неточности.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 марта 2021 г. Дата выхода в свет 30 марта 2021 г.

Формат 60 × 84/8

Цена: свободная

Усл. печ. л. 28,6. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 15

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

FORENSICS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

№ 1 (17) 2021

The founder of the journal is Federal State Budget Institution
for Higher Education
“East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation”

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77—69590 dated 02 May, 2017

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which
the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published,
for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Subscription index in the Rospechat catalogue 39897. The price of free.

Published since may 2017.
Issued four times a year

Address of the editorial office, publisher:
664074, Irkutsk, Lermontova St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, 2021

Editorial staff

Chief Editor:

Gribunov O. P., Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science.

Deputy Chief Editor:

Shaevich A. A., Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Executive Secretary:

Tretyakova E. I., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia.

Members of the Editorial Board:

Vardanyan A. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russia;

Vasyukov V. F., Doctor of law, Professor of the Department of criminology and preliminary investigation in the police Department of the Orel law Institute of the MIA of the Russia named after V. V. Lukyanov

Zhakulin A. B., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of technical and forensic support of disclosure and investigation of crimes of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

Zheleznyak N. S., Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Siberian Law Institute of the MIA of the Russia;

Zaytseva E. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the MIA of the Russia;

Nikolyuk V. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Department of Criminal Procedures Problems, Russian State Justice University;

Nikonovich S. L., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the higher school of business, management and law of the Russian state University of tourism and service;

Rossinsky S. B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Stepanenko D. A., Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is free of charge. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 29th of March 2021. Date of publication on 30th March 2021.

Format 60 × 84/8

Price: free

Conventional printed sheets — 28,6. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No. 15.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Памятные даты в истории криминалистики

Грибунов О. П. Концептуальные идеи профессора Е. П. Ищенко в криминалистической науке 11

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Айвазова О. В. Криминалистическое изучение субъектов преступлений в контексте тенденции интеграции и дифференциации юридического научного знания 19

Амиров Р. Г. Особенности тактики проведения допроса в расследовании причинении тяжкого вреда здоровью 28

Баргаринов А. Р. О некоторых вопросах организации расследования транснациональных преступлений экстремистского характера (по материалам Республики Казахстан)..... 35

Варданян А. В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики 44

Гамзина А. В. Участие подразделений по делам несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности: проблемы, пути решения..... 52

Дяблова Ю. Л. Личность в частных криминалистических теориях: классификация подходов к изучению и перспективы их развития 59

Залескина А. Н. Тактические особенности проведения допроса потерпевшего и свидетеля при расследовании уголовных дел о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности 69

Кисленко С. Л. Исследование данных, характеризующих личность подсудимого: проблемные аспекты теории и правоприменительной практики..... 77

Корытов Д. А., Святненко А. В. О практике трасологического исследования объемных следов подошв обуви, зафиксированных на фотоизображениях 94

Малыхин А. В., Малыхина Е. А. Цифровая фотография как эффективный способ современного технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений	102
Милос А. И. Особенности тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) при расследовании преступлений, связанных с хищениями нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке	109
Соколов А. Б., Сысенко А. Р. Назначение и производство компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет: проблемы теории и практики	118
Трубкина О. В., Третьякова Е. И. Противодействие расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними: сущность и особенности преодоления	130
Усачев С. И. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании мошенничества в сфере автострахования	140
Фойгель Е. И. Исследование этнических характеристик участников уголовного судопроизводства в рамках сложившейся системно-деятельностной парадигмы криминалистического изучения личности: постановка проблемы	147
Чаплыгина В. Н. Структурные элементы криминалистической характеристики незаконной охоты	155
Чернявская М. С. Профессиональные союзы как форма объединения судебных экспертов	163
Шаевич А. А. Практическая направленность криминалистики: желаемое и действительное	170
Щербаченко А. К. Тактика допроса свидетелей при расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц	178

Уголовный процесс

Вастьянова О. Д. Разграничение запретов, устанавливаемых в связи с избранием меры пресечения, осуществлением административного надзора, применением наказания в виде ограничения свободы	186
---	-----

Ляхов Ю. А. Гуманизация уголовного процесса — генеральная задача Российского уголовного судопроизводства	194
Михайлова Т. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как элемент восстановительной модели ювенального судопроизводства России	198
Николаева Н. А. Взаимодействие следователя с комиссией по делам несовершеннолетних: новые технологии сбора сведений об обвиняемом	207
Осодоева Н. В. К вопросу об установлении личности допрашиваемого лица при производстве допроса свидетелей посредством видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве	217
Информация для авторов	225

CONTENTS

Memorable dates in the history of Criminalistics

Gribunov O. P. Professor E.P. Ishchenko's conceptual ideas
in forensic science 11

Criminalistics. Forensic expertise. Operatively-search activity

Ayvazova O. V. Criminalistic study of the subjects of crime in the context
of the trend of integration and differentiation of legal scientific knowledge 19

Amirov R. G. Methods for investigating the infliction of grievous harm 28

Bargarinov A. R. On some issues of the organization of the investigation
of transnational crimes of an extremist character (on the materials
of the republic of Kazakhstan) 35

Vardanyan A. V. The development of knowledge systems about
the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result
of the progressive development of the science of criminalistics 44

Gamzina A. V. The need for the participation of departments for juvenile
affairs in operational search activities in relation to juvenile offenders 52

Dyablova Y. L. Personality in private criminalistic theories: classification
of approaches to study and prospects of their development 59

Zaleskina A. N. Tactical features of interrogation of a victim and witness
in investigation of criminal cases of fraud connected with intentional
non-fulfillment of contractual obligations in the sphere of entrepreneurship 69

Kislenko S. L. Research of the data characterizing the defendant's
personality: problematic aspects of theory and law enforcement practice 77

Korytov D. A., Svyatnenko A. V. About the practice of trisological
research of three-dimensional traces of shoe soles, recorded
in photographic images 94

Malykhin A. V., Malykhina E. A. Digital photography as an effective
method of modern technical and criminalistic support of disclosure,
investigation and prevention of crimes 102

Milius A. I. Features of the tactics of interrogation of a suspect (accused) in the investigation of crimes related to the theft of oil and petroleum products during their storage and transportation.....	109
Sokolov A. B., Sysenko A. R. Forensic computer examination in investigating crimes committed with the help of the internet: problems of theory and practice	118
Trubkina O. V., Tretyakova E. I. Countering the investigation of crimes committed by minors: the essence and features of overcoming	130
Usachev S. I. Some tactical features of the interrogation of the representative of a victim during the fraud investigation in the field of auto insurance	140
Foigel E. I. Research of the ethnic characteristics of the participants in criminal proceedings within the framework of the formed systemic-activity paradigm of the criminalistics study of personality: statement of the problem	147
Chaplygina V. N. Structural elements of forensic characteristics of illegal hunting	155
Chernyavskaya M. S. Trade unions as a form of association of forensic scientists	163
Shaevich A. A. Practical focus of criminalistics: desirable and valid.....	170
Scherbachenko A. K. Interrogation tactics of witnesses in the investigation of fraud committed by a group of individuals	178

Criminal proceeding

Vastyanova O. D. The delineation of the prohibitions established in regard with the use of pre-trial constraints, the purposes of administrative supervision, use of punishment in the form of restriction of freedom.....	186
Lyakhov Yu. A. Humanization of criminal proceedings - the general task of Russian criminal proceedings	194

Mikhailova T. N. Coercive measures of educational influence as an element of the restorative model of juvenile justice in Russia	198
Nikolaeva N. A. Interaction of the investigator with the commission on juvenile affairs: new technologies for collecting information about the accused	207
Osodoeva N. V. To the question of identification the interrogated person during the interrogation of witnesses via video conferencing in criminal proceedings	217
Information for authors	225

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.985

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-11-18

Грибунов Олег Павлович,

заместитель начальника Восточно-Сибирского института

МВД России по научной работе,

доктор юридических наук, профессор

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИДЕИ ПРОФЕССОРА Е. П. ИЩЕНКО В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. 23 марта 2021 г. отмечает юбилей заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Евгений Петрович Ищенко. Статья посвящена обзору научного пути известного ученого-криминалиста, автора колоссального количества научных работ по широкому кругу вопросов криминалистики и судебной экспертизы, внёсшего неоценимый вклад в криминалистическую науку и в практическую деятельность правоохранительных органов по вопросам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: Е. П. Ищенко, криминалистика, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, научная школа.

Gribunov Oleg Pavlovich,

Deputy Chief of East-Siberian Institute

of the MIA of Russia for Science,

Doctor of Law, Professor

PROFESSOR E.P. ISHCENKO'S CONCEPTUAL IDEAS IN FORENSIC SCIENCE

Abstract. March 23, 2021 Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Evgeny Petrovich Ishchenko celebrates his anniversary. The article is devoted to the review of the scientific way of a well-known forensic scientist. He is the author of the countless scientific papers on a range of issues of criminalistics and forensic examination, who made invaluable contributions to the forensic science and practical activities of law enforcement agencies regarding crime investigation and crime prevention.

Keywords: E.P. Ishchenko, forensics, detection, investigation and prevention of crimes, scientific school.

Роль и значение научных достижений уважаемого Учёного, заслуженного юриста Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Евгения Петровича

Ищенко в становлении и развитии криминалистической науки не вызывает сомнений, поскольку их концептуальность очевидна и обоснована в многочисленных трудах как отечественных, так и зарубежных криминалистов. Каждый, кто в научной сфере, практической деятельности имеет отношение к наукам уголовно-правового цикла, не мог не пользоваться в своей работе трудами Е. П. Ищенко.

Полагаем, что базовое высшее образование, полученное Евгением Петровичем в Омском политехническом институте, повлияло на круг его интересов в области юриспруденции, что в конечном итоге получило научное закрепление в кандидатской диссертации на тему «Применение синхронной записи звука и изображения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел» (1974). Именно данная научно-квалификационная работа послужила основой нового этапа развития отечественной судебной видеозаписи, которая начала полностью вытеснять киносъёмку применительно к решению задач по раскрытию и расследованию преступлений. Кроме того, в последующие годы известную ценность имело учебное издание по криминалистической фотографии и видеозаписи (1999), являясь, пожалуй, одним из редких источников специальной литературы, необходимой для обеспечения образовательного процесса по специальности «Судебная экспертиза» [1].

Е. П. Ищенко является выходцем из практических правоохранительных органов. Он работал следователем, прокурором-криминалистом, что, бесспорно, определило его принципиальные, смелые, практико-ориентированные научные изыскания, позволившие ему стать отличным преподавателем (настоящим мастером лекторского искусства) и обучить не одно поколение студентов (будущих ученых и юристов).

В 1990 г. Е. П. Ищенко блестяще защитил докторскую диссертацию в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по теме «Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений», что предвещало ему надежную и безмятежную последующую перспективу в науке. В дальнейшем научные принципы и методы алгоритмизации в практической деятельности при расследовании преступлений были расширены и нашли свое закрепление в монографии в соавторстве Н. Б. Водяновой [2] и других научных публикациях [3]. Именно Е. П. Ищенко разработал концептуальные основы алгоритмизации расследования, дав ориентир для дальнейшей разработки этой темы.

Обширные возможности личного научного потенциала и высокие организаторские способности позволили профессору Ищенко воспитать целую плеяду ученых. Под его руководством защищено более 40 диссертационных исследований, пять из которых — на соискание ученой степени доктора юридических наук. Давно заслужив доверие среди научного сообщества, обладая углублёнными знаниями, высоким авторитетом и статусом, Е. П. Ищенко регулярно выступает официальным оппонентом по диссертационным работам.

Вклад Евгения Петровича в теорию и практику криминалистической науки поистине огромен. Он имеет более 250 научных статей, монографий, учебных пособий, является автором, соавтором и редактором более 10 учебников по криминалистике, рекомендованных УМО по юридическим наукам Минобразования и науки России, и других печатных работ.

Отдельно отметим, что учебник по криминалистике, подготовленный в соавторстве с А. А. Топорковым, по праву входит в когорту лучших в своей сфере [4]. Прежде всего, по причине доступности для осмысления криминалистических понятий и терминологии обучаемыми и лаконичности изложения учебного материала не в ущерб качеству учебника. Следует признать, что глубокие фундаментальные исследования закреплены не только в учебниках. Заслуживает особого внимания и серия публикаций Е. П. Ищенко по отдельным вопросам криминалистики. Так, в статье «Актуальные проблемы системных исследований в криминалистике», подготовленной в соавторстве с В. Я. Колдиным, проведен общий обзор наиболее актуальных проблем, характеризующих современное состояние и перспективы использования инструментов системного подхода и анализа для решения криминалистических задач, которые должны присутствовать в криминалистических исследованиях [5].

Заслуживают внимания размышления Е. П. Ищенко относительно предмета науки криминалистики [6]. Помимо этого представляет известный интерес позиция ученого относительно двух важных (близких друг к другу) криминалистических категорий — криминалистической характеристики преступлений и типовой информационной модели [7]. Безусловно, такого рода публикации дают импульс для дискуссий и споров, которые, вне всяких сомнений, приносят положительный вклад в криминалистическую науку.

В свете эволюционного развития всех элементов производительных сил общественного производства — научно-технического прогресса — Е. П. Ищенко стал одним из первых, кто в учебной литературе по криминалистике начал писать про электронные следы [8]. Следует согласиться с профессором, что в настоящее время «становятся все более распространёнными и востребованными в доказывании по уголовным делам звуковые и образные следы» [9, с. 17]. Кроме того, было уделено отдельное внимание и освещению немаловажных вопросов о биологических следах и их значении в раскрытии и расследовании преступлений [10].

Также, в связи с всеобщей цифровизацией общества актуальны исследования профессора в области современных цифровых технологий. Совместные усилия практиков и теоретиков в данной сфере непременно позволят сократить разрыв между преступным и законным использованием в Интернете современных цифровых технологий, будут способствовать повышению качества расследования преступлений [11, с. 11]. Профессор Е. П. Ищенко не просто поднимает насущные, современные проблемы расследования

и раскрытия преступлений, а предлагает оптимальное их решение [12]. Абсолютно справедливо акцентировано внимание на уголовно-процессуальный подход отдельных исследователей (в частности, С. В. Власовой) к расследованию киберпреступлений, предполагающим замену следователей интеллектуальными роботами. Полемика об «электронном правосудии» по уголовным делам [13], несомненно, представляет значительный интерес. Как видно, любые отступления от подлинно научных позиций Евгений Петрович подвергает глубокому анализу и оценке, в целях настойчивого, неуклонного поиска истины, ведь, собственно, в споре происходит её рождение.

Как известно, основным направлением научных интересов уважаемого ученого являются проблемы криминалистической техники и организации расследования, однако удостаиваются внимания и иные направления. «О криминалистике и не только» — издание избранных трудов, в которых находят отражение фрагменты наиболее интересных статей, а также выдержки из научно-популярных изданий [14].

Следует отметить, что еще в «далеком» 2006 г. Е. П. Ищенко поднимает вопросы корректировки методик расследования преступлений, а также тактики проведения отдельных следственных действий в связи с внедрением новых технологий, включая видеонаблюдение, в повседневную жизнь [15, с. 10]. Соответственно, необходимо признать, что, с точки зрения научного осмысления, научные труды Евгения Петровича идут в тематике действующих проблем борьбы с преступностью, более того, тезис «преступность идет на шаг впереди относительно деятельности правоохранительных органов» неприемлем к содержанию трудов Евгения Петровича. Напротив, он в своих трудах поднимает злободневные вопросы в тему дня, которые и правоприменитель, и законодатель должны считать ориентиром и вектором дальнейшей деятельности. Его тезис «с современной преступностью нужно бороться современными методами» [15, с. 12] как никогда актуален.

Как уже выше отмечено, злободневны и не менее ценны труды Е. П. Ищенко по вопросам криминалистического и экспертного обеспечения расследования киберпреступлений. Данные вопросы были подняты еще в 2012 г. на проходящем в Московском университете МВД России межвузовском научно-практическом семинаре «Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений», в первом заседании которого приняли участие ведущие ученые-криминалисты: Б. Я. Гаврилов, Е. П. Ищенко, А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, В. Ю. Владимиров, В. Н. Чулахов, А. М. Зинин. Верно отмечено, что новые вызовы преступности требуют коренного реформирования судебно-экспертного и криминалистического обеспечения следственной деятельности, поднятия его на современный уровень, задаваемый дальнейшей виртуализацией преступных посягательств, причиняющих, однако, вполне реальный вред. Активное и результативное участие специалистов в обнаружении, фиксации, изъятии, предварительном и экспертном

исследовании электронных (цифровых) следов, остающихся в виртуальном пространстве будет способствовать раскрытию и расследованию совершаемых киберпреступлений, становящихся всё более распространенными, даст в руки следствия современные судебные доказательства [16; 17; 18]. Помимо этого, Евгений Петрович поднимает насущные проблемы технико-криминалистического сопровождения расследования преступлений (преимущественно тяжких, особо тяжких и киберпреступлений), которое сейчас находится на недостаточно стабильном уровне, требующем незамедлительного реагирования правоохранительных органов в данной сфере, с целью повышения качества следственной деятельности [19]. В этой связи нельзя не согласиться с мнением о необходимости скорейшего налаживания в стране тактико-, технико- и методико-криминалистического сопровождения расследования указанных преступных деяний (и донести этот посыл до правоприменителя и законодателя) [20, с. 133], которые вполне очевидно выделяются из общей массы правонарушений, обладая высокой степенью опасности для общества.

Вызывает неподдельный интерес и точка зрения Е. П. Ищенко относительно использования в процессе следственных действий смартфона как научно-технического средства следователя, что обусловлено развитием цифровых информационных технологий (автор предлагает действенные рекомендации по его применению) [21].

Не остаются без внимания у Евгения Петровича глубокие социальные и философские вопросы. Так, в ряде публикаций он высказывается по поводу смертной казни как вида наказания [22; 23; 24; 25]. По уточнению автора, смертная казнь — исключительная, но необходимая мера уголовного наказания в нынешних сложных условиях жизни российского общества, поэтому мораторий на её применение пора отменить. В России как можно скорее должна быть восстановлена справедливость, если мы, её добропорядочные граждане, собираемся жить в безопасном государстве, а не в криминальном «беспределе» [22, с. 23]. На наш взгляд, следует согласиться с Евгением Петровичем в том, что «решение вопроса о правомерности применения смертной казни является не столько доктринальной, сколько социальной и политической проблемой» [25, с. 1435].

Нельзя не отметить труды почтенного профессора относительно роли криминалистики в системе высшего образования, где справедливо отстаивается позиция о необходимости дальнейшего развития данной дисциплины как науки [26; 27]. В образовательных организациях юридической направленности, осуществляющих образовательную деятельность по программам высшего образования — «криминалистика», как учебная дисциплина, непременно должна оставаться в числе обязательных, оправданно подчеркивается её непреложное значение в общей системе наук уголовно-правового цикла. Очень точно и по существу отмечено, что «закон, будучи очень нестабильным, нередко оперирует умозрительными абстракциями, тогда как кримина-

листика наполняет их конкретным, пульсирующим содержанием, живо и оперативно откликающимся на все изменения в преступности» [26, с. 34]. Помимо сказанного, криминалистика способствует развитию познавательной деятельности, что является одной из ведущих задач современного российского образования, она учит думать, планировать и анализировать, и в этих целях её изучение, бесспорно, полезно всем юристам [28]. Также Евгений Петрович принимает все необходимые меры для повышения роли криминалистики в совершенствовании системы подготовки кадров и для правоохранительных органов.

Сфера интересов уважаемого ученого не ограничилась только исследованием криминалистической науки. Им также немало внимания уделено и вопросам уголовного судопроизводства, в том числе оценке положений уголовно-процессуального законодательства [29; 30], а также вопросам разработки государственных программ борьбы с преступностью, как необходимого условия построения правового государства и реализации российской уголовной политики [31].

И, конечно, же нельзя пройти мимо трудов Е. П. Ищенко в области научно-популярной литературы. Достаточно интересным и познавательным произведением является книга «О докторе Цзяне и его биотроне, заряжающем жизненной энергией» [32], повествующей о судьбе уникального врача и ученого Юрия Владимировича Цзян Каньчжэна и деле всей его жизни — борьбе со старением.

В заключение хотелось бы признать, что уважаемый Евгений Петрович представляет собой не просто ученого-криминалиста с большой буквы — он, без сомнения, является корифеем, мэтром науки криминалистики, о чем свидетельствует его неопенимый вклад и преданное служение науке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ищенко Е. П., Ищенко П. П., Зотчев В. А.* Криминалистическая фотография и видеозапись / Под ред. Е. П. Ищенко. — М., 1999. — 433 с.
2. *Ищенко Е. П.* Алгоритмизация следственной деятельности: моногр. / Е. П. Ищенко, Н. Б. Водянова; под ред. Е. П. Ищенко. — М., 2010. — 302 с.
3. *Ищенко Е. П., Сливинский К. О.* Алгоритмизация следственных действий: общий подход // Академический юридический журнал. — 2002. — № 4. — С. 34.
4. *Ищенко Е. П., Топорков А. А.* Криминалистика: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. П. Ищенко. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Контракт, ИНФРА-М, 2000. — 786 с.
5. *Ищенко Е. П., Колдин В. Я., Крестовников О. А.* Актуальные проблемы системных исследований в криминалистике // *Lex russica (Русский закон)*. — 2006. — Т. 65. — № 6. — С. 1161—1177.
6. *Ищенко Е. П., Жижина М. В.* Современные представления о предмете науки криминалистики // В сб.: Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Т. С. Волчецкой. — 2012. — С. 87—94.

7. *Ищенко Е. П., Колдин В. Я.* Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2006. — № 6 (269). — С. 128—144.
8. *Ищенко Е. П.* ЭВМ в криминалистике. — Свердловск, 1987. — 90 с.
9. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: колл. моногр. / Отв. ред. Е. П. Ищенко. — М.: Проспект, 2016. — 208 с.
10. *Ищенко Е. П., Мамурков В. А., Образцов В. А.* Криминалистическая биоскопия: понятие, структура, содержание, практическое применение // Академический юридический журнал. — 2002. — № 2. — С. 41.
11. *Ищенко Е. П.* О цифровых технологиях в криминалистике // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы её развития: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посв. 20-летию каф. криминалистики / Отв. ред. Г. М. Меретуков. — 2019. — С. 5—11.
12. *Ищенко Е. П.* О насущных проблемах раскрытия и расследования преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 3 (82). — С. 129—138.
13. *Ищенко Е. П.* У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 15—28.
14. *Ищенко Е. П.* О криминалистике и не только: избр. тр. — М.: Проспект, 2016. — 384 с.
15. *Жуланов В., Ищенко Е.* Осмотр места происшествия с целью получения информации из электронных баз данных // Законность. — 2006. — № 6 (860). — С. 10—12.
16. *Ищенко Е. П.* К вопросу об экспертном и криминалистическом обеспечении расследования киберпреступности // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 3. — С. 15—17.
17. *Ищенко Е. П.* Киберпреступность: криминалистический аспект проблемы // Библиотека криминалиста: науч. журн. — 2013. — № 5 (10). — С. 181—192.
18. *Ищенко Е. П.* Виртуальное пространство как объект криминалистического познания // В сб.: Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Редкол.: С. В. Пахомов, Д. А. Натура, Л. А. Рычкалова; Краснодарский университет МВД России. — 2013. — С. 16—23.
19. *Ищенко Е. П.* Почему необходимо технико-криминалистическое сопровождение расследования // В сб.: Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С. Е. Туркулец. — 2016. — С. 59—63.
20. *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5 (33). — С. 120—134.
21. *Ищенко Е. П., Крамаренко В. П., Шевченко Е. С.* Смартфон как научно-техническое средство следователя // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (50). — С. 9—12.
22. *Ищенко Е. П.* Нужна ли России смертная казнь? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2009. — № 1. — С. 16—24.
23. *Ищенко Е. П.* Смертная казнь как фактор обуздания преступности и очищения общества // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2009. — № 9. — С. 72—76.

24. *Ищенко Е. П.* О применении смертной казни // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2008. — № 3. — С. 21—29.
25. *Ищенко Е. П.* Смертная казнь: прошлое, настоящее, будущее // Lex russica (Русский закон). — 2009. — Т. 68. — № 6. — С. 142—144.
26. *Ищенко Е. П., Кручинина Н. В.* О роли криминалистики в системе высшего юридического образования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5 (33). — С. 28—36.
27. *Кручинина Н. В., Ищенко Е. П.* Криминалистика — необходимый структурный элемент системы высшего юридического образования // Юридическое образование и наука. — 2009. — № 1. — С. 2—10.
28. *Ищенко Е. П.* Криминалистика учит думать, анализировать, планировать, и в этом смысле её изучение полезно всем юристам // Судья. — 2014. — № 5. — С. 4.
29. *Драпкин Л. Я.* России нужен новый УПК / Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко, А. М. Кустов, А. А. Леви // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Естественные науки. — 2006. — С. 30.
30. *Ищенко Е. П., Орлов Ю. К.* О недостатках действующего УПК РФ // Вестник криминалистики. — 2005. — № 3.
31. *Ищенко Е. П.* О необходимости разработки государственной программы борьбы с преступностью // Бизнес в законе. — 2007. — № 3. — С. 32—34.
32. *Ищенко Е. П.* О докторе Цзяне и его биотроне, заряжающем жизненной энергией. — М.: Экон-информ, 2013. — 375 с.

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.1

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-19-27

Айвазова Ольга Владиславовна,

профессор кафедры криминалистики и ОРД

Ростовского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

Аннотация. Автор обращается к проблеме криминалистического изучения субъектов преступления. Межотраслевой характер категории «субъект преступления» предопределяет дискуссионные положения, касающиеся интеграции и дифференциации знаний об особенностях лиц, совершающих преступления различных видов и групп, с позиции криминалистики и иных смежных наук. Признавая, что результаты изучения личности типичного преступника в рамках криминалистических характеристик преступлений не отличаются стандартизацией вследствие различных изложенных в работе факторов, автор формулирует собственную позицию по существу обозначенной проблемы.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление; субъект преступления; криминалистическая характеристика преступления; мотивы преступления; личность преступника; типичный преступник; индивидуально-психологические особенности; криминалистические значимые особенности, преступная мотивация.

Ayvazova Olga Vladislavovna,

professor of the Department of Criminalistics

and Operational-Investigative Activities

of the Rostov law Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law, Assistant Professor

**CRIMINALISTIC STUDY OF THE SUBJECTS OF CRIME
IN THE CONTEXT OF THE TREND OF INTEGRATION
AND DIFFERENTIATION OF LEGAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE**

Abstract. The author addresses the problem of criminalistic study of the subjects of crime. The intersectoral nature of the category "subject of crime" determines the controversial provisions concerning the integration and differentiation of knowledge about the characteristics of persons who commit crimes of various categories from the standpoint of criminology and other related sciences. Recognizing that the results of studying the personality of a typical criminal within the framework of criminalistic characteristics of crimes

do not differ in standardization due to the various factors described in the work, the author formulates his own position on the essence of the identified problem.

Keywords: the person who committed the crime; the subject of the crime; criminalistic characteristics of the crime; motives of the crime; the personality of the criminal; the typical criminal; individual psychological features; criminalistic significant features, criminal motivation.

Общий предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, предусматривает ряд элементов, побуждающих субъектов расследования устанавливать совокупность значимых для расследования обстоятельств, в той или иной степени раскрывающих информацию относительно личности лица, совершившего преступление. Одни из них непосредственно направлены на установление данных о личности указанного лица: обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3). Другие позволяют получить криминалистически значимую информацию, опосредованно характеризующую привлекаемое к ответственности лицо: — виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы (п. 2); — обстоятельства, смягчающие и (или) отягчающие наказание (п. 6); третьи — в некоторых случаях требуют обращения к личностным данным обвиняемого: обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния (п. 5), обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7). Кроме того, даже такой объективный признак преступления, как способ его совершения, в ряде случаев предполагает учет специфических знаний и навыков, которым владеет лицо, совершившее посягательство. В этой связи не случайно в криминалистике всегда уделялось серьезное внимание вопросам изучения личности субъектов, совершивших преступление [1, с. 21—27; 2, с. 84—90].

Лицо, совершившее преступление, всегда интересовало криминалистику не только как носитель определенных материально-фиксированных следов-отображений, выявленных на месте происшествия, по которым возможно осуществить отождествление, но и на более глубинном уровне. В рамках криминалистической характеристики преступлений как важной информативной составляющей частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений [3, с. 43—55; 4, с. 23—35; 5, с. 7—18], данные о личности типичного преступника, отображающие его криминалистический портрет (синонимичное понятие — психолого-криминалистический портрет), занимают особое место [6, с. 220—224; 7, с. 11—18].

Формирование на основе совокупности достоверных и репрезентативных эмпирических источников обобщенного образа лица, отражающего его физические, физиологические, демографические (возрастные, гендерные и др.), социальные, профессиональные, психологические особенности (а также характерные психические расстройства), является перспективным методико-криминалистическим ресурсом. Подробный добротный психолого-кри-

миналистический портрет [8, с. 3—11] позволяет не только на этапе выдвижения и проверки следственных версий из определенной совокупности заподозренных лиц выделить тех из них, кто наиболее склонен к совершению расследуемых деяний, исходя из анализа исходной информации. Не менее значима роль такого знания для дальнейшего гибкого и результативного установления и поддержания с этими лицами психологического контакта, выбора средств и приемов тактического воздействия при предъявлении доказательств, формулировании вопросов, планировании и непосредственного выполнения следственных действий [9, с. 745—754], а также диагностики и разоблачения посткриминального противодействия расследованию [10, с. 129—135; 11, с. 169—173].

Вместе с тем изучение типичных субъектов преступлений в рамках формирования криминалистических характеристик не отличается стандартизацией. Излагая комплекс криминалистически значимых качеств, характеризующих лиц, склонных к совершению соответствующей категории деяний, исследователи не вполне используют единообразные критерии (не только по наименованию, но и по сущности, содержанию, объему, соотношению и т. д.). Отчасти эта ситуация предопределена нечеткостью законодательной формулировки в п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Иначе говоря, законодатель (по крайней мере, для общего предмета доказывания) не конкретизирует, какие именно качества, характеризующие личность обвиняемого, имеют приоритет с точки зрения всесторонности и полноты исследования обстоятельств события, и должны быть достоверно установлены в материалах дела. Другой причиной является то, что с учетом обширного множества категорий деяний, систематизированных в Особенной части УК РФ на самостоятельные разделы и главы, для одних преступных посягательств могут приобретать первоочередную значимость те личностные качества, которые для иных деяний не обладают существенной выраженностью.

В результате далеко не всегда при изложении указанного элемента криминалистической характеристики преступлений комплекс криминалистических особенностей субъектов преступлений представляет собой поистине полный и содержательный психолого-криминалистический портрет, позволяющий его разносторонне использовать как ценный источник ориентирующей информации.

Кроме того, на неполноту изложения в структуре криминалистической характеристики преступлений значимых для расследования типичных качеств субъектов преступления нередко влияет такой аспект, как межотраслевой характер категории «субъект преступления». Как известно, лицо, совершившее преступление, изучается с позиции различных юридических наук: уголовного права, криминологии, криминалистики [12, с. 244—251] и др., а также иных смежных наук, в частности, юридической психологии, судебной психиатрии и др. В этой связи не являются редкостью механические за-

имствования в криминалистику данных о субъекте из области указанных смежных наук, без должного адаптирования (приспособления) для разрешения задач, стоящих непосредственно перед криминалистикой. Такой путь экстенсивен, и мало что дает для дальнейшего развития криминалистической науки.

В то же время нередко встречается и другая крайность, когда те или иные полученные исследователями данные, характеризующие лиц, совершивших преступление (возрастные, гендерные, образовательные, социальные, индивидуально психологические особенности, специфика мотивации на совершение и (или) сокрытие преступления и т. п.), подвергаются острой критике и объявляются не относящимися к криминалистической науке. Полагаем, подобные суждения чрезмерно категоричны.

В рамках уголовного права общий или специальный субъект рассматривается с точки зрения наличия качеств, указывающих на его способность осознавать фактический характер совершённого деяния и нести за это ответственность. Для криминалистического изучения лиц, совершивших преступление соответствующей категории, эти знания должны выступать лишь в качестве отправных. Наиболее тонкая грань существует между криминологическим и криминалистическим аспектами изучения лиц, совершивших преступление. Криминология также уделяет значительное внимание характеристике типичных качеств лиц, совершивших преступные деяния соответствующей категории. Эти качества могут иметь совпадения по структуре элементов: возрастные, гендерные особенности, образовательный уровень, степень социализации личности и т. п. Но криминология изучает эти качества личности субъектов преступления в целях разработки комплекса мер, специально направленных на профилактику преступности.

В рамках криминалистики уголовно-правовые и криминологические положения в определенной степени учитываются [13, с. 69—76], однако они подлежат дальнейшей трансформации с точки зрения задач, стоящих перед криминалистикой, а именно обеспечения правоприменительной практики научными рекомендациями, способствующими повышению результативности расследования тех или иных групп преступлений. Например, характеристика возрастных качеств типичных преступников важна не сама по себе, а для того, чтобы сузить круг потенциальных подозреваемых. Учет образовательного уровня субъектов преступления для криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений значим для определения взаимосвязи между общими или специальными знаниями и реализуемыми способами преступления, в свою очередь, отображающимися в пространстве в качестве характерной совокупности следов. Лица, имеющие высшее образование и широкий общий кругозор, а также обладающие специальной (профессиональной) компетентностью, зачастую разрабатывают более сложные и нетривиальные способы совершения и сокрытия преступлений, с учетом име-

ющихся у них знаний, умений и навыков. Субъекты, занимающие определенные руководящие посты и (или) имеющие хорошо налаженные корпоративные связи, нередко склонны использовать данный фактор путем совершения тех или иных действий формально от имени других лиц, в результате нередко к уголовной ответственности могут привлекаться лишь рядовые исполнители, а групповой и даже серийный характер деяния остается вне сферы правового воздействия.

Не является самоцелью также установление комплекса индивидуально психологических особенностей, типично присущих субъектам определенных преступлений. Нередко в специальной литературе характеристика личностных особенностей лица, совершившего преступление, трактуется в негативном ключе, как искаженное представление о морально-нравственных ценностях, примитивные жизненные цели и приоритеты, низкий уровень интеллекта, социопатия, стяжательство и т. д. Однако такой подход является стереотипным и упрощенным.

Помимо существования преступных посягательств, совершение которых невозможно без наличия у субъекта высокого уровня интеллекта, специальных знаний и (или) коммуникативных навыков (от хищений, совершённых с использованием высоких технологий, коррупционных преступлений, до организации экстремистского сообщества), далеко не всегда этим лицам свойственна примитивная система жизненных ценностей и ориентиров. Нередко случается так, что высокий интеллект в сочетании с идеализмом и неудовлетворенными запросами (материального и нематериального характера), разочарованием в тех или иных представлениях относительно картины мира и (или) малой социальной группы, на фоне перенесенных в детском или юношеском возрасте и вытесненных в подсознание психотравм, способствует становлению на путь конфликта с законом. Кроме того, совершению различных преступлений служебной направленности предшествует профессиональное выгорание, обусловленное внутриличностным конфликтом.

Ни в коей мере не стремясь морально реабилитировать указанных субъектов, отметим, что более углублённое изучение индивидуальных психологических особенностей лиц, совершивших посягательства определенной группы, результаты которых систематизированно воплощены в криминалистической характеристике, способствует лучшему пониманию характерологических особенностей лиц, подозреваемых или обвиняемых по конкретным уголовным делам о преступлениях соответствующей категории. Это важно не только для создания с этими лицами отношений сотрудничества, формирования доверительной атмосферы, но и для установления подлинных обстоятельств деяния, выявления скрываемых взаимоотношений между лицами, причастными к преступлению (установлению истинных ролей между соучастниками), разоблачения оговора или самоговора.

Кроме того, широко известно суждение о том, что для того, чтобы установить и изблечить лицо, совершившее деяние, необходимо понять побуждения, которыми оно руководствовалось. Это указывает на значимость исследования криминалистических аспектов мотивации противоправного поведения [14, с. 164—167]. Между тем, анализируя многочисленные научные дискуссии, состоявшиеся в процессе защит диссертационных исследований, автор настоящей публикации неоднократно обращала внимание на отсутствие единообразия научных взглядов относительно места преступной мотивации в структуре криминалистической характеристики преступлений.

Одни исследователи признавали особенности мотивации в качестве не только самостоятельных, но и ведущих (ключевых) структурных элементов криминалистической характеристики преступлений [15, с. 34—38]. Другие исследователи ограничивали исследование типичных мотивов, которыми руководствовался подозреваемый (обвиняемый), особенностями личности этих субъектов (т. е. включали мотивы преступления в характеристику типичных особенностей личности преступника). Третьи — не считали необходимым исследовать особенности внутренних преступных побуждений, поскольку они не влияли на квалификацию деяния, рассматриваемого с позиции формирования частной криминалистической методики. Четвертые — вообще критиковали целесообразность изучения типичных мотивов в рамках криминалистической характеристики преступлений, считая мотивы преступления исключительно уголовно-правовым и криминологическим (но не криминалистическим) понятием.

Уважая точки зрения всех исследователей, сформулируем нашу позицию по существу обозначенного вопроса. Как уже упоминалось, мотивы преступления (наряду с виновностью и формой вины) входят в содержание перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию. Поэтому установление формы вины и реализуемых субъектом мотивов необходимо по каждому делу, независимо от того, влияют ли мотивы на квалификацию соответствующего посягательства. Преступление — есть деяние, совершённое только при наличии вины, определяемой как внутреннее (психическое) отношение лица к совершённому действию (бездействию) и наступившим последствиям. Наличие в структуре вины (независимо от её формы) интеллектуальных и волевых аспектов априорно предопределяет факт осознания фактического характера и общественной опасности деяния, а также возможности сознательного управления своим поведением, что объективно позволяет установить побуждения, которыми руководствовалось лицо, принявшее решение о совершении преступления. Приведенное кратко уголовно-правовое понимание вины и мотивов важно для дальнейшего криминалистического исследования.

Относительно статуса знания об особенностях преступной мотивации применительно к структуре криминалистической характеристики преступлений, а именно должно ли оно выступать как самостоятельный элемент или

составляющая (компонент) сведений о личности типичного преступника, как представляется, по общему правилу возможны оба варианта. Их выбор зависит от степени выраженности преступной мотивации, её роли в механизме преступного посягательства. Если спектр проявления мотивации достаточно стандартен и не отличается существенным своеобразием (например: корысть в виде разовой выгоды; создание видимости высокого авторитета и (или) более благополучного финансового положения; стремление оказать помощь своим знакомым (близким) в обход существующих правил и т. п.), то достаточно рассмотрения особенностей типичных мотивов в структуре характеристики личности субъектов преступлений. Разумеется, что при этом исследование особенностей преступной мотивации не должно ограничиваться перечислением выявленных типичных мотивов, ибо в таком случае происходит возврат в криминологическую плоскость знания, тогда как для криминалистики важна взаимосвязь мотивации с личностью субъекта преступления, его действиями по совершению и сокрытию деяния, а также иными элементами механизма преступления.

Однако, если преступная мотивация отличается выраженной поливариантностью, при этом тот или иной мотив детерминирует не только качественно различный объем, сущность и содержание действий по совершению и сокрытию преступлений, но и обуславливает причастность к деянию кардинально разных типов субъектов, то целесообразно рассматривать особенности преступной мотивации в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики. В подобных случаях даже мотивы, внешне, на первый взгляд, относящиеся к одной природе, нередко на глубинном уровне существенно разнятся и формируют качественно различную модель механизма преступления. Например, корыстные мотивы могут быть связаны как с разовым получением материальной выгоды, так и с созданием организованного формирования, осуществляющего противоправную деятельность в качестве своеобразного теневого бизнеса, приносящего сверхдоходы.

Наконец, существуют деяния, где роль мотивации в системе механизма преступления не только весьма высока, но и где, исходя именно из наличия специфической мотивации, возможно дифференцировать посягательство по отношению к смежным деяниям. Типичным примером являются преступления экстремистской направленности, к которым, согласно определению, изложенному в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ, относятся деяния, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, а равно по мотивам ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы. Иными словами, практически всякое посягательство, если оно совершено под воздействием указанных мотивов, относится к категории преступлений экстремистской направленности. Поэтому в подобных случаях закономерно, что именно мотивация должна выступать не только в качестве самостоятельного, но и системообразую-

щего, ключевого, ведущего, краеугольного элемента криминалистической характеристики преступлений.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что мотивы или побуждения продуцируются сознанием лица, совершившего преступление, отражают его психическую составляющую (включая индивидуально-психологические особенности, текущие психологические процессы и состояния, реакции на психотравмирующие ситуации и т. п.). Поэтому они образуют коррелятивные связи со способами совершения преступлений, внешне отображаясь в следах соответствующего воздействия на окружающее пространство и (или) личность потерпевшего. Анализ преступной мотивации нередко может объяснить выбор личности потерпевшего и (или) предмета преступного посягательства, внутренние причины, объясняющие поведение лица в определенной ситуации. Поэтому мы убеждены в важности исследования криминалистических аспектов преступной мотивации в силу её безусловного влияния на поведенческие особенности данного лица и способности послужить своеобразным информационным ключом к выявлению иных значимых для расследования обстоятельств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Варданын А. В.* Посткриминальное поведение и элементы криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации (ч. 1) / А. В. Варданын, А. С. Андреев // Юрист-Правоведъ. — 2016. — № 2 (76). — С. 21—27.
2. *Грибунов О. П.* Типология личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп / О. П. Грибунов, С. Г. Загорьян // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 84—90.
3. *Головин А. Ю.* Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2012. — № 1—2. — С. 43—55.
4. *Варданын А. В., Грибунов О. П.* Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданын, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.
5. *Грибунов О. П.* Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений / О. П. Грибунов, Н. А. Назырова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 7—18.
6. *Халиков А. Н.* Криминалистические особенности изучения личности преступника, при расследовании взяточничества, совершенного должностными лицами правоохранительных органов / А. Н. Халиков // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б. И. Шевченко. Тезисы выступлений. — М., 2004. — С. 220—224
7. *Грибунов О. П.* Криминалистическая характеристика личности мошенника (на примере ч. 5—7 ст. 159 УК РФ) // О. П. Грибунов, А. Н. Залескина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2018. — № 3—2. — С. 11—18.

8. *Варданян А. В.* Научный потенциал методики построения психолого-криминалистического портрета личности типичного преступника в контексте проблемы совершенствования криминалистической характеристики преступлений / А. В. Варданян // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. участников XII всерос. науч.-практ. конф. — Ростов-н/Д., 2015. — С. 3—11.

9. *Варданян А. В.* Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования / А. В. Варданян, В. В. Казаков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 4. — С. 745—754.

10. *Варданян А. В.* Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития / А. В. Варданян // Философия права. — 2020. — № 1 (92). — С. 129—135.

11. *Варданян А. В.* Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности / А. В. Варданян // Юристъ-Правоведь. — 2020. — № 1 (92). — С. 169—173.

12. *Варданян А. В.* Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А. В. Варданян // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10. — № 2. — С. 244—251.

13. *Гармаев Ю. П.* Использование уголовно-правовых и криминологических данных в криминалистических характеристиках и методиках расследования преступлений / Ю. П. Гармаев // Социология уголовного права: коллизии уголовно-правовой статистики: сб. ст. по мат-лам II междунар. науч.-практ. конф. — М., 2014. — С. 69—76.

14. *Варданян А. В.* Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве / А. В. Варданян // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — № 3 (30). — С. 164—167.

15. *Варданян А. В.* Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности / А. В. Варданян, Е. В. Говорухина // Юристъ-Правоведь. — 2015. — № 3 (70). — С. 34—382.

УДК 343.985

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-28-34

Амиров Равиль Гайсович,

преподаватель кафедры криминалистики

Казанского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Аннотация. В данной статье рассматриваются и изучаются особенности тактики проведения допроса в расследовании причинения тяжкого вреда здоровью, как одна из проблем следствия. Особенное внимание уделено тактике допроса потерпевшего, свидетелей и подозреваемого. Даны тактические рекомендации с учетом складывающихся следственных ситуаций и психологических особенностей допрашиваемых. Вся работа основана на судебной практике, официальной статистике совершения преступлений и на других источниках.

Ключевые слова: допрос, тяжкий вред здоровью, следственные ситуации, тактические рекомендации.

Amirov Ravil Gaisovich,

Lecturer of the Department of Criminalistics

of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

METHODS FOR INVESTIGATING THE INFLICTION OF GRIEVOUS HARM

Abstract. This article considers and studies the peculiarities of interrogation tactics in the investigation of grievous bodily harm as one of the problems of the investigation. Particular attention is paid to the tactics of interrogating the victim, witnesses and suspect. Tactical recommendations are given taking into account the emerging investigative situations and psychological features of the interrogated. All work is based on judicial practice, official statistics of crimes and other sources.

Keywords: interrogation, serious harm to health, investigative situations, tactical recommendations.

По рассматриваемой категории преступлений расследование желательно начинать с допроса потерпевшего сразу после происшествия. До тех пор, пока естественный процесс забывания не сгладит в его памяти подробности происшествия и пока потерпевший не успеет переоценить причины происшествия, свое участие в нем, необходимо выяснить мотивы поведения подсудимого. Бывает так, что пострадавший часто теряет интерес к привлечению к уголовной ответственности правонарушителя, меняются его показания (иногда и не специально) о мотивах поведения, деталях и даже участниках события, был ли причинен, помимо вреда здоровью, вред другому иному имуществу потерпевшего, иным лицам [1, с. 579]. Также нужно учесть воз-

возможность оказания влияния на потерпевшего лиц, которым исход данного дела небезразличен.

Если вред здоровью был причинен в драке, т. е. во время эмоционального стресса, влияющего на восприятие и память, рекомендуется повторно допросить потерпевшего через 1—2 недели после происшествия. По мнению психологов, именно этот период является оптимальным для правильного воспроизведения события, воспринимаемого в период эмоционального напряжения. Невыполнение этого требования может привести к обвинению совершенно другого человека.

При допросе потерпевшего необходимо учитывать его состояние. В случае причинения тяжкого вреда здоровью состояние пострадавшего будет плачевным, поэтому допрос проводится по возможности. При этом стоит учитывать, что допрос желательно провести как можно скорее после совершения преступления для оперативного получения информации о личности преступника.

Если же допрос возможно провести, то его следует производить со звукозаписью, при этом рядом с потерпевшим обязательно должен присутствовать его лечащий врач. Стоит учитывать возможную заведомо ложную дачу показаний пострадавшим. Это может быть связано с тем, что до причинения тяжкого вреда здоровью предшествовало аморальное, противоправное поведение самого пострадавшего.

Основные вопросы, которые следует задавать в таких ситуациях:

- место, время, способ причинения тяжкого вреда здоровью;
- имеет ли пострадавший какую-либо связь с преступником. Если да, то выяснить, кем является и как долго они знакомы. Если эти два лица незнакомы — необходимо узнать от пострадавшего его внешние признаки;
- был ли преступник один или с кем-то, как появился на месте преступления и каким образом скрылся с места преступления;
- по возможности узнать от пострадавшего, кто и каким образом оказал ему первую помощь, кто был рядом в момент совершения преступления;
- важно выяснить от потерпевшего возможные цель и мотив причинения ему тяжкого вреда здоровью [2, с. 372—375].

При этом следует обратить внимание на психофизическое состояние потерпевшего. Поэтому самым рациональным действием будет проведение повторного допроса в последующем. Это необходимо для того, чтобы дать некоторое время пострадавшему вспомнить конкретные моменты совершения преступления и возможные важные данные о нападавшем.

Типичные ситуации, которые возникают в ходе допроса потерпевшего или свидетеля [3, с. 101—102]:

- они высказывают подробные и точные показания, которые относятся к событиям совершения преступления, по существу заданных следова-

телем вопросов, и которые следователь считает установленными и фактически доказанными;

— та информация, которая была дана свидетелем или потерпевшим, носит опосредованный характер. Показания непоследовательные и неточные, хотя следователь считает, что обстоятельства, по которым даются показания, установлены следствием;

— лица уведомяют следователя, что обстоятельства, по поводу которых он их допрашивает, им неизвестны или они не могут вспомнить их.

Первая из названных выше ситуаций имеет наибольшее распространение. В подавляющем количестве случаях свидетели и потерпевший придерживаются таких действий.

Серьезных усилий и работы от следователя требует вторая ситуация. В этом случае следователю необходимо выяснить — по какой причине показания носят сумбурный характер, и как этого избежать. Часто в этой ситуации свидетели и потерпевший могут давать показания, не соответствующие действительности, из-за нежелания привлечения своего знакомого (родственника, друга) к уголовной ответственности. При этом такая ситуация может возникнуть как на первом допросе, так и на последующих. Это связано с тем, что потерпевший или свидетель могли осознать, что дали подтверждающие показания против подозреваемого. И как итог — эти лица изменяют свои показания на повторных допросах, что ставит следствие в неудобное и положение.

Для устранения таких ситуаций необходимо провести некоторые следственные действия, которые помогут вспомнить обстоятельства совершения преступления или изобличить этих в лиц в даче ложных показаний. Такими действиями могут выступать: постановка уточняющих вопросов, напоминание в общих чертах о событиях совершения преступления; проведение повторного допроса, при этом провести его можно на месте совершения преступления для приближения к тем условиям, в которых было совершено преступление; проведение очной ставки при наличии противоречий в показаниях потерпевшего и свидетелей.

Допрос подозреваемого же может быть построен по-разному. Это зависит от того, насколько он предрасположен к диалогу со следственными органами. В частности, имеют широкое распространение две ситуации такого диалога. В первой подозреваемый признаёт свою вину и ведет активное сотрудничество со следствием, что значительно облегчает работу следователя. Такая ситуация называется простой.

Во второй ситуации подозреваемый принимает такую позицию, в которой он не намерен каким-либо образом содействовать расследованию данного преступления и всячески отказывается от диалога со следователем. Эта ситуация именуется сложной.

Как правило, огромное распространение имеет именно первая ситуация. Часто подозреваемые в совершении преступления, в результате которого был причинен тяжкий вред здоровью, сотрудничают со следствием и идут на открытый диалог (примерно 57 % случаев).

В сложных ситуациях подозреваемый не так часто отказывается от дачи показаний, сославшись на ст. 51 Конституции Российской Федерации. Большое распространение имеют случаи, когда подозреваемый сознательно лжет следователю по существу юридически значимых моментов для квалификации содеянного. Он подтверждает факт причинения тяжкого вреда здоровью, но при этом всячески пытается снизить общественную опасность данного деяния несуществующими фактами. Если же следователь сталкивается с подобной ситуацией, то тактика допроса должна быть построена таким образом, чтобы всячески уличить подозреваемого в сообщении сведений, которые не соответствуют действительности.

Самым удачным средством данного изобличения могут выступить те вещественные или иные доказательства, которые были получены в ходе ранее проведенных следственных действий. Это могут быть показания свидетелей, результаты проведения судебных экспертиз, предъявление вещественных доказательств, изъятых на месте совершения преступления и т. д. Также в качестве хорошего средства для изобличения подозреваемого во лжи выступает проведение очной ставки.

Также немаловажен и допрос возможных свидетелей и очевидцев совершения преступления. Это поможет следователю выяснить возможное противоправное поведение пострадавшего, его аморальное поведение или же факт несчастного случая.

Следует тщательно допросить свидетелей по поводу личностей пострадавшего и преступника, их отношений, как и каким образом был причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего. По возможности нужно разузнать у свидетелей-очевидцев приметы и внешние признаки лица, совершившего преступление (одежда, внешность, откуда прибыл и каким образом скрылся, был ли он один или в группе лиц, имел ли какие-нибудь отличительные признаки — татуировки, шрамы, обезображенное лицо и т. д.).

Данные показания помогут направить расследование в нужное русло, при этом необходимо сравнивать эти показания для установления достоверных данных.

Но также тут имеет место и наличие упущений при проведении допроса свидетелей. Одна из основных ошибок при допросе — занесение в протокол допроса показаний в обобщённых чертах, без каких-либо уточнений или подробных изложений. Именно присутствие такой информации в протоколе может помешать дальнейшему ходу расследования. Так, деятельность следственных органов значительно усложнится, когда свидетель или же пострада-

давшее лицо откажется от части своих показаний или, наоборот, укажет на новые события в совершении преступления [4, с. 101—102].

Исключить наступление негативных последствий для следствия в подобной ситуации можно лишь методом составления прогнозов возможного изменения показаний свидетелей, пострадавшего или подозреваемого. Поэтому очень важно на самом первом допросе задавать указанным лицам уточняющие, детализирующие вопросы, которые впоследствии помогут избежать витиеватое поведение допрашиваемых.

Если точно выделять проблему проведения такого следственного действия, как допрос, то стоит обратить взгляд на дачу ложных показаний. Обычно они могут обретать следующие формы:

1. Полнейшее отрицание в причастности к причинению тяжкого вреда здоровью. В этом случае данные, которые нехотя рассказывает допрашиваемый, имеют максимально общий вид, при этом конкретной информации по данному преступлению не несут, ответы сжаты и коротки. При этом «расколоть» лицо, подозреваемое в совершении преступления, не может представлять особой сложности при наличии небольших доказательств (показания очевидцев; сведения, полученные с электронных носителей и т. д.).

2. Отрицание части того, в чем пытаются уличить подозреваемое лицо, построение такой ситуации, которая может быть выгодна и полезна только подозреваемому.

3. Перемещение конкретных событий между друг другом, возможная их замена другими или и вовсе вымышленными, что указывает на нежелание работать со следствием.

Полученные результаты данного следственного действия значительно весомо определяют тактику проведения допроса с потерпевшим.

Еще одним достаточно значимым следственным действием в расследовании причинения тяжкого вреда здоровью является обыск [3, с. 101—102]. Он необходим в первую очередь для отыскания орудия совершения преступления (если оно не было найдено в ходе проведения осмотра места происшествия), возможных элементов одежды, следы которой были найдены на месте совершения преступления (нитки определенной ткани, куски одежды, обувь), а также предметов, которые могли сохранить на себе кровь или иные следы потерпевшего. Следует исследовать жилище подозреваемого на наличие признаков попытки уничтожить какие-либо доказательства. Это позволит следствию понять, действительно ли они пришли к разыскиваемому ими лицу.

Если же после допроса имеются существенные противоречия в показаниях, то следователю целесообразно назначить проведение очной ставки между теми допрашиваемыми, чьи показания противоречат друг другу. В этом случае стоит убедиться в необходимости проведения такого следственного действия, т. к. показания, которые давались допрашиваемыми ра-

нее, могут быть изменены. Так же между участниками очной ставки впоследствии невозможно проведение предъявления для опознания.

По возможности, если состояние потерпевшего позволяет это сделать, следователь может провести предъявление для опознания. При этом следует отметить, что такое следственное действие, как предъявление для опознания, требует обязательного участия понятых для правомерности его проведения.

Нередки случаи, когда при причинении тяжкого вреда здоровью следователь может назначить проведение следственного эксперимента. Такое следственное действие производится для того, чтобы проверить показания подозреваемого или потерпевшего на месте преступления относительно механики совершения данного противоправного деяния. Желательно при проведении эксперимента использовать специальные технические средства для видео- или киносъемки.

В ходе данного следственного действия проверяются возможности причинения тяжкого вреда здоровью. Здесь важную роль играют местоположение подозреваемого и потерпевшего, хронология их действий, механизм нанесения удара, возможность причинения тяжкого вреда в данной обстановке и другие вопросы, которые в процессе расследования могут возникнуть у следствия.

Особенное значение при расследовании тяжкого вреда здоровью имеет судебная экспертиза. Судебная экспертиза является обязательной, если вследствие совершения преступления был причинен вред здоровью потерпевшего¹.

Первоначальные данные о состоянии здоровья пострадавшего могут быть получены из медицинского учреждения, в которое он был доставлен. На основе этих данных в самом начале расследования возможно выстроить первичные версии следствия по поводу совершения преступления. Однако только судебная экспертиза может точно и достоверно ответить на вопрос о том, какой вред здоровью был причинен потерпевшему [6, с. 240]. Проведение судебной экспертизы поможет следствию правильно квалифицировать содеянное деяние.

Эксперту предоставляются медицинская карточка потерпевшего, история болезней и все необходимые предметы, которые помогут установить степень тяжести причиненного вреда здоровью. Также ему необходимо предоставить предположительное орудие совершения преступления, чтобы эксперт определил, возможно ли таким предметом нанести имеющиеся на потерпевшем повреждения, и каким образом это было сделано.

Вопросы, чаще всего выдвигаемые эксперту для их разрешения:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 22 дек. — № 249.

- какая степень тяжести причиненного вреда здоровью потерпевшего;
- каким предметом или предметами возможно было нанести такие телесные повреждения;
- каково время причинения установленного вреда здоровью;
- с какой стороны, под каким углом были нанесены такие повреждения. Иными словами — определить расположение пострадавшего и подозреваемого относительно друг друга;
- мог ли сам пострадавший причинить себе такой вред именно этим предметом и именно с установленной силой удара;
- есть на теле потерпевшего следы активной борьбы, сопротивления, самообороны;
- насколько соотносятся показания подозреваемого и потерпевшего относительно совершения преступления по имеющимся повреждениям на потерпевшем и его одежде;
- насколько была утрачена трудоспособность.

Последний вопрос достаточно важен, т. к. он играет роль не только в уголовном процессе, но и в гражданском. Это вызвано дальнейшим предъявлением гражданского иска к преступнику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Чельшева О. В., Сотников К. И., Лутошкин Г. Ю.* Криминалистика: учебник / О. В. Чельшева, К. И. Сотников, Г. Ю. Лутошкин и др. Санкт-Петербургский университет. — СПб: Р-КОПИ. — 2017. — 579 с.
2. *Родионова Ю. В.* О некоторых вопросах расследования тяжких преступлений против личности прошлых лет / Ю. В. Родионова // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. И. Бастрыкина. — 2017. — С. 372—375.
3. *Хорошева А. Е.* Криминалистические ошибки, допускаемые в ходе доказывания по делам об особо тяжких преступлениях против личности / А. Е. Хорошева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2017. — № 15—1. — С. 101—102.
4. *Варданян А. В.* Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких преступлений против личности, совершенных по корыстным мотивам / А. В. Варданян // Юристы-правоведы. — 2010. — № 3. — С. 5—8.
5. *Лапин А. В.* Криминалистическая экспертиза. Курс интенсивной подготовки / А. В. Лапин. — М.: ТетраСистемс. — 2016. — 240 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-35-43

Баргаринов Аслан Рамазанович,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые составляющие организации расследования транснациональных преступлений экстремистского характера. Приводится классификация типичных исходных следственных ситуаций начального этапа расследования транснациональных преступлений экстремистского характера в Республике Казахстан. Аргументируется важность знания таких ситуаций для выдвижения версий о произошедшем событии и программирования действий субъектов досудебного расследования; а также для разработки криминалистических методов, средств и рекомендаций по действию в типовых ситуациях раскрытия и расследования рассматриваемой группы преступлений.

Ключевые слова: транснациональные преступления, экстремистский характер, следственная ситуация, типичная ситуация, версия, начало досудебного расследования, программа действий, планирование, следователь, оперативный работник.

Bargarinov Aslan Ramazanovich,

adjunct of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikotya

**ON SOME ISSUES OF THE ORGANIZATION OF THE INVESTIGATION
OF TRANSNATIONAL CRIMES OF AN EXTREMIST CHARACTER
(ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)**

Abstract. : The article examines the important components of the organization of the investigation of transnational crimes of an extremist nature. A classification of typical initial investigative situations of the initial stage of investigation of transnational crimes of an extremist nature in the Republic of Kazakhstan is given. The importance of knowledge of such situations is argued for putting forward versions of an event that happened and programming the actions of the subjects of pre-trial investigation; as well as for the development of forensic methods, means and recommendations for actions in typical situations of disclosure and investigation of the considered group of crimes.

Keywords: transnational crimes, extremist character, investigative situation, typical situation, version, initiation of pre-trial investigation, action program, planning, investigator, operative.

В числе актуальных проблем организации деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих функции уголовного преследования, в частности, следователей, оперативных работников, специалистов-криминалистов, важное место занимают вопросы разрешения исходных следственных ситуа-

ций и выстраивания программы действий указанных субъектов. Первое определение следственной ситуации было предложено А. Н. Колесниченко, который полагал её в виде «определенного положения в расследовании преступлений, характеризуемого наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки» [1].

Исследования проблематики следственных ситуаций активизировались в середине 70-х годов XX в., и постепенно сформировались две основные точки зрения на понятие и сущность этой научной категории. Согласно первой, следственная ситуация — это те объективные реальные условия, в которых в каждый данный момент осуществляется расследование (Р. С. Белкин, И. Ф. Герасимов и др.); согласно второй — следственная ситуация — это информационная модель обстановки, в которой ведется расследование (В. К. Гавло, Л. Я. Драпкин и др.). Концепция следственной ситуации особенно детально и многопланово разрабатывалась Л. Я. Драпкиным [2]. Другие авторы, в принципе, разделяли одну из обозначенных точек зрения. По сути, обе они не противоречат друг другу, поскольку, по меткому замечанию Р. С. Белкина, «познание следственной ситуации как объективной реальности и заключается в построении информационной модели, отражающей результаты этого познания» [3].

В последующие годы изучению отдельных аспектов следственной ситуации в той или иной степени уделяли внимание многие ученые-криминалисты [4; 5], а в настоящее время можно говорить уже о сформировавшейся частной криминалистической теории. Тем не менее до сих пор дискуссионными остаются вопросы о понятии следственной ситуации, её содержании и месте в системе криминалистики [6]. Нам представляется наиболее предпочтительной позиция по этим вопросам Р. С. Белкина. В частности, его определение следственной ситуации как совокупности условий, в которых в данный момент осуществляется расследование (т. е. как обстановки, в которой протекает процесс доказывания [7; 8]), разделяет абсолютное большинство (76 %) опрошенных нами практических работников.

Криминалистическое значение следственной ситуации, по точному замечанию И. А. Копылова, заключается в том, что она всегда содержит соответствующий потенциал, позволяющий определять оптимальные пути, средства и приемы расследования [9]. В силу динамичности природы следственной ситуации нельзя говорить об её исчерпывающем содержании даже применительно к определенным видам преступлений или к отдельным этапам и даже моменту расследования. Информационная база расследования постоянно меняется, складываются новые следственные ситуации.

Структура конкретной ситуации двуедина: с одной стороны, это объективная реальность — положение материальных и идеальных объектов в пространстве и времени, образующих следовую «картину», обстановку события либо деятельности, а с другой, — это новое субъективное знание, возникаю-

щее на основе актуализации следовой «картины» и используемое для познания сущности события, породившего ситуацию. Следовательно, конкретная ситуация в своей структуре всегда имеет две стороны: материальную и идеальную, которые иногда называют внешней и внутренней [10].

На выбор тактики действий следователя во многом влияет вид сложившейся следственной ситуации. Так, по отношению к возможности достижения цели расследования следственные ситуации подразделяются на благоприятные и неблагоприятные; по отношениям между участниками: конфликтные и бесконфликтные; по степени определенности: типичные и специфические, а также по ряду других оснований. Вопросы, связанные с классификацией следственных ситуаций, на наш взгляд, достаточно подробно освещены в криминалистической литературе [2; 5].

В процессе расследования транснациональных преступлений экстремистского характера в Республике Казахстан (далее — РК) следователю приходится работать преимущественно в условиях неблагоприятной следственной ситуации, поскольку основная масса уголовных дел возбуждается при выявлении рядовых исполнителей из состава преступных групп и совершении ими единичных преступлений, что затрудняет задачу установления руководителей и организаторов таких формирований.

Правильный выбор тактики действий в процессе расследования во многом зависит именно от сложившейся на определенном этапе ситуации, от комплекса действий, предпринятых следователем по её разрешению. Оценка следственных ситуаций и выбор на этой основе тактических приемов, в целом направлений расследования являются важнейшими условиями целенаправленности следствия, принятия научно обоснованных и оптимальных решений тактического, методического и технико-криминалистического характера. Т. С. Волчецкая справедливо отмечает, что важнейшей составной частью моделирования любой деятельности, в том числе и деятельности по расследованию преступлений, является моделирование ситуаций, в которых эта деятельность осуществляется [11].

При расследовании уголовных дел о транснациональных преступлениях экстремистского характера в РК наибольшие трудности, как правило, возникают на первоначальном этапе расследования, вследствие дефицита информации и ряда других факторов, особое значение в таких условиях приобретает проблема выделения типичных исходных следственных ситуаций. Их существование позволяет наметить определенный образ действий следователя, а при соответствующих обстоятельствах — предвидеть их возникновение как закономерных. Д. С. Хижняк обоснованно предлагает именовать их транснациональными криминалистическими (следственными) ситуациями, отмечая, что, по сути, они являются отражением уже созданной криминальной ситуации (обстановки реально совершённого преступления), которая их и определяет [12].

Основными элементами исходной следственной ситуации являются: первоначальная информация о событии, содержащем признаки преступления, и о лицах, причастных к этому событию; объективные условия, характеризующие процесс получения этой информации (место, время, климатические условия, использованные научно-технические средства); силы и средства, имеющиеся в распоряжении следователя для дальнейшей работы по использованию исходной информации в этих условиях; позиция подозреваемого, потерпевшего, свидетелей, результаты их противодействия установлению истины; иные факторы, препятствующие или способствующие успешному решению криминалистических задач.

Как показывает практика, на первоначальном этапе расследования транснационального преступления экстремистского характера следственная ситуация определяется наличием информации:

- о совершении преступления единолично или в составе группы;
- о том, к какой запрещенной экстремистской, террористической организации относятся участники преступления;
- о том, что именно свидетельствует о транснациональном характере преступления;
- о том, находилось ли транснациональное преступное формирование под оперативным контролем или выявлено в результате совершения преступления;
- о задержании всех участников преступления или их части, их гражданство.

В результате изучения уголовных дел представляется возможным отметить, что все типичные исходные следственные ситуации при расследовании транснациональных преступлений экстремистского характера можно объединить в следующие основные группы:

1. Выявлен факт совершения преступления экстремистского характера с использованием возможностей сети Интернет (мессенджеров, социальных сетей), данные о личности преступника отсутствуют — 39 %. При этом возможны два варианта ситуации:

- с технического устройства, расположенного на территории РК;
- с технического устройства, расположенного за пределами территории РК.

2. Поступила информация о совершении преступления экстремистского характера конкретным лицом — 28 %. При этом имеется определенная информация о личности преступника, в частности его установочные данные.

Так, в ходе ОРМ получена информация о том, что гражданин РК К. посредством мессенджера Telegram контактирует с неустановленным боевиком МТО «ДАИШ» и при координации указанного лица осуществляет пособническую деятельность в интересах указанной МТО. Целью указанного боевика является осуществление террористических актов на территории г. Алматы.

3. Лицо задержано при совершении преступления экстремистского характера (8 %). Как правило, это происходит в порядке реализации оперативно-розыскных данных.

4. О совершении транснационального преступления экстремистского характера становится известным из сообщений Интерпола или правоохранительных органов зарубежных стран — 17 %. Эта ситуация возможна, когда граждане РК задерживаются за рубежом за совершение экстремистских преступных действий либо при наличии информации о том, что граждане РК принимают участие в деятельности незаконных формирований, расположенных на территории зарубежных государств, и поддерживают связь с их членами.

В первом случае возникает неблагоприятная следственная ситуация, чему, на наш взгляд, способствуют следующие факторы: в имеющихся материалах, как правило, отсутствуют не только данные о личности экстремистов, но и многие обстоятельства, входящие в предмет доказывания; сотрудники различных учреждений, организаций, сотрудники полиции, служб безопасности, обнаружившие факт преступления, дают показания только о самом факте; следственная ситуация носит ярко выраженный характер тактического риска, при котором следователь сталкивается со сложным вероятностным выбором одного из возможных способов своих действий, причем каждый из них не гарантирует успешного раскрытия и расследования преступления.

В рассматриваемой ситуации первоочередной задачей является определение характера и источников информации, необходимой для установления лица, совершившего преступление. Исключительно важны при этом результаты безотлагательного осмотра участка сети. Только на этой основе, тем более, если отсутствовала оперативно-розыскная информация, могут быть выдвинуты версии о возможном круге лиц, причастных к совершению преступления. Для динамики первой типичной следственной ситуации по делам транснациональном экстремизме свойственно то, что она либо перерастает в благоприятную, в результате установления лица, подозреваемого в его совершении, что происходит крайне редко либо приходит в состояние еще большей информационной неопределенности, затрудняющей возможность раскрытия преступления.

Все иные типичные следственные ситуации характеризуются наличием более или менее полной информации о личности предполагаемого преступника и различными дополнительными возможностями по его установлению и доказыванию вины. В силу этого каждая из таких ситуаций является более перспективной для достижения целей расследования, чем первая. В частности, в условиях третьей ситуации возбуждение уголовного дела зачастую выступает следствием реализации материалов оперативно-розыскных мероприятий; задержание лиц, совершивших преступление экстремистского характера, осуществляется в максимально благоприятных для последующего доказывания преступной деятельности условиях. Расследование в такой ситуации

направлено главным образом на уточнение всей фактической картины преступления: доказываются факты известной преступной деятельности, выясняются неизвестные эпизоды, уточняется круг фигурантов и т. д. Если имеются данные о том, что выявленный факт не является единичным, расследование также должно быть направлено на выявление организаторов и иных участников преступления, связи с другими преступлениями.

Ключевым моментом в раскрытии и расследовании транснационального преступления экстремистского характера в РК является начало досудебного расследования, предполагающее регистрацию заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие (ст. 179 УК РК). Согласно ст. 187 УПК РК, предварительное следствие по транснациональным преступлениям экстремистского характера может проводиться следователями Комитета национальной безопасности, органов внутренних дел или службой экономических расследований Республики Казахстан. Своевременное начало досудебного расследования способствует выявлению и задержанию лиц, причастных к совершению транснационального преступления экстремистской направленности, и доказыванию их вины.

По рассматриваемой категории дел нередко складывается такая ситуация, когда, например, распространение материалов экстремистского характера с использованием сети Интернет посредством их размещения на страницах социальных сетей и с помощью мессенджеров осуществляется в разное время на территории различных городов и районов. При этом такие отдельные действия в разных местах, по существу, являются эпизодами одного продолжаемого преступления. Чтобы важная информация, имеющая доказательственное значение, не была рассредоточена в материалах нескольких уголовных дел и не оказывалась разрозненной, надо изучать и своевременно решать вопрос о возможном соединении уголовных дел. В таком случае подследственность будет определяться прокурором (ст. 187 УПК РК).

Определенные сложности в решении вопроса о начале досудебного расследования возникают в ситуациях выявления фактов размещения публикаций, комментариев и сообщений на страницах социальных сетей, в личной переписке в мессенджерах. В этом случае необходимо проведение исследования соответствующей информации для установления признаков возбуждения социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни. Так, Б. на своей странице в социальной сети Instagram, а также в личной переписке мессенджера WhatsApp разместил публикации, комментарии и сообщения, которые, согласно выводам заключения экспертов, содержат признаки возбуждения религиозной вражды и розни.

Информация, которой располагают органы расследования, исходя из сложившейся на конкретном этапе следственной ситуации, служит основой для построения версий и планирования действий следователя по провер-

ке данных версий. Анализ следственной практики свидетельствует о зависимости выдвижения версии от сложившейся ситуации по делам о транснациональном экстремизме.

Так, при выявлении факта совершения преступления экстремистского характера с использованием возможностей сети Интернет выдвигаются в первую очередь версии о возможных местах нахождения точки выхода в сеть, об оборудовании и материалах, используемых для указанной цели, о личности преступника, его причастности к деятельности конкретной запрещенной организации. Вторая типичная ситуация добавляет версию о возможных местах нахождения преступника и его сообщников.

Результаты обобщения практики раскрытия и расследования транснациональных преступлений экстремистского характера, в частности изучения уголовных дел, показывают, что разработка и выдвижение версий о личности руководителя преступной группы (ячейки) по делам данной категории имеют предметную основу лишь после проведения, по крайней мере, первоначальных следственных действий с задержанным подозреваемым. Первостепенное значение при организации расследования рассматриваемого вида преступлений имеют версии об источнике получения информации, материалов экстремистского характера, каналах связи задержанного с преступной группой.

В этом аспекте в качестве типичных версий можно выделить следующие: преступник действовал в одиночку, вдохновившись идеями, полученными через материалы, размещенные в сети Интернет, и преступник является членом организованной преступной группы.

Третья типичная ситуация диктует необходимость выдвижения и проверки версии о круге возможных лиц, обладающих информацией о преступной деятельности экстремистского характера. Для этой ситуации характерно то, что часть возможных версий уже была проверена оперативным путем, и тот объем информации, которым располагают органы и должностные лица, осуществляющие функции уголовного преследования на момент начала досудебного расследования, значительно облегчает выдвижение следственных версий и позволяет их конкретизировать. Так, к этому моменту, как правило, уже известны подозреваемые, способы их действий, причастность к деятельности конкретной запрещенной организации (сообщества) и ряд других обстоятельств.

Представляется необходимым обратить внимание на тот факт, что, вне зависимости от складывающейся ситуации, практически во всех случаях должна выдвигаться версия о принадлежности подозреваемого к организованной преступной группе, о связях такой группы внутри страны и за рубежом. Особое значение имеет выдвижение и проверка данной версии в условиях четвертой типичной ситуации, когда из сообщений Интерпола или правоохранительных органов зарубежных стран становится известно о задержании за рубежом граждан РК, подозреваемых в совершении транснациональных прес-

туплений экстремистского характера, о нахождении на территории РК граждан, в том числе иностранных государств, подозреваемых в экстремизме и терроризме.

Важным методическим требованием при расследовании транснационального экстремизма является множественность версий. Его практической реализацией обеспечивается одновременный поиск доказательств в разных направлениях, что, в свою очередь, позволяет разрешить противоречия между отдельными доказательствами, глубже исследовать их содержание [13]. Кроме того, это положительно сказывается и на профилактической деятельности следователя [14].

Однако проведенный нами опрос практических работников показал, что 21 % следователей, 34 % оперативных работников и 39 % имеют весьма расплывчатое представление о значении версий и возможностях использования при расследовании преступлений типовых версий. Тем не менее разработка и выдвижение версии является важной логической основой планирования расследования транснационального преступления экстремистского характера в процессе работы по конкретному уголовному делу. Определение содержания и порядка работы по установлению всех обстоятельств совершенного преступления и изобличению виновных, программирование действий субъектов расследования выступает одним из слагаемых эффективности данной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. / А. Н. Колесниченко. — Харьков, 1967. — 28 с.
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987. — 164 с.
3. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики / Р. С. Белкин. — М.: Изд-во НОРМА, 1999. — 496 с.
4. Волчецкая Т. С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. пособ. / Т. С. Волчецкая. — Калининград, 1999. — 74 с.
5. Головин А. Ю. Криминалистические классификационные исследования ситуаций и их значение / А. Ю. Головин // В кн.: Теория и практика классификационных исследований в криминалистической науке. — Тула, 2000. — С. 54—82.
6. Гавло В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук / В. К. Гавло. — М., 1983. — 330 с.
7. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики / Р. С. Белкин. — Волгоград: ВШ МВД РФ, 1993. — 71 с.
8. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. — М.: Юристъ, 1997. — С. 135.
9. Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение: учеб. пособ. / И. А. Копылов. — Волгоград, 1988. — С. 7.

10. *Гавриш С. Б., Грузкова В. Г.* Экологические преступления: квалификация и методика расследования / С. Б. Гавриш, В. Г. Грузкова и др. — Харьков, 1994. — С. 93.

11. *Волчецкая Т. С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учеб. пособ. / Т. С. Волчецкая. — Калининград: Калининградский университет, 1997. — С. 29.

12. *Хижняк Д. С.* Борьба с транснациональными преступлениями и их расследование: стратегические аспекты: моногр. / Под ред. А. Г. Волеводза. — М.: Юрлитинформ, 2015. — С. 114—115.

13. *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования / И. М. Лузгин. — М.: Юридическая литература, 1973. — С. 134, 149.

14. *Грибунов О. П., Баских Е. И.* Криминологическая профилактика преступлений, совершаемых организованными преступными группами, созданными на этнической основе / О.П. Грибунов, Е.И. Баских // Российский следователь. — 2013. — № 22. — С. 23—25.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-44-51

Варданян Акоп Вараздатович

начальник кафедры криминалистики и ОРД
Ростовского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМ ЗНАНИЙ
О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ**

Аннотация. В статье раскрыты основные проблемы при систематизации знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности в науке криминалистике.

Объект исследования — сегмент объективной действительности с момента совершения преступлений и до окончания их расследования. Предметом исследования выступили закономерности поступательного развития науки криминалистики при формировании систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности

Ключевые слова: посткриминальная деятельность, предупреждение, раскрытие, расследование, характеристика.

Vardanyan Hakob Varazdatovich

Head of the Department of Criminalistics
and Operational-Investigative Activities
of the Rostov law Institute of the MIA of Russia,
Doctor of Law, Professor

**THE DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE SYSTEMS
ABOUT THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF POST-CRIMINAL
ACTIVITY AS A NATURAL RESULT OF THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT
OF THE SCIENCE OF CRIMINALISTIC**

Abstract. The article reveals the main problems in the systematization of knowledge about the criminalistic characteristics of post-criminal activity.

The object of the study is such a segment of objective reality as the period from the moment of committing crimes until the end of their investigation. The subject of the study is the regularities of the progressive development of the science of criminology in the formation of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity.

Keywords: post-criminal activity, prevention, disclosure, investigation, characteristics.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что пандемия Covid-19 и ряд других факторов существенно и неоднозначно повлияли на состояние борьбы с преступлениями в 2020 г.

С одной стороны, по сравнению с 2019 г., количество преступлений против личности уменьшилось на 5,1 %, в том числе убийств и покушений на убийство — на 3,2 %, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью — на 6,7 %. При этом количество граждан, погибших от преступных посягательств, сократилось на 5,2 %. По итогам 2020 г. отмечается уменьшение числа разбоев — на 21,7 %, грабежей — на 16,2 %, общего количества краж — на 3 %, в том числе квартирных — на 22,6 % и краж транспортных средств — на 27,1 %. Преступлений на улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано меньше на 9,9 %, в том числе грабежей — на 24,8 %, краж — на 18,5 %, разбойных нападений — на 23,3 %. В 2020 г. зафиксировано снижение на 9,5 % числа преступлений в семейно-бытовой сфере, в том числе на 15,8 % — фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5 % — вреда средней тяжести, на 10 % — легкого вреда здоровью.

С другой стороны, общее число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось на 1 %, тяжких и особо тяжких — на 14 %, в большинстве случаев это связано с преступлениями в сфере информационных технологий [1]. Настораживают данные о том, что за период с января по ноябрь 2020 г. в Ростовской области совершено 11,2 тыс. тяжких преступлений, что на 10 % больше, чем в 2019 г. [2].

Совершение преступлений всё чаще сопровождается осуществлением мер, обеспечивающих глубокую конспирацию, тщательную подготовку, изощренность и изобретательность при их посткриминальном сокрытии. Большинству участников преступлений присуще использование имеющегося преступного опыта, активное противодействие мероприятиям, направленным на раскрытие преступлений, знание приемов и методов криминалистической деятельности и оперативно-розыскной работы.

Нами отмечалось, что наиболее сложным является вопрос о систематизации знаний о посткриминальной деятельности в криминалистической методике. Представляются актуальными следующие вопросы, требующие разрешения в ближайшее время: криминалистическая характеристика преступлений и посткриминальная деятельность, вопросы соотношения и развития систем знаний о них; криминалистическая превенция негативной посткриминальной деятельности; дальнейшее совершенствование теории розыскной деятельности; особенности посткриминальной деятельности и тактики следственных действий; вопросы создания и укрупнения методик расследования преступлений, связанных с посткриминальным периодом.

Считаем, что именно криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности так или иначе может разрешить обозначенные проблемы теоретико-прикладного характера.

В этой связи возникает необходимость изучения и осмысливания различных объективных и субъективных факторов как криминального, так и посткриминального периодов, воздействие на которые необходимо, а также выработки и внедрения в практику научно-обоснованных рекомендаций, способных обеспечить активную и целенаправленную деятельность всех субъектов в предупреждении, раскрытии и расследовании тяжких преступлений против личности. Эти и многие другие научные факты позволили выдвинуть и проверить гипотезу о необходимости внедрения и использования криминалистической характеристики посткриминальной деятельности.

Состояние борьбы с преступностью, гипотеза о необходимости внедрения и использования криминалистической характеристики посткриминальной деятельности при научной модернизации языка и в целом науки, обусловили выбор темы и содержание настоящей статьи.

Теория криминалистической характеристики преступлений является одной из дискуссионных проблем отечественной криминалистики. В этом смысле глубоко прав М. С. Прохоров, который отмечает, что, «говоря о генезисе развития учения о криминалистической характеристике преступления, следует отметить, что данная категория содержит большой потенциал, который полностью не использован» [3]. Вопрос о криминалистической характеристике посткриминальных действий не нов для криминалистики. Так, еще Л. В. Лившиц (1998) достаточно плодотворно исследовал криминалистическую характеристику противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних [4]. Поскольку теория криминалистической характеристики преступлений является одним из обязательных условий формирования криминалистической характеристики посткриминальной деятельности, постольку необходимо указать на ряд важных вопросов теоретико-прикладного характера.

В данной статье цель рассмотреть основные проблемы содержания и структуры собственно криминалистической характеристики преступлений не ставилась. Отметим, что действия и поступки субъекта преступления и иных лиц после совершения общественно опасного деяния включались учеными-криминалистами в содержание и структуру как: часть способа совершения преступления — способы сокрытия (А. Н. Колесниченко, Р. С. Белкин и др.); как поведение очевидцев и жертвы (Л. Г. Видонов, В. В. Вандышев и др.); как самостоятельный способ сокрытия преступления (И. М. Лузгин, В. П. Лавров, И. А. Николайчук и др.); способы противодействия расследованию (А. Ф. Волынский, Э. У. Бабаева, И. В. Тишутина и др.).

В связи с этим вполне обоснованным является предложение А. С. Андреева о необходимости использования криминалистической характеристики посткриминальной деятельности в науке криминалистике. Под криминалистической характеристикой посткриминальной деятельности автор понимает научно-обоснованные модели типовых видов деятельности лиц в определенный пространственно-временной отрезок (от момента совершения преступления и до вынесения приговора, а порой и позже), представляющие собой результат познания и обобщения типичных критериев, признаков (особенностей, черт) и их взаимосвязей, имеющих правовое и криминалистическое значение [5].

При наличии безусловной актуальности и обоснованности такого предложения, как и любая другая теоретическая конструкция, при использовании в языке криминалистики имеет определённые сложности объективного и субъективного характера. В. С. Стёпин пишет, что «формирование и развитие языка науки связано и с необходимостью разрешения противоречий, которые со временем возникают в устоявшихся, казалось бы, теориях науки» [6]. И. В. Черников отмечает, что «современный этап развития науки определяется как постнеклассический с характерными для этого этапа чертами: междисциплинарностью, внедрением принципа эволюционизма, синергетическим подходом, ослаблением жесткости научно-языкового канона и др.» [7].

Наиболее точно, применительно к вопросам языка науки криминалистики определила проблему Д. А. Степаненко, которая отмечает, что «на сегодняшний день проблемы формирования терминологического аппарата криминалистики, определения тенденций конструирования понятий и их определений, соотношения естественного и искусственного языков (например, языка программирования) в контексте цифровизации научной и практической деятельности, соотношения категориальных аппаратов философии (как универсальных понятий и категорий) и языка науки требуют пристального внимания, ведь основными задачами языка науки всегда были и остаются формирование, трансляция и развитие научного знания» [8].

Как справедливо считает В. Ю. Белицкий, «в криминалистической науке, как и в иных областях научного знания, необходимо стремиться к воплощению требований фиксированного содержания научных терминов, понятий и категорий, единообразию и однозначности понятийно-категориального аппарата, его точности, четкости, устойчивости, а в целом — системности, т. е. взаимосвязи и непротиворечивости» [9].

Рассмотрим основные проблемы формирования и развития систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности, закономерное возникновение которых прогнозируется нами при вхождении в язык и науку криминалистику в целом.

1. К объективным причинам следует отнести:

— объем и особенности познания закономерностей объективной действительности посткриминального периода, относящихся к предметному полю криминалистики;

— необходимость модернизации инструментария познания как преступной, так и посткриминальной деятельности;

— потребности в систематизации криминалистических знаний, связанных с закономерностями посткриминального периода, и разработки на их основе криминалистических методов и средств.

2. К субъективным причинам, препятствующим такому вхождению, следует отнести:

— особенности развития криминалистической теории о механизмах посткриминальной деятельности и поведения;

— проблемы соотношения криминалистической характеристики посткриминальной деятельности с криминалистической характеристикой преступлений, а также с другими криминалистическими категориями, понятиями и терминами;

— необходимость развития теории содействия раскрытию и расследованию преступлений. Раскроем содержание проблем криминалистической характеристики посткриминальной деятельности при вхождении в науку криминалистику.

1. Р. С. Белкин еще в 1987 г. при раскрытии содержания предмета криминалистики выделял группу закономерностей посткриминального периода, однако, несмотря на развитие криминалистической теории нейтрализации противодействия расследованию и имеющихся разработок, связанных с приемами и способами, относящихся к посткриминальному периоду, познание таких закономерностей системно не осуществлялось в науке криминалистике. При этом основой познания закономерностей посткриминального периода должны стать закономерности посткриминальной деятельности, связанные с механизмом преступления и его последствиями. Например, проведенное исследование показало, что посткриминальное противодействие имеет собственные закономерности, отражающие те или иные стороны механизма преступления, а именно: зависимости от времени и места совершения; влияние организованности или серийности преступлений; приспособляемости к методам раскрытия и расследования тяжких преступлений; влияние отдельных свойств личности.

По этой причине, поддерживая в целом вывод А. С. Князькова, считаем возможным дополнить его следующими соображениями о том, что необходимо «поиск закономерностей, присущих различным именно криминалистическим аспектам как преступной деятельности, так и посткриминальной дея-

тельности, устойчивых связей между отдельными характеристиками этой деятельности путем разработки не только криминалистических характеристик отдельных видов и групп преступлений, но и соответствующих криминалистических характеристик посткриминальной деятельности. При этом, как криминалистическая характеристика преступления, так и связанная с ней криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности выступают средствами оптимизации расследования, имеющие особое поисково-познавательное значение» [10].

Методология и инструментарий познания как преступной, так и посткриминальной деятельности достаточно устойчивы в криминалистических исследованиях, тем не менее требуют на основе сложившейся традиции использование новых методов познания (изучение видеозаписей с камер наружного наблюдения, анализ данных соцсетей, контент-анализ СМИ и интернет-пространства, развитие методов криминалистического прогнозирования с учетом появления или возможности возникновения способов человеческой деятельности, входящих в объект науки криминалистики). Особое значение данный вывод приобретает при познании преступной деятельности в сфере информационных технологий.

Внедрение криминалистической характеристики посткриминальной деятельности требует систематизации криминалистических знаний как в разделе методики расследования отдельных видов преступлений, так и общей теории криминалистики. Указанное предполагает не только достаточно продолжительный временной отрезок, но и качественные разработки, подтверждающие наличие закономерностей посткриминальной деятельности, дающие основания для разработки эффективности предупреждения, раскрытия, расследования преступлений. Включение в предмет закономерностей посткриминальной деятельности не только расширит предмет криминалистики, но и наполнит новым содержанием традиционные разделы науки, что свидетельствует о потенциале и важности для закономерного и поступательного развития криминалистики.

2. Развитие криминалистической теории о механизмах посткриминальной деятельности предполагает консолидацию знаний из криминалистической теории о противодействии расследованию и методах нейтрализации, теории содействия раскрытию и расследованию преступлений, учения об уличном поведении и ряда других. Отметим, что, анализируя криминалистические исследования, проведенные за последние 25 лет, приоритет количественно и качественно выражается в нацеленности авторов на познание противодействия расследованию, тогда как вопросы содействия раскрытию, расследованию преступлений уличного поведения актуализировались лишь

в последнее время, хотя отдельные разработки имеются в теории оперативно-розыскной деятельности.

Следует иметь в виду, что жертвы преступлений, члены их семей, а также свидетели и очевидцы криминальных событий, оказывающие содействие правоохранным органам, нередко несут при этом материальный, моральный и физический ущерб, который никак не компенсируется. В этой связи сотрудники органов внутренних дел и других государственных органов, участвующих в борьбе с преступностью, должны систематически выявлять и изучать обстоятельства, влияющие на степень защищенности населения от противоправных посягательств. Эти обстоятельства должны в обязательном порядке учитываться при определении профилактических мероприятий, осуществляемых на территории административного участка.

Отметим, что посткриминальная деятельность не ограничивается местом совершения, а после совершения преступления проявляется в действиях и поступках различных лиц на достаточном продолжительном временном отрезке, порой выходящим за пределы вынесения обвинительного приговора. Соответственно, элементы криминалистической характеристики преступлений могут совпадать с элементами криминалистической характеристики посткриминальной деятельности, но по пространственно-временным отрезкам гораздо шире, а по количеству субъектов — больше. Значение же криминалистической характеристики посткриминальной деятельности для практики предупреждения, раскрытия и расследования преступлений выражается в возможностях построения типовых версий, использования положений криминалистической ситуалогии, улучшения качества розыскной и превентивной работы, повышения эффективности раскрытия преступлений в условиях неочевидности, нейтрализации посткриминального противодействия и многое другое.

Таким образом, развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности представляет собой закономерный результат поступательного развития науки криминалистики, а формирование понятия, как составляющей языка криминалистики, и дальнейшая разработка теории при познании закономерностей посткриминальной деятельности субъектов, связанных с механизмом преступления, позволит создать эффективные криминалистические методы и средства борьбы с преступностью, особо востребованные в правоприменении при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года*: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 22.01.2021).

2. Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 22.01.2021).
3. Прохоров М. С. Криминалистическая характеристика преступлений // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 85. — С. 353—355.
4. Лившиц Л. В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лившиц Лев Владимирович. — Уфа, 1998. — 251 с.
5. Андреев А. С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Андреев Александр Сергеевич. — Ростов-н/Д., 2020. — С. 14—15.
6. Стёпин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
7. Черникова И. В. Постнеклассическая наука и философия. — Томск: Изд-во НТЛ, 2007. — 252 с.
8. Степаненко Д. А. К вопросу о языке науки криминалистики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 3 (94). — С. 223—231.
9. Белицкий В. Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 1 (13). — С. 9—15.
10. Князьков А. С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 304. — С. 122—128.

УДК 351.745.7

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-52-58

Гамзина Анастасия Валерьевна,

инспектор по делам несовершеннолетних ОУУП и ДН отдела полиции № 7
МУ МВД России «Красноярское»

УЧАСТИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья призвана обосновать необходимость вхождения инспекций по делам несовершеннолетних в состав отделов уголовного розыска в целях повышения эффективности их взаимодействия при ведении оперативно-розыскной деятельности в отношении несовершеннолетних. В статье приводится исторический анализ взаимодействия данных подразделений. Описываются существующие проблемы и предлагаются конкретные шаги, направленные на улучшение их совместной работы.

Ключевые слова: правонарушения несовершеннолетних, оперативно-розыскная деятельность, инспекции по делам несовершеннолетних, отделы уголовного розыска, повышение эффективности взаимодействия.

Gamzina Anastasia Valerievna,

inspector for juvenile Affairs

of the OUP and DN of the police Department № 7
of the MIA of Russia "Krasnoyarsk"

THE NEED FOR THE PARTICIPATION OF DEPARTMENTS FOR JUVENILE AFFAIRS IN OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES IN RELATION TO JUVENILE OFFENDERS

Abstract. This article is intended to justify the need for the inclusion of inspections for minors in the criminal investigation departments in order to increase the effectiveness of their interaction in conducting operational investigative activities in relation to minors. The article provides a historical analysis of the interaction of these divisions. It describes the existing problems and suggests concrete steps to improve their collaboration.

Keyword: juvenile delinquency, operational search activities, inspections for minors, criminal investigation departments, improving the effectiveness of interaction.

Несмотря на принимаемые государством меры, общее количество правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в Российской Федерации, продолжает оставаться весьма высоким.

Так, согласно официальным данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в период с января по апрель 2020 г. было выявлено 8 581 преступления, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии, что составляет 3,2 % от общего числа расследованных преступлений.

Анализируя статистические данные Генеральной прокуратуры РФ за три предыдущих года (2017—2019), можем наблюдать некоторую тенденцию к снижению числа расследованных преступлений, совершённых несовершеннолетними [1, с. 30].

Вместе с тем причины данного снижения, на наш взгляд, кроются в общем демографическом спаде 90-х годов прошлого века, а также декриминализации ряда статей Уголовного кодекса, которые напрямую касались преступлений подростков.

Изложенное выше позволяет судить о необходимости активизации мер, ориентированных на борьбу с преступностью в среде несовершеннолетних. Эффективное взаимодействие подразделений по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) с отделами уголовного розыска (далее — ОУР) могло бы стать одним из ключевых факторов этой борьбы. Особенно важна такая скоординированная совместная деятельность указанных подразделений при ведении оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) применительно к преступности несовершеннолетних.

ПДН, в соответствии со своим предназначением, работает с лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, обеспечивая раскрытие совершаемых ими преступлений и выявление правонарушений в их среде, а также проводит мероприятия, направленные на профилактику антиобщественного поведения подростков.

В свою очередь, противодействие преступлениям общеуголовной направленности отнесено в полиции к полномочиям уголовного розыска [2, с. 15].

ОУР, находясь на острие противостояния преступности, имеют в своём распоряжении специфические силы, средства и методы, без которых немислима ОРД в отношении несовершеннолетних правонарушителей [3, с. 105].

С учетом этих обстоятельств повышение эффективности рассматриваемого взаимодействия (которое в настоящее время имеет массу нерешенных вопросов) представляется весьма актуальным.

Анализируя основные проблемы такого взаимодействия, мы рассматриваем их через призму возможности повышения эффективности совместных действий данных подразделений в отношении несовершеннолетних правонарушителей при проведении ОРД как наиболее результативной формы противостояния преступности вообще и преступности несовершеннолетних, в частности.

Развивая эту тему, считаем также необходимым допустить ПДН к ведению ОРД в отношении несовершеннолетних. Обоснуем нашу позицию.

В данном вопросе нам представляется целесообразным поддержать мнение И. А. Климова, утверждающего, что стратегические задачи ОРД включают систему оперативно-розыскных мер, которые обеспечивают нейтрализацию или прекращение действий наиболее опасных форм преступных

проявлений и факторов, осложняющих криминогенную ситуацию в стране. Конечной целью стратегических задач являются стабилизация или позитивные изменения в характеристике закономерностей развития всей преступности (общее сокращение преступности или сокращение числа наиболее опасных преступлений, сокращение темпов их роста и т. п.) [4, с. 31].

Такое определение основных задач в полной мере относится и к преступности несовершеннолетних как частному случаю общей преступности.

Рассматривая принципы ОРД, И. А. Климов включает в их перечень, в числе прочего, и взаимодействие [5].

Стоит отметить, что при рассмотрении основных задач по реализации функций ПДН исследователи придерживаются различных, а иногда и диаметрально противоположных, точек зрения. Так Н. А. Кузьмичёва считает, что: «первостепенная задача сотрудников ОВД — это расследование и раскрытие преступлений, но у инспектора ПДН правовые превентивные и психолого-педагогические задачи могут часто превалировать в деятельности» [6, с. 28—31].

В противовес этому В. В. Вёрстов и И. К. Харитонов подчеркивают, что «основной функцией ПДН является выполнение обязанностей, связанных с профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7, с. 245—246]. Такого же мнения придерживается и Е. А. Писаревская [8, с. 17].

Однако в этой части точка зрения автора настоящей публикации иная, и выражается она в том, что и профилактика, и текущее раскрытие преступлений являются важными (и что самое главное — равноправными) составными элементами общей деятельности ПДН, направленной на противодействие правонарушениям несовершеннолетних.

Таким образом, ключевые направления работы в ПДН, как и у подразделений ОУР, применительно к несовершеннолетним можно выразить формулой «предупреждать и раскрывать». Общность целей создает предпосылки для сближения данных подразделений.

Для обоснования высказанной автором позиции необходимо более углублённо исследовать преступность несовершеннолетних. При этом учитываем, что преступность вообще не является строго дифференцированной по возрасту категорией — взрослые преступники используют несовершеннолетних, втягивая их в противоправные действия, а несовершеннолетние правонарушители, в свою очередь, повзрослев, сами прочно становятся на путь нарушения закона.

Кроме того, как справедливо заметил С. Л. Таланов, наблюдается резкое омоложение преступности. Каждое последующее поколение начинает совершать преступления в более раннем возрасте, хотя их нельзя привлечь к уголовной ответственности [9, с. 187—198].

Также следует отметить, что характерной чертой преступности несовершеннолетних выступает её групповой характер. По данным Л. М. Прокументова, среди школьников 10—11 классов почти половина (48 %) имеют опыт участия в драках, против личности в группе совершаются почти 70 % общественно опасных деяний, практически во всех деяниях данного вида участниками являются малолетние [10, с. 48—49].

При этом, как свидетельствует практика, работу по выявлению групп криминогенной направленности, а также установлению их лидеров, осуществляют инспекторы ПДН во время проведения мероприятий общей и индивидуальной профилактики. Однако в настоящее время работа с группами несовершеннолетних антиобщественной направленности ведется по остаточному принципу. При этом наиболее отвечающей объективным реалиям задачей в современных условиях продолжает оставаться разоблачение криминальных групп несовершеннолетних.

Это разоблачение можно проводить с использованием ситуации внутригруппового конфликта или оказания воздействия на родителей и других законных представителей для того, чтобы они оказали на несовершеннолетних воздействие и пресекли негативное влияние группы. Но это возможно только в той ситуации, когда родители сами ведут законопослушный образ жизни.

Однако, как показывает практика, большинство несовершеннолетних преступников воспитываются в неблагополучных семьях. Поэтому в данном случае говорить о позитивном воздействии их родителей (законных представителей) не приходится [11, с. 52].

Исходя из этого обстоятельства и учитывая общую латентность преступлений несовершеннолетних, практически единственным способом использовать внутригрупповой конфликт являются преимущественно негласные ОРМ, которые возможно проводить только в тесном контакте с ОУР (вернее, их может проводить только ОУР). ПДН в данной ситуации остается фактически не у дел.

Учитывая все перечисленные характеристики современного состояния преступности несовершеннолетних и сложность задач борьбы с нею, поддерживаем мнение А. С. Базарбаева, утверждающего, что для более эффективного решения такого рода задач человечество пока не придумало чего-либо такого, что могло бы сравниться со средствами и методами оперативно-розыскной деятельности борьбы с преступностью [12, с. 174].

Принимая тот факт, что ОРД осуществляется гласно и негласно (с заметным преобладанием последней категории), полагаем, что средства ОРД должны быть в полной мере использованы в борьбе с подростковой преступностью.

При этом предлагаем исходить из того, что ПДН должно быть задействовано в оперативно-розыскных мероприятиях (из которых в большей мере и состоит ОРД) в отношении несовершеннолетних в полном объеме.

Однако, в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД), ПДН не относится к числу субъектов, допущенных к такого рода деятельности, что существенно ограничивает возможности ПДН, о чем уже говорилось выше.

При анализе данной проблемы необходимо вспомнить советский исторический период борьбы правоохранительных органов с правонарушениями несовершеннолетних.

Можно с уверенностью констатировать, что эта борьба была весьма результативной. И традиционно именно аппараты уголовного розыска возглавляли эту работу. Необходимо отметить, что наиболее продуктивно, начиная с 1961 г., детские комнаты милиции, а затем инспекции по делам несовершеннолетних, функционировали в составе уголовного розыска. После передачи их в 1993 г. в милицию общественной безопасности общая эффективность деятельности ПДН заметно снизилась. Хотя вывод ПДН из подчиненности ОУР совпал с трудным постперестроечным временем, и это решение видится очень спорным и, более того, неверным. Именно вывод из подчиненности ОУР оказал негативное влияние на деятельность ПДН, сместив инспекцию на периферию деятельности милиции (полиции) и фактически сведя роль инспекторов к функции социальных педагогов. Но инспектор ПДН не только (и не столько) социальный педагог, он в первую очередь — страж закона.

Начиная с 2012 г., в системе МВД России осуществляется оптимизация ОРД путем приведения её в соответствие с принципами, присущими данному виду социальной практики, и адаптации к новым социально-правовым условиям, в которых реализуют свои функции оперативные подразделения полиции. Принятые меры уже дали первый положительный результат [13, с. 50].

Однако общие перемены не коснулись подразделений ПДН. Определенная изоляция ПДН в системе ОВД как таковой оказывает крайне негативное влияние на её взаимодействие с другими службами полиции и в первую очередь с ОУР. Данного мнения придерживается подавляющее большинство как действующих сотрудников, так и ветеранов органов внутренних дел.

В процессе проведенного автором данной статьи анонимного анкетирования указанных групп (40 человек) подавляющее большинство опрошенных (80 %) высказались в пользу того, что ПДН необходимо передать в оперативное подчинение ОУР, повысив тем самым эффективность их взаимодействия и, как следствие, оказав положительное влияние на профилактику и раскрываемость преступлений в среде несовершеннолетних.

Отсутствие такого подчинения сильно сказывается на возможностях оперативных подразделений полиции эффективно использовать участие ПДН в ОРД при совершении несовершеннолетним преступления или при пропаже ребенка в условиях дефицита времени, когда буквально каждая минута на счету.

Необходимо учитывать и то, что в системе МВД России по-прежнему присутствуют элементы «палочной системы», порождающие нездоровое соперничество между службами. Зачастую ПДН и ОУР стремятся записать раскрытое преступление несовершеннолетних в заслугу именно своему подразделению, что в общем ведет к утаиванию (нераспространению) ценной оперативной информации друг от друга. Очевидно, что подчинение ПДН ОУР устранило бы данную проблему, побудив представителей обеих служб к плодотворному сотрудничеству.

Также одновременно осознавая бесспорную необходимость отделить несовершеннолетних при нахождении в инспекции ПДН от какого-либо контакта с взрослыми правонарушителями, тем не менее, видим обоснованным устранение и территориальной обособленности ПДН от основного отделения полиции (в особенности от ОУР) [14, с. 52—58]. Впрочем, данный вопрос является очень объёмным и требует особого рассмотрения.

В связи с вышеизложенным с целью повышения эффективности взаимодействия ПДН и ОУР при ведении ОРД в отношении несовершеннолетних правонарушителей, предлагаем в обозримом будущем (учитывая весь положительный опыт советской милиции, накопленный за весьма обширный промежуток времени), подготовив соответствующую правовую базу (в первую очередь должны быть изменены ведомственные приказы и инструкции МВД России), передать ПДН под непосредственное руководство ОУР. В этом случае не потребуется даже вносить изменения в ФЗ об ОРД, т. к. ПДН, являясь частью оперативного подразделения, будут способны к самостоятельному ведению ОРД.

Данное действие, очевидно, не может быть выполнено в мгновение. И здесь может возникнуть большое число проблемных вопросов. Однако решать их можно постепенно, не форсируя событий.

В заключение следует отметить, что любые меры, предпринимаемые для возможного сокращения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, видятся крайне важными и требующими дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Буренкова Е. О. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации / Е. О. Буренкова // Вестник Пензенского государственного университета. — 2020. — № 1 (29). — С. 30—35.

2. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: моногр. / Н. С. Железняк. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. — 332 с.

3. Гамзина А. В. К вопросу о методах взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений полиции / А. В. Гамзина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 1 (38). — С. 104—109.

4. *Климов И. А.* Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. / И. А. Климов. — М., 1995. — 47 с.

5. *Климов И. А.* Предмет теории оперативно-розыскной деятельности / И. А. Климов. — М., 1993. — 28 с.

6. *Кузьмичева Н. А.* Психологические профессиографические особенности деятельности инспектора подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел / Н. А. Кузьмичева // Юридическая психология. — 2016. — № 4. — С. 28—31.

7. *Верстов В. В., Харитонов И. К.* Правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по профилактике правонарушений несовершеннолетних // Общество и право. — 2014. — № 4 (50). — С. 244—248.

8. *Писаревская Е. А.* Правовая регламентация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: проблемы и перспективы / Е. А. Писаревская // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 3 (32). — С. 16—20.

9. *Таланов С. Л.* Проблемы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в Ярославской области / С. Л. Таланов // Федерализм. — 2009. — № 3 (55). — С. 187—198.

10. *Прозументов Л. М.* О показателях, характеризующих преступность несовершеннолетних в Российской Федерации / Л. М. Прозументов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2016. — № 2 (20). — С. 48—53.

11. *Зайко Т. М.* О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних / Т. М. Зайко // Уголовное право и криминология. — 2017. — № 1. (97). — С. 51—53.

12. *Базарбаев А. С.* Роль оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью / А. С. Базарбаев // Пробелы в Российском законодательстве — М.: Изд. дом «ЮрВАК». — 2011. — № 1. — С. 174—176.

13. *Маслов А. А., Гогаев С. Т.* Система принципов оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде / А. А. Маслов, С. Т. Гогаев // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2020. — № 1 (47). — С. 50—59.

14. *Гамзина А. В.* К вопросу о территориальном разделении инспекций по делам несовершеннолетних и подразделений уголовного розыска как одном из факторов, ухудшающих их взаимодействие при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних / А. В. Гамзина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (14). — С. 52—58.

УДК 343.98.06

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-59-68

Дяблова Юлия Львовна,

доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности
Института права и управления Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

ЛИЧНОСТЬ В ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ: КЛАССИФИКАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Личность — центральный элемент криминалистического изучения, она является объектом множества частных криминалистических теорий. Представлен классификационный анализ наиболее значимых из учений, посвященных личности, её свойствам и признакам, результатом которого явилось выделение пяти основных подходов в изучении личности на уровне теоретических криминалистических построений; обозначены тенденции развития каждого из выделенных подходов. Наиболее важным и перспективным из направлений криминалистического изучения личности на современном этапе названо создание комплексного интегративного теоретического построения, рассматривающего личность во всем многообразии её свойств и проявлений. Сделан вывод о необходимости системно-структурного упорядочения накопленного массива криминалистических знаний о личности, а также переосмыслении и переработке данной информации применительно к современным условиям в криминалистическом учении о личности.

Ключевые слова: личность, криминалистическое изучение личности, объект частных криминалистических теорий, криминалистическое учение о личности.

Dyablova Yulia Lvovna,

the associate professor of justice and law-enforcement activity
of Institute of the right and management Tula state university,
Candidate of Law, Associate Professor

PERSONALITY IN PRIVATE CRIMINALISTIC THEORIES: CLASSIFICATION OF APPROACHES TO STUDY AND PROSPECTS OF THEIR DEVELOPMENT

Abstract. Personality is the central element of forensic study; it is the object of many private forensic theories. The article presents a classification analysis of the most significant of the teachings on personality, its properties and characteristics, the result of which was the identification of five main approaches to the study of personality at the level of theoretical forensic constructions; the development trends of each of the selected approaches are indicated. The most important and promising of the areas of forensic study of personality at the present stage is called the creation of a complex integrative theoretical construction that considers the personality in all the variety of its properties and manifestations. It is concluded that there is a need for systemic and structural ordering of the accumulated array of forensic knowledge about a person, as well as rethinking and processing this information in relation to modern conditions in the forensic doctrine of personality.

Keywords: personality, forensic study of personality, object of private forensic theories, forensic doctrine of personality.

Личность являлась объектом изучения криминалистики с первоначального этапа обособления криминалистических знаний в отдельную науку. Подтверждения этого можно найти в трудах родоначальника криминалистики Ганса Гросса и его современников.

Однако рассматривать личность в качестве объекта частных криминалистических теорий можно только с определённого этапа развития и обобщения криминалистических знаний и формирования соответствующих теоретических конструкций. В. П. Лавров, анализируя этапы формирования частных криминалистических теорий, указывает на то, что лишь на третьем из четырех выделенных им этапов, в период 70-х — 90-х годов XX в., «усилиями целого ряда научных школ в области криминалистики в СССР, а затем — в Российской Федерации была сформирована определённая система частных криминалистических теорий (учений), в своей основе сохранившаяся и продолжавшая развиваться — дополняться и совершенствоваться — на следующем, современном этапе её создания» [1].

Полагаем необходимым провести классификационный анализ существующих и формирующихся частных криминалистических теорий с системно-структурных позиций, с тем, чтобы определить тенденции их развития и соотношение с разрабатываемым интеграционным криминалистическим учением о личности.

Автором статьи были выделены следующие основные подходы к изучению личности на уровне частных криминалистических теорий:

1. Криминалистическое изучение личности участников криминального события (преступника, жертвы) и уголовного судопроизводства (обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля и др.).

2. Изучение личности субъектов криминалистической деятельности (следователя, эксперта, специалиста) и их личностных свойств и качеств (криминалистического мышления).

3. Криминалистическое изучение отдельных свойств личности, проявлений её биологической составляющей или рассмотрение человека как части биосистемы.

4. Использование личностной информации для развития частных криминалистических теорий, посвященных изучению иных закономерностей, входящих в предмет криминалистики.

5. Предпосылки разработки криминалистического учения о личности (в различных вариантах наименования предлагаемой теории), сформировавшиеся в науке, несмотря на негативную оценку её необходимости в структуре теоретических криминалистических построений, данную Р. С. Белкиным [2].

Рассмотрим названные подходы более подробно, хотя, безусловно, объем статьи не позволит упомянуть всех представителей криминалистиче-

ской науки, посвятивших свои труды исследованию личности, её свойств и признаков, или разработке частных криминалистических теорий с использованием личностной информации.

1. Криминалистическое изучение личности участников криминального события (преступника, жертвы) и уголовного судопроизводства (обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля и др.).

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что наиболее разработанным и в историческом аспекте, и в настоящее время является криминалистическое изучение личности преступника, представленного в различных статусах.

Личность обвиняемого была предметом исследования таких ученых, как М. П. Коршик и С. С. Степичев (1969), А. С. Кривошеев (1971), П. П. Цветков (1973), Ф. В. Глазырин (1973), И. А. Матусевич (1975), Н. Т. Ведерников (1978), и др. При этом Ф. В. Глазыриным было разработано криминалистическое учение о личности обвиняемого [3].

Изучению отдельных свойств и признаков неизвестного преступника, а также его установлению при расследовании преступлений посвящены труды И. Ф. Крылова (1961), Г. Л. Грановского (1965), Г. А. Самойлова (1968), В. Л. Васильева (1974), К. Е. Игошева (1974), К. В. Скибицкого (1974), В. Е. Корноухова (1982), В. А. Жбанкова (1995), А. М. Зинина (1997), В. А. Образцова (1997).

В. А. Жбанков разработал частную криминалистическую теорию установления личности преступника [4], которая в последующий период была расширена Г. И. Поврезнюком (2005) до теории комплексного криминалистического установления личности [5] (однако в положениях, выносимых на защиту, в автореферате докторской диссертации представлено криминалистическое учение о личностной информации [6, с. 13]).

В 2006 г. Р. Л. Ахмедшиным было обосновано учение о криминалистической характеристике личности преступника (выступающего составной частью учения о криминалистической характеристике преступления) [7]. В том же году И. А. Макаренко было представлено криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого [8].

В современный период исследования личности преступника активно продолжаются, в том числе происходит формирование частных криминалистических теорий. С. В. Лаврухин в 2015 г. разработал криминалистическую модельную концепцию поведения преступника, обозначив её в качестве одной из форм теоретических криминалистических знаний (наряду с учением и теорией) [9, с. 16]. В 2016 г. Н. И. Малыгина представила криминалистическое учение о лице, совершившем преступление [10].

Вторым наиболее разработанным направлением в криминалистическом изучении личности отдельных субъектов является изучение личности потерпевшего. Данными проблемами занимались В. С. Бурданова, В. М. Быков, В. В. Вандышев, А. А. Закатов, С. П. Зеленковский, Г. Катона, Д. А. Турчин,

Л. В. Франк, Е. Е. Центров, В. И. Шиканов, и др. Значительный вклад в его развитие внес профессор Е. Е. Центров, который сначала исследовал личность потерпевших по делам о половых преступлениях (1972) [11], а позже разработал криминалистическое учение о потерпевшем (1988) [12]. В 1989 г. В. В. Вандышевым была выделена криминалистическая виктимология и представлена как сформированная в частную криминалистическую теорию система научных знаний [13]. В современный период разработки данной теории продолжают.

В последнее десятилетие стали появляться научные работы, в которых высказываются мнения о необходимости более пристального и системного изучения личности свидетеля в криминалистике, в том числе в рамках учения о личности свидетеля, а позже были разработаны его методологические основы, и предложено рассматривать названное учение как подсистему криминалистического учения о личности [14].

Кроме того, к числу перспектив развития данного подхода относится криминалистическое изучение личности других участников уголовного судопроизводства (например, защитник, гражданский ответчик), но речь о теоретическом научном построении пока не идет.

2. Изучение личности субъектов криминалистической деятельности (следователя, эксперта, специалиста) и их личностных свойств и качеств (криминалистического мышления).

Несмотря на всю важность и значимость проявления личностных свойств и качеств субъектами криминалистической деятельности, в теоретическом аспекте эти положения пока не получили системной комплексной разработки, и, тем более, на уровне частных криминалистических теорий.

Следователь в науке традиционно рассматривался в качестве субъекта, осуществляющего криминалистическое изучение личности участников процесса в своей практической деятельности. Однако нельзя сказать, что следователь, его деятельность совсем не являлись объектом криминалистического изучения. Активно развивались криминалистические исследования, посвященные отдельным свойствам личности либо аспектам деятельности следователя: следственной интуиции, применению различных методов и средств, алгоритмизации деятельности следователя, и в особенности — мышлению следователя и принятию им решений в процессе расследования преступлений. В 1992 г. С. И. Цветков представил криминалистическую теорию творческих решений [15], которая, несомненно, связана с деятельностью и личностью следователя.

В последнее время ученые активизировались в изучении проблем криминалистического мышления, и, возможно, в ближайшем будущем предложение Н. П. Яблокова «разработать цельную теоретическую концепцию криминалистического мышления как самостоятельную частную криминалистическую теорию» [16, с. 23] будет реализовано в комплексном исследовании монографического уровня.

Кроме того, в криминалистической литературе было высказана поддерживаемая нами мысль о необходимости разработки частного криминалистического учения о личности следователя [17].

Также полагаем необходимым осуществление криминалистического изучения личности эксперта и специалиста. Ни в учебниках по криминалистике, ни в трудах по судебной экспертизе, ни в научных публикациях, посвященных криминалистическому изучению личности, положений, относящихся к эксперту и специалисту, практически не содержится, и о серьезном исследовании личности названных субъектов разговор не ведется. Хотя у Т. В. Аверьяновой и имелось упоминание учения о субъекте судебной экспертизы [18], однако всего лишь в качестве программного положения.

3. Криминалистическое изучение отдельных свойств личности, проявлений её биологической составляющей, или рассмотрение человека как части биосистемы.

Личность в криминалистике традиционно рассматривается в единстве биологических, социальных и психологических свойств. Как верно отметил О.П. Грибунов «комплексное изучение личности преступника позволяет получить сведения, необходимые для раскрытия, расследования и предупреждения преступления» [19, с. 56].

Кроме рассмотрения личности отдельных участников уголовного судопроизводства, в криминалистике предлагались и разрабатывались частные теории, в основу которых было положено изучение отдельных свойств личности, проявление её биологической составляющей (внешность, речь (устная и письменная), навыки и привычки, дактилоскопия, одорология), или рассмотрение человека как части биосистемы.

Начало формирования криминалистического учения о внешнем облике человека было положено в 50-х гг. XX в. в работах А. П. Краснова и В. И. Зубкова (1953), А. А. Гусева (1954), Н. В. Терзиева (1956). Позже этой проблематикой фундаментально занялся В. А. Снетков, разработавший не только основы габитоскопии, но и ряд технических средств формирования синтетических портретов [20]. А. Ю. Пересункин (1976) предложил именовать это учение габитологией [21]. В учебниках по криминалистике встречаются оба варианта названия данного учения в качестве соответствующих подразделов криминалистической техники. А. М. Зинин и И. Н. Подволоцкий (2006), вслед за В. А. Снетковым, считают, что термин «габитоскопия» более точно отражает предмет данного учения (внешний облик человека), и не допускает, в отличие от габитологии, изучения в его рамках иных внешних признаков (голоса, речи), относящихся к криминалистической фоноскопии или фонологии [22, с. 18], но в науке это мнение не является общепринятым.

В настоящее время исследования в данном направлении продолжают, причем как с позиции интеграции, так и дифференциации научных знаний. С. А. Пичугиным «приводится аргументация необходимости формирования криминалистической концепции исследования внешнего облика чело-

века с позиции комплексности применяемых знаний из смежных с криминалистикой наук», обосновывается «формирование комплексного криминалистического учения о внешнем облике человека (криминалистической фенотипологии)» [23]. И. Н. Подволоцкий пишет о наличии предпосылок для формирования частной теории портретной экспертизы [24].

Г. А. Самойлов (1968) использовал данные о личности преступника в криминалистическом учении о навыках, учитывая, что «природа материально фиксирующихся свойств личности человека, совершившего преступление, может быть выяснена полностью только на основе научного понимания личности ... и тех общих закономерностей, которые определяют особенности отображения этих свойств в материальных следах преступления» [25, с. 30]. В дальнейшем развитие этой частной криминалистической теории было осуществлено В. Н. Чулаховым [26].

Т. А. Алексеева заявляет о формировании криминалистического учения о речи, представляющего собой «новую интегративную область научного знания» «на стыке психологии и лингвистики» и охватывающего письменную и устную речь человека как «богатейший источник информации о самых разнообразных признаках, характеризующих говорящего или пишущего» [27].

Кроме того, в криминалистической науке было предложено рассматривать графологию в свете учения о влиянии психологических свойств и эмоционального состояния на двигательные функции человека [28].

С позиции системно-структурного подхода, с одной стороны, можно логично обосновать интеграцию вышеприведенных учений и знаний о человеке в деятельность по расследованию преступлений в криминалистическую гомобиоскопию, что и было сделано В. А. Мамурковым, рассматривающего её, в свою очередь, как раздел криминалистического учения о биологических объектах [29, с. 56—80].

Однако криминалистическую гомобиоскопию (часть биоскопии) нельзя отнести к числу частных теорий (учений) о личности в силу того, что, с одной стороны, в ней не рассматриваются свойства, признаки и состояния личности, имеющие не биологическую, а социальную природу; с другой — объект её познания выходит за пределы личностной информации. В силу указанных причин, не оценивая целесообразность объединенного в рамках названной теории обобщенного рассмотрения свойств, признаков и состояний человека, его следов, отражений, а также методов и средств криминалистической работы с ними, нами данное учение включено в группу криминалистических учений об отдельных свойствах и состояниях личности.

4. Также следует отметить важность и значимость личностной информации для развития частных криминалистических теорий, посвященных изучению иных закономерностей, входящих в предмет криминалистики.

Большая часть из общепризнанных частных криминалистических теорий основываются либо используют информацию о личности, отдельных её свойствах, признаках.

М. П. Коршик и С. С. Степичев в своей работе (1969) указывали на то, что сведения о личности обвиняемого нужны следователю для решения таких вопросов, как выдвижение и проверка версии о причастности конкретного лица к совершению преступления, выбора тактических приемов проведения отдельных следственных действий (допроса, обыска), установления других участников преступления [30, с. 13]. Эти положения в дальнейшем были использованы при разработке учения по криминалистической версии и планирования судебного исследования.

Связь между отдельными свойствами личности преступника и способом совершения преступления была установлена Г. Г. Зуйковым (1971) в соответствующем криминалистическом учении о способе преступления [31], и тем самым была расширена сфера использования знаний о личности преступника.

А. М. Кустов при разработке криминалистического учения о механизме преступления [32] в качестве составных его элементов рассматривает не только личность преступника и потерпевшего, но и личности косвенных участников преступного события в механизме преступления, а также субъектов противодействия расследованию и деятельности по его преодолению (нейтрализации).

В рамках учения о преодолении противодействия предварительному расследованию, основы которого были представлены В. Н. Карагодиным (1992), И. В. Тишутина (2012) применительно к противодействию расследованию организованной преступной деятельности анализирует личности субъектов и систему их криминализированных связей, подчеркивая, что основное значение для практики состоит в возможности прогнозирования противодействия и его преодоления в каждом случае расследования уголовных дел [33].

Безусловно, в теориях криминалистической идентификации и диагностики, учениях о признаках, о криминалистической регистрации, о криминалистической характеристике преступления (криминалистической характеристике преступной деятельности) и других содержится информация, разработанная в рамках криминалистического изучения личности. В свою очередь, положения данных частных криминалистических теорий были использованы при построении вышеприведенных теорий и учений, объектом которых является личность и её криминалистически значимые свойства и признаки, и, несомненно, учитываются при формировании криминалистического учения о личности. Однако рассмотреть все аспекты взаимосвязей частных криминалистических теорий в рамках данной статьи не представляется возможным.

5. На протяжении всего времени создания частных криминалистических теорий учёными высказывались мнения и предпринимались попытки

формирования криминалистического учения о личности (в различных вариантах наименования предлагаемой теории).

М. Г. Коршик, С. С. Степичев, Ф. В. Глазырин, П. П. Цветков и другие криминалисты обосновывали учение об использовании данных о свойствах личности.

М. А. Лушечкина пишет о необходимости установления «криминалистически значимой информации о преступнике, жертве преступления, а также обвиняемом, потерпевшем и других участниках процесса расследования, включающей в себя сведения о присущих им анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах, которые необходимы для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также использования в целях осуществления криминалистической профилактики [34, с. 70]».

К этой позиции близок и В. А. Жбанков, обосновывая на современном этапе криминалистическую теорию изучения личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства [35], но расширив сферу использования полученной информации, указав в качестве целей раскрытие, расследование и предупреждение преступлений.

В. А. Образцов предложил выделить в качестве частного учения криминалистическую гомологию, изучающую людей в качестве структурных элементов системы реализации и отражения познаваемых в уголовном судопроизводстве событий [36, с. 124]. Е. И. Фойгель отстаивает позицию наименования криминалистического учения о человеке и человеческой деятельности [37], рассматривая личность как результат социализации индивида, и, соответственно, часть сущности человека.

В рамках данной работы нами не ставится цель проанализировать и оценить предлагаемые учеными различные наименования криминалистической теории, учения, объектом которой будет являться личность (человек) во всем многообразии проявлений его криминалистически значимых свойств, признаков, результатов деятельности и др., однако поддерживаем всех авторов, признающих необходимость создания интегративного криминалистического учения о личности.

Полагаем важным подчеркнуть, что разрозненные данные, содержащиеся как в уже проведенных научных исследованиях, так и в формирующихся в настоящее время частных криминалистических теориях (в процессе дифференциации научных знаний), посвященных криминалистическому изучению личности отдельных субъектов либо отдельных свойств, признаков личности, не способны сформировать целостную картину криминалистического изучения личности.

В силу вышеизложенного резюмируем, что к настоящему времени накопленный массив криминалистических знаний о личности нуждается в си-

стемно-структурном упорядочении, обобщении информации на уровне криминалистического учения о личности, а также переосмыслении и переработке данной информации применительно к современным условиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Лавров В. П.* Частные криминалистические теории: современное состояние и перспективы развития / В. П. Лавров // Известия Тульского государственного университета. — 2016. — Вып. 3. — Ч. II. — С. 85—90.
2. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособ. для вузов. — В 3 т. — Т. 2. — 3-е изд., доп. / Р. С. Белкин. — М., 2001 — 314 с.
3. *Глазырин Ф. В.* Криминалистическое изучение личности обвиняемого дис... д-ра юрид. наук / Ф. В. Глазырин. — М., 1973. — 317 с.
4. *Жбанков В. А.* Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике: дис. ... д-ра юрид. наук / В. А. Жбанков. — М., 1995. — 364 с.
5. *Поврезнюк Г. И.* Установление лиц, причастных к событию преступления как частная криминалистическая теория / Г. И. Поврезнюк // Известия ТулГУ. Серия «Актуальные проблемы юридических наук». — Вып. 12. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. — С. 100—110.
6. *Поврезнюк Г. И.* Теория и практика криминалистического установления личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Г. И. Поврезнюк. — М., 2006. — 56 с.
7. *Ахмедшин Р. Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р. Л. Ахмедшин. — Томск: Том. гос. ун-т, 2006. — 413 с.
8. *Макаренко И. А.* Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / И. А. Макаренко. — Саратов, 2006. — 404 с.
9. *Лаврухин С. В.* Механизм поведения преступника: криминалистические аспекты: моногр. / С. В. Лаврухин. — М., 2015. — 472 с.
10. *Малыхина Н. И.* Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы: моногр. / Н. И. Малыхина / под ред. д-ра юрид. наук А. Ф. Вольнского. — М., 2016. — 312 с.
11. *Центров Е. Е.* Личность потерпевших по делам о половых преступлениях и особенности их допроса (Процессуально-криминалистическое и судебно-психологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Центров. — М., 1972. — 54 с.
12. *Центров Е. Е.* Основы криминалистического учения о потерпевшем: дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Е. Центров. — М., 1993. — 412 с.
13. *Вандышев В. В.* Теоретические и практические аспекты взаимосвязи криминалистики и виктимологии: дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Вандышев. — М., 1989. — 285 с.
14. *Бедризов А. Г.* Личность свидетеля как объект криминалистического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / А. Г. Бедризов. — Калининград, 2020. — 25 с.
15. *Цветков С. И.* Криминалистическая теория творческих решений: дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Цветков. — М., 1992. — 207 с.
16. *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени / Н. П. Яблоков // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Заслуж. деятеля науки РФ, Заслуж. юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Н. П. Яблокова. Москва, 22 дек. 2015 г. / ред.-сост. М. А. Лушечкина. — М., 2015. — С. 20—25.
17. *Полстовалов О. В.* О личности следователя как объекте криминалистического анализа / О. В. Полстовалов // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Заслуж. дея-

теля науки РФ, Заслуж. юриста РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. Н. П. Яблокова. Москва, 22 дек. 2015 г. / ред.-сост. М. А. Лушечкина. — М., 2015. — С. 95—99.

18. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза: курс общей теории / Т. В. Аверьянова. — М.: Норма, 2006. — 480 с.

19. *Грибунов О.П.* Личностный аспект характеристики преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, и взаимосвязь преступника и жертвы преступлений / О.П. Грибунов // Юристъ-Правоведь. — 2015. — № 3 (70). — С. 56—60.

20. *Снетков В. А.* Габитоскопия / В. А. Снетков. — Волгоград, 1979. — 47 с.

21. *Пересункин А. Ю.* Криминалистическое отождествление личности по внешним признакам (судебная габитология) / А. Ю. Пересункин. — М., 1976. — 58 с.

22. *Зинин А. М., Подволоцкий И. Н.* Габитоскопия / А. М. Зинин, И. Н. Подволоцкий. — М., 2006. — 187 с.

23. *Пичугин С. А.* Криминалистическая фенотипология: понятие и содержание / С. А. Пичугин // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 6. — С. 113—116.

24. *Подволоцкий И. Н.* Предпосылки формирования частной теории портретной экспертизы / И. Н. Подволоцкий // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 7. — С. 169—175.

25. *Самойлов Г. А.* Основы криминалистического учения о навыках / Г. А. Самойлов. — М., 1968. — 89 с.

26. *Чулахов В. Н.* Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. Н. Чулахов. — М., 2004. — 38 с.

27. *Алексеева Т. А.* Криминалистическое учение о речи: историко-содержательный аспект / Т. А. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 343 (февр.). — С. 113—115.

28. *Симакова Е. С.* Отражение в почерке психологических свойств и состояний личности: криминалистический, уголовно-процессуальный и психологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / Е. С. Симакова. — Томск, 2003. — 204 с.

29. *Мамурков В. А.* Основы криминалистического учения о биологических объектах: дис. ... докт. юрид. наук / В. А. Мамурков. — М., 2002. — 326 с.

30. *Коршик М. П., Степичев С. С.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии / М. П. Коршик, С. С. Степичев. — М., 1969. — 78 с.

31. *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления / Г. Г. Зуйков // Соц. законность. — 1971. — № 11. — С. 14—19.

32. *Кустов А. М.* Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук / А. М. Кустов. — М.: Академия МВД РФ, 1997. — 355 с.

33. *Тишутина И. В.* Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: моногр. / под общ. ред. А. Ф. Вольнского. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 352 с.

34. *Лушечкина М. А.* Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Лушечкина. — М., 2002. — 217 с.

35. *Жбанков В. А.* Криминалистическая теория изучения личности и её значение в деятельности органов предварительного расследования / В. А. Жбанков // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: сб. мат-в всерос. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. — М.: Академия управления МВД России, 2012. — Ч. 2. — С. 78—84.

36. Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. — М.: Юристъ. 1997. — 760 с.

37. *Фойгель Е. И.* Основные положения криминалистического учения о человеке и человеческой деятельности / Е. И. Фойгель // Академический юридический журнал. — 2016. — № 2. — С. 49—53.

УДК 343.985

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-69-76

Залескина Анна Николаевна,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О МОШЕННИЧЕСТВЕ,
СОПРЯЖЕННОМ С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ
ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. Производство допроса по делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, часто представляет трудности у сотрудников правоохранительных органов. Это связано с разными факторами, среди которых: непонимание механизма преступления, в связи с чем возникают сложности в постановке вопросов; незнание информации, которую необходимо получить у допрашиваемого лица; необладание особенностями бухгалтерского, налогового, финансового законодательства, терминология которых используется допрашиваемыми лицами, задействованными в осуществлении хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: допрос, потерпевший, свидетель, мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Zaleskina Anna Nikolaevna,

Senior Lecturer at the Department of Criminalistics
of East-Siberian Institute of the MIA of Russia

**TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION OF A VICTIM AND WITNESS
IN INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF FRAUD CONNECTED
WITH INTENTIONAL NON-FULFILLMENT OF CONTRACTUAL
OBLIGATIONS IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURSHIP**

Abstract. Interrogation in cases of fraud associated with deliberate failure to fulfill contractual obligations in the field of entrepreneurship often presents difficulties for law enforcement officers. This is due to various factors, including: lack of understanding of the mechanism of crime, in connection with which there are difficulties in posing questions; not knowing the information that needs to be obtained from the interrogated person; not possessing the peculiarities of accounting, tax, financial legislation, the terminology of which is used by the interrogated persons involved in the implementation of economic activities.

Keywords: interrogation, victim, witness, fraud associated with deliberate failure to fulfill contractual obligations in the field of entrepreneurship.

Допрос, как средство получения доказательственной информации, следует признать самым распространенным в уголовном судопроизводстве, за-

менить его другим следственным действием невозможно. Такая «популярность» допроса обуславливается, с одной стороны, его высочайшими информационными возможностями, а с другой — простотой проведения, надежностью и быстротой получения результата в виде доказательств [1, с. 268]. В то же время, являясь одним из ключевых доказательств и часто производимых следственных действий, допрос относится к одному из самых сложных следственных. Он характеризуется эмоциональным и умственным напряжением, часто происходит в условиях межличностного конфликта [2, с. 113]. Особенно это относится к преступлениям экономической направленности, расследование которых часто протекает в условиях конфликтной ситуации. Не является исключением и мошенничество, сопряжённое с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Сложность и особенность допроса заключается в том, что результаты, оформленные в ходе его проведения, во многом зависят от квалификации и профессионализма лица, ведущего расследование. Это обусловлено как знанием смежных отраслей законодательства (гражданского, налогового, бухгалтерского, уголовного и пр.), так и способностью лица установить вектор расследования и понимать, что именно необходимо выяснить. Иными словами, лицо, которое допрашивают, не может, а в некоторых случаях и не хочет самостоятельно сообщить все обстоятельства, имеющие значения для дела.

Важным моментом является то, что установление субъективной стороны рассматриваемого мошенничества, чаще всего возможно только когда подозреваемый добровольно даёт показания о совершённом преступлении, и только после на эти показания следователь накладывает доказательства.

Анализ уголовных дел показывает, что в подавляющем большинстве случаев лицо, совершившее мошенничество, сопряжённое с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, даёт ложные показания и максимально препятствует получению истины с целью ухода от уголовной ответственности или уменьшения степени вины. Согласно проведенному исследованию, только 20 % подозреваемых лиц признали вину полностью и дали правдивые показания. В связи с этим эффективнее начинать с допроса потерпевшего, затем производить допросы свидетелей и специалистов, а после сбора максимально полной картины преступления и основных доказательств допрашивать подозреваемого, обвиняемого. В некоторых случаях очередность может меняться, кроме того, возможны повторные допросы с целью выяснения дополнительных обстоятельств по делу.

Не стоит забывать и о том, что важную роль следует уделять подготовке к данному следственному действию, т. е. подготовить перечень вопросов, изучить материалы дела, проанализировать имеющуюся информацию [3, с. 30]. Изучение всех обстоятельств преступления, его возможных причин

и последствий, причинно-следственных связей, а также характеристики основных участвующих лиц необходимо для получения максимально полной картины из имеющихся обстоятельств. В данном случае следует не только получить правдивые и полные показания, но и выяснить не менее важные сопутствующие обстоятельства совершения преступления, которые будут перепроверены оперативно-следственным путем, чтобы в последующем не опираться только на словесные показания участников процесса.

Лицу, производящему допрос, необходимо установить предмет допроса, а именно определить, какую информацию нужно получить от допрашиваемого лица, что использовать для её получения, т. е. какие средства, приемы, какие вопросы и в какой очередности задать. Также необходимо составить план допросов — определить, кого, когда и в какой очередности допрашивать. Рекомендуется составить перечень самых основных вопросов, т. к. заранее все предусмотреть сложно, а в ходе следственного действия необходимо корректировать ситуацию по мере поступления информации.

Допрос потерпевших по рассматриваемому виду мошенничества в целом не вызывает сложностей и, как правило, осуществляется в бесконфликтной ситуации. Он производится в соответствии с общими правилами, разработанными в криминалистической тактике [4, с. 131].

Изучение личности потерпевшего чаще всего происходит при опросе лица в рамках доследственной проверки, т. е. является первым этапом, на котором выясняется самая основная информация. В большинстве случаев материалы рассматриваемого вида мошенничества инициируются по заявлению потерпевшего, к которому обычно прикладываются документы, свидетельствующие о факте совершения преступления в отношении заявителя (документы, подтверждающие факт совершенного мошенничества). Кроме того, в ходе анализа полученных сведений устанавливается, говорит ли потерпевший правду, сообщает ли он полно обо всех обстоятельствах либо что-то утаивает.

При первом допросе лица в качестве потерпевшего максимально подробно выясняются все обстоятельства совершённого преступления и иные данные, имеющие значение для дела, при этом рекомендуется применять детализацию показаний. В ходе допроса потерпевшего необходимо выяснить не только данные об обстоятельствах совершённого деяния, но и получить информацию о личности потенциального подозреваемого.

По рассматриваемому виду мошенничества личность преступника в большинстве случаев известна, т. к. им является сторона, не выполнившая обязательства по договору. В ходе допроса необходимо понять мотивацию одной и другой стороны: причины, побудившие потерпевшего заключить договор именно с этим лицом, организацией (преступником); обстоятельства, повлёкшие, по его мнению, ситуацию, при которой стало возможным совершение преступления. Также в ходе допроса необходимо определить потенци-

альных свидетелей, которые могут изобличить мошенника и указать на его причастность.

Основной задачей следователя при расследовании уголовных дел о мошенничестве данного вида является определение наличия состава мошенничества либо гражданско-правовых отношений. Следователь понимает, какой объем информации, доказательств должен быть добыт по уголовному делу, включая весь объем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, поэтому в ходе допроса нужно выяснять такие факты, которые впоследствии помогут решить важные следственные задачи. Например, определить, где и что искать (где и какие документы по совершённой сделке запрашивать, изымать и т. д.), кого устанавливать и допрашивать (свидетели из числа работников организаций).

Наиболее эффективно применение свободного изложения информации потерпевшим, а после — применение уточняющих вопросов. Допрос может быть построен в форме «вопрос — ответ», но это рекомендуется для тех следственных ситуаций, когда до допроса потерпевшего следователю удалось достаточно полно установить все обстоятельства совершённого преступления или при производстве дополнительного допроса.

Тактически верным ходом с нашей точки зрения будет задавать потерпевшему вопросы, связанные с версией потенциального подозреваемого, т. е. как отреагирует в будущем при допросе подозреваемый, как можно опровергнуть его доводы и как еще можно подтвердить доводы потерпевшего. Как правило, по данной категории дел потерпевший на момент подачи заявления о преступлении уже примерно знает (либо предполагает) версию подозреваемого (причины неисполнения договорных обязательств, например, произошедшие предпринимательские риски, непоставки товаров другими контрагентами; невозможность выполнить условия сделки и т. п.).

Например, потерпевший сообщает, что подозреваемый специально затягивал сроки исполнения договора, неоднократно ссылаясь на различные причины, в связи с чем ему стало понятно, что действия второй стороны договора были преднамеренными и исполняться не планировались. Необходимо выяснить у него, почему он считает, что действия были преднамеренными. Потерпевший может пояснить, что у организации подозреваемого не было сил и средств для его исполнения — никогда не арендовался офис, никогда не было строительной бригады, спецтехники и т. д.

Выяснение всей перечисленной информации поможет спрогнозировать поведение подозреваемого, и является обязательным этапом психологической подготовки к следственному действию [5, с. 120].

Таким образом, задача следователя — получить от потерпевшего те достаточно объективные сведения, с помощью которых можно опровергнуть выдуманную версию подозреваемого, помимо письменных пояснений. Возможно, все детали он назвать не сможет (объективно не зная этого), но даже

малая часть послужит веским основанием для доказывания его вины и объективной стороны преступления.

Также важно, чтобы потерпевший указывал такие факты, которые можно перепроверить не только словесно (например, потерпевший утверждает, что подозреваемый приглашал его для заключения договора к себе в офис, то необходимо попросить назвать адрес этого офиса, чтобы можно было подтвердить факт осуществления предпринимательской деятельности преступником; если с мошенником встречались в торговом центре, то указать конкретное место, возможно там останутся записи камер видеонаблюдения, кроме того, его могли видеть и запомнить охранники, обслуживающий персонал и т. д.). Данные сведения в последующем помогут в ходе расследования установить истину по делу (объективную сторону, фактические обстоятельства) и подтвердить обстоятельства не только в форме словесных показаний участников процесса.

Одним из самых распространенных в уголовном деле является допрос свидетеля, производство которого, несмотря на кажущуюся простоту, вызывает затруднение [6, с. 4].

Допрос свидетеля проходит в режиме выяснения всех известных обстоятельств: в каких отношениях он состоит с подозреваемым, потерпевшим, есть ли причины оговорить кого-либо и т. д. Типичными категориями свидетелей по данному виду мошенничества являются работники организаций (предприятий) потерпевшего и подозреваемого — бухгалтеры, менеджеры, экспедиторы, поставщики; члены семей, владеющие информацией, относящейся к совершённому преступлению. Важным аспектом допроса свидетелей является получение тех сведений, которые в последующем помогут при расследовании уголовного дела. Примерный перечень вопросов, задаваемых свидетелю:

1. Как давно работаете в организации? Как можете охарактеризовать руководителя (подозреваемого)?

2. Кто открывал счет в банке, кто получал доступ к электронно-цифровой подписи, кто представлял организацию при заключении договоров, выдаче сертификатов и т. д.?

3. Где подозреваемый хранит бумажные и электронные документы, печати?

4. Кто может подтвердить, что у подозреваемого не было техники, сил и средств, чтобы выполнить обязательства по договору с потерпевшим?

Кроме этого, необходимо выяснить и сведения, компрометирующие подозреваемого, например, последний мог сообщить, что планирует обналичить полученные от потерпевшего денежные средства через свою организацию с целью быстрее выполнения работ (услуг) и др. Эту информацию необходимо использовать в дальнейшем.

Рассмотрим пример уголовного дела, где в основу доказательств были положены допросы потерпевшего и свидетелей, т. к. подозреваемый от дачи показаний отказался.

Так Л., являясь исполнительным директором ООО «З», осуществляющим предпринимательскую деятельность в сфере оптовой и розничной торговли сельскохозяйственным сырьем, выполняя организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в коммерческой организации, действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью хищения чужого имущества путем обмана, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, похитил имущество индивидуального предпринимателя (далее ИП) П., повлекшее причинение значительного ущерба. Л. заключил с ИП «П» договор, приняв на себя обязательства по обеспечению хранения принадлежащей ИП «П» сельскохозяйственной продукции, а именно пшеницы в сумме 2 млн руб. По условиям договора Л., обязался 200 т зерна хранить в течение пяти месяцев, определенных договором или до момента продажи зерна ИП, а 24 т приобретал на свои нужды. Услуги хранения зерна должны быть оплачены из расчета 30 коп. за килограмм в момент вывоза зерна со склада. После поступления от ИП на склад пшеницы в полном объеме общей стоимостью 2 млн руб. Л., составил и подписал акт о приеме-передаче товарно-материальных ценностей на хранение. Далее, приняв на временное хранение указанный объем пшеницы в свое распоряжение, Л., арендовал мельничный комплекс, на котором переработал пшеницу в муку, которую в дальнейшем реализовал её путем оптовой продажи, тем самым похитив.

Часто по рассматриваемому виду мошенничества, достоверно установить субъективную сторону можно только с помощью правдивых показаний подозреваемого лица, что бывает крайне редко и является одной из причин неустановления состава преступления.

На предварительном следствии и в суде подозреваемый Л. от дачи показаний отказался. В связи с этим доказательствами его вины стали показания потерпевшего и свидетелей, которые согласовывались между собой, дополняли друг друга и содержали исчерпывающие сведения относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что в совокупности позволило установить полную картину преступления.

Так, потерпевший П., показал, что он, как ИП, занимающийся растениеводством зерновых культур, заключил с ООО «З», в лице исполнительного директора Л., два договора один на покупку зерна в количестве 24 т, второй на хранение зерна в количестве 200 т. Поскольку Л., сразу оплатил покупку 24 т зерна, П., ему поверил и решил, что он надежный человек, поэтому и перевез зерно на склад Л. Договор на хранение зерна был заключен на пять месяцев, оплата за хранение предусматривалась после продажи зерна. Когда П., с покупателем приехал к Л. на склады, то ни зерна, ни денег, не бы-

ло. На вопросы о том, где зерно, Л. пояснял, что пшеницу он переработал в муку, которую затем реализовал, в связи с чем возможности вернуть зерно у него нет. Далее Л. активно предлагал перезаключить договор хранения в договор купли-продажи, т. е. перезаключить новый договор на продажу вышеуказанной пшеницы, который был бы датирован на момент предъявления наших требований. Таким образом, Л. пытался уклониться от ответственности, в том числе и материальной, а также отсрочить исполнение своих обязательств по договору хранения.

Допрошенный в качестве свидетеля А, директор ООО «У», у которого в собственности имеется мельничный комплекс, показал, что по просьбе Л. они заключили договор аренды мельничного комплекса в целях переработки зерна на два месяца, в течение которых Л. производил муку.

Допрошенная в качестве свидетеля ИП В., основным видом деятельности которой является растениеводство и выпечка хлебобулочных изделий, пояснила, что она заключила договор покупки муки с ООО «З», в лице Л., т. к. цена на муку была намного ниже, чем у других поставщиков.

Бывшая супруга Л., допрошенная в качестве свидетеля, показала, что ООО «З», достаточно длительное время осуществляло оптовую реализацию зерна разного вида, однако из-за неэффективных управленческих решений, а также общей неблагоприятной экономической обстановки в последние годы практически прекратило свою деятельность, в связи с чем её бывший супруг находился в нестабильном материальном положении, активов и имущества на балансе организации не имел.

Безусловно, стоит учитывать, что показания, полученные в результате производства допросов, должны быть получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, кроме того, они должны соответствовать другим исследованным по делу доказательствам, согласовываться с письменными доказательствами, и в дальнейшем признаваться допустимыми, достоверными, чтобы использоваться в качестве доказательств по делу.

Допросы потерпевших, свидетелей, проведенные эффективно на первоначальном этапе расследования, помогут установить объективную сторону преступления и зафиксировать основную информацию, указывающую на преднамеренный характер действий подозреваемого лица

Таким образом, тактика проведения допросов играет одну из главенствующих ролей при получении показаний от лиц, обладающих какими-либо сведениями, имеющими значение для расследования уголовных дел о мошенничестве рассматриваемого вида.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Третьякова Е. И., Гафеева Т. В., Шаевич А. А. Тактические приемы преодоления конфликтной ситуации при допросе: вопросы теории и практики / Е. И. Третьякова, Т. В. Гафеева, А. А. Шаевич // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXV междунар. науч.-практ. конф. — 2020. — С. 268—271.

2. *Россинский С. Б.* Об этических проблемах допроса на предварительном следствии / С. Б. Россинский // Судебная власть и уголовный процесс. — 2017. — № 4. — С. 113—119.

3. *Грибунов О. П., Малыхина Е. А.* Отдельные вопросы тактики допроса при расследовании взяточничества / О. П. Грибунов, Е. А. Малыхина [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 4 (7). — С. 28—32. — Электрон. текст. дан. (18 632 704 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

4. *Варданян А. В., Гончаров К. В.* Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А. В. Варданян, К. В. Гончаров // Общество и право. — 2017. — № 3 (61). — С. 130—134.

5. *Дулов А. В.* Основы психологического анализа на предварительном следствии / А. В. Дулов. — Минск, 1973. — 168 с.

6. *Грибунов О. П.* Тактические приемы, используемые для изобличения ложных показаний свидетеля / О. П. Грибунов // Российский следователь. — 2016. — № 5. — С. 3—7.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-77-93

Кисленко Сергей Леонидович,

доцент кафедры криминалистики

Саратовской государственной академии права

ИССЛЕДОВАНИЕ ДАННЫХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ПОДСУДИМОГО: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Системные характеристики лица, совершившего преступление, определяют сложность использования информации о нем в процессе уголовного судопроизводства. Данное положение в целом относится и к личности подсудимого. Поскольку установление в судебном разбирательстве данных о личности субъекта напрямую связано с решением целого комплекса уголовно-правовых и процессуальных вопросов, постольку такая деятельность должна отвечать определенным положениям, соблюдение которых обеспечивало бы эффективное решение указанных вопросов. Однако на практике относительно исследования личности подсудимого возникает немало вопросов проблемного характера, требующих своего разрешения. В статье дается анализ основных проблем, связанных с исследованием личности подсудимого, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; суд; обвиняемый; подсудимый; доказывание; личность преступника; данные, характеризующие личность; обстоятельства, подлежащие установлению.

Kislenko Sergey Leonidovich,

Associate Professor of the

Department of Criminalistics Saratov State Academy of Law

RESEARCH OF THE DATA CHARACTERIZING THE DEFENDANT'S PERSONALITY: PROBLEMATIC ASPECTS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract. The system characteristics of a person who has committed a crime determine the complexity of the use of information about him in the course of criminal proceedings. This statement applies entirely to the identity of the defendant. Since the establishment of data on the personality of a given subject in court proceedings is directly related to the solution of a whole range of criminal law and procedural issues, such activity must meet certain requirements, compliance with which would ensure an effective solution of these issues. However, in practice, regarding the investigation of the defendant's identity, there are many issues of a problematic nature that require their resolution. The article analyzes the main problems associated with the study of the defendant's personality. The ways of their solution are suggested.

Keywords: criminal process; trial; court; accused; defendant; proof; criminal's identity; data characterizing the person; circumstances to be established.

Личность человека выступает многофакторным общественным явлением. Она входит в предмет исследования различных наук, каждая из которых рассматривает данный объект сквозь призму своих специфических задач. В юридических науках личность лица, совершившего преступление, выступает одним из ключевых объектов исследования. Ассимилируя знания о личности, приобретенные другими науками, юриспруденция с успехом использует их в своих специфических целях. Такой подход не только обеспечивает получение углублённого и разностороннего представления о личности как объекте междисциплинарного исследования, но и позволяет в рамках юридического направления её изучения интегрировать такие её свойства, которые были бы наиболее значимыми с точки зрения задач современного уголовного судопроизводства. С практической точки зрения указанный подход объясняется тем, что в процессе изучения личность, как объект познания в правоохранительной сфере, выступает одновременно в разных самостоятельных проявлениях, находящиеся друг с другом в соотношении части и целого. Личность рассматривается сквозь призму системы общественных отношений и связей с социальной средой, социально-психологических факторов, отражающих существенные, устойчивые черты внутреннего мира преступника как обобщенного идеального образа общественных отношений, а также через особенности проявления личности преступника в противоправной деятельности. Поэтому вполне справедливо устоявшееся мнение о том, что познание только совокупности и ограниченного единства всех признаков и их использование на практике может дать типологическую характеристику личности преступника [1, с. 48—49].

Данное положение всецело относится и к категории «личность подсудимого», которая сформирована на стыке общесоциологического понятия «личность» и социально-юридического понятия «подсудимый». При этом каждое из указанных составляющих не тождественно понятию «личность преступника», поскольку подсудимый не во всех случаях может оказаться преступником, а преступник не всегда выступает в процессуальной роли подсудимого. В связи с этим личность подсудимого, по мнению отдельных авторов, должна изучаться комплексно — не только как личность преступника с выявлением его различных психических и социальных характеристик, но и как личность человека со всеми присущими ей особенностями [2, с. 403].

В первую очередь отметим, что, в соответствии с действующим законодательством (ст. 73 УПК РФ), сведения, характеризующие личность подсудимого, составляют предмет доказывания по уголовному делу. Установление и исследование данных обстоятельств напрямую связано с решением целого комплекса вопросов уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, а именно: о целесообразности привлечения лица к уголовной ответственности; о пределах и специфике исследования его данных в уголовном судопроизводстве (например, в рамках суда присяжных); о квалика-

ции действий подсудимого; о наличии обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность; о виде, размере наказания и др.

Решение указанных (и иных) вопросов возможно порой только при наличии тщательного исследования целого комплекса свойств и состояний анализируемого лица: социально-демографических признаков подсудимого; его социально-правового статуса; психологических свойств и состояний; биологических качеств личности. Игнорирование каких-либо отдельных составляющих указанных характеристик приводит зачастую к принятию ошибочных решений субъектами правоприменения. Так, назначая Г. и Р. дополнительное наказание в виде ограничения свободы, суд не учел, что, в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ, ограничение свободы не назначается лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации. Как установлено судом, Г. и Р. не имели определенного места жительства на территории Российской Федерации. При таких обстоятельствах Г. и Р. не могло быть назначено дополнительное наказание в виде ограничения свободы¹. По другому уголовному делу, несвоевременное установление судом наличия у подсудимого особого правового статуса привело к необоснованному принятию к производству заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения (по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.), а впоследствии к вынесению незаконного приговора [3, с. 28—34].

Таким образом, своевременное установление и полное изучение данных, характеризующих личность подсудимого, является неотъемлемым положением исследовательского процесса в судебной практике. Однако эффективность такой деятельности осложняется существованием целого ряда факторов правового и правоприменительного характера. К последним, на наш взгляд, следует отнести следующие положения.

Во-первых, отсутствием на практике единообразного подхода к определению перечня данных о подсудимом, подлежащих выяснению и исследованию в суде.

Предваряя сказанное, отметим, что подобный перечень данных о личности подсудимого не может быть исчерпывающим. Объясняется это отчасти как многофакторностью данных о личности любого индивида, так и открытостью такого перечня с позиции законодателя (например, в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 174 УПК РФ к данным о личности обвиняемого, помимо перечисленных в ч. 2 данной статьи, относятся также иные сведения, имеющие значение для уголовного дела, а согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим).

Также, применительно к таким, данным законодатель часто использует формулировку «данные о личности, имеющие значение для уголовного де-

¹ См.: Кассационное определение Верховного суда РФ от 5 июля 2011 г. № 44-О11-56 [Электронный ресурс]. — URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_49656.htm (дата обращения: 13.02.2021).

ла». Представляется, что такая формулировка служит неким ориентиром для правоприменителя в целях соблюдения им некоего «достаточного минимума данных о личности», обеспечивающего вынесение законного и обоснованного приговора. В принципе, такой подход вполне соответствует теории информации, где её полнота рассматривается в качестве показателя, указывающего на меру достаточности полученных данных для решения той или иной задачи. Неполная информация может привести к ошибочным решениям. Проиллюстрируем сказанное примером из практики. Так, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия от 15 января 2003 г. отменен приговор Атюрьевского районного суда в отношении Ч. Как указано в определении, в соответствии с требованиями ст. 304 УПК РФ, в вводной части приговора указываются сведения о личности подсудимого, т. е. его фамилия, имя и отчество, дата и место рождения, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о его личности, имеющие значение для уголовного дела. Место рождения должно быть указано по существующему на день рассмотрения дела административно-территориальному делению. Дата рождения (возраст) подсудимого должна быть указана точно, т. е. число, месяц и год. Вводная часть приговора в отношении Ч. не содержала никаких данных о личности, кроме его фамилии, имени и отчества, что явилось существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущего за собой отмену приговора¹.)

Содержание отдельных данных о личности, а также глубина их исследования определяются правоприменителем в каждом конкретном случае особенностями рассматриваемого судом уголовного дела и личностью подсудимого. Однако подобная свобода правоприменителя при учете данных личности преступника, с одной стороны, позитивно сказывается на решении отдельных вопросов (таких, например, как индивидуализация наказания), а с другой — препятствует единообразию в правоприменительной практике.

Поэтому неслучайно в литературе высказываются предложения, направленные на оптимизацию использования данных о личности преступника в правоприменительной практике. В частности, о целесообразности отражения в нормах права минимального перечня сведений, характеризующих личность подсудимого. Как показал опрос правоприменителей, 36 % следователей и 53 % судей высказались за предложение о включении в УПК РФ четкого перечня сведений о подсудимом, которые подлежали бы установлению по уголовному делу [4, с. 74]. По мнению же В. Н. Воронина, данные о личности трудно ограничить каким-либо перечнем, поэтому автор предлагает практически ориентированный оценочный подход, согласно которому

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РМ № 22-17/03 // Архив Верховного суда РМ за 2003 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=162 (дата обращения: 13.02.2021).

при учете того или иного обстоятельства суд обязан указать, каким образом оно характеризует виновного: положительно или отрицательно [5, с. 22].

Еще одна проблема полноты данных о личности подсудимого — это процесс её наполнения.

Следует отметить, что уже на стадии ознакомления с материалами дела судья, изучая материалы уголовного дела, получает информацию о подсудимом через призму определенных социальных характеристик. При этом установление в подготовительной части судебного заседания данных о личности подсудимого, как считает Пленум Верховного суда РФ, не освобождает суд от обязанности, в силу требований ст. 73 УПК РФ, в ходе судебного следствия выяснить обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и имеющие значение для постановления приговора или иного итогового судебного решения¹.

Однако, как свидетельствует практика, дальнейшее наполнение данных о личности подсудимого во многом зависит от инициативы сторон. Суд, как правило, лишь пользуется теми данными, которые есть в его распоряжении. Так, согласно постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников). А в п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указано, что исследование в судебном разбирательстве обстоятельств, характеризующих личность подсудимого (в том числе смягчающих и отягчающих наказание), может проводиться также путем рассмотрения дополнительно представленных сторонами материалов и допросов свидетелей.

При этом сам законодатель не обязывает суд и стороны к активному выявлению сверх «достаточного минимума данных о личности» каких-либо дополнительных сведений. Следствием такого «статичного» подхода к исследованию данных о личности подсудимого и оставление данного процесса «на откуп» сторонам является появление на практике случаев поверхностного изучения судами личности подсудимого, что закономерно приводит к нарушению его прав (например, ухудшению положения при осуждении). От-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Рос. газ. — № 297. — 2017. — 29 дек.

сутствие развернутой характеристики личности также затрудняет деятельность судов последующих инстанций по проверке законности приговора. Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении Ч. в суде первой инстанции представителями сторон не были доведены до суда какие-либо сведения (не устные, не представленные в виде документов), подтверждающие наличие у подсудимого малолетнего ребенка. В ходе судебных прений стороны также не просили учесть в качестве смягчающего обстоятельства наличие на иждивении подсудимого малолетнего ребенка. С учетом изложенного судом первой инстанции в отношении Ч. был постановлен обвинительный приговор без учета такого обстоятельства. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда от 05.05.2015 приговор суда в отношении Ч. был изменен. Судом было признано смягчающим наказанием обстоятельством наличие малолетних детей у виновного, что подтверждено предоставленными суду апелляционной инстанции документами¹.

Во-вторых, многообразие источников данных о личности подсудимого предопределяет наличие целого комплекса требований формального характера к подобным источникам.

Поскольку приговор может быть постановлен только на достоверных доказательствах, постольку законодатель предъявляет ряд требований к источникам сведений о подсудимом: их реальное наличие; достоверность содержащихся в них персональных данных; отсутствие у суда сомнения в их подлинности; подтвержденность обстоятельств, характеризующих личность подсудимого в рамках судебного разбирательства². Также законодатель допускает комплексную оценку одних и тех же данных, содержащихся в разных источниках. Так, согласно п. 31 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», состояние опьянения лица может быть подтверждено как медицинскими документами, так и показаниями подсудимого, потерпевшего или иными доказательствами.

Основными источниками сведений о подсудимом выступают письменные документы и лица, которые так или иначе взаимодействовали с подсудимым.

В качестве документальных источников чаще всего выступают: паспорт (или удостоверение личности), справки (например, из органов внутренних дел, медицинских учреждений и др.), характеристики (с мест жительства,

¹ См.: Обобщение практики учета судьями Краснокаменского городского суда Забайкальского края обстоятельств, смягчающих наказание [Электронный ресурс]. — URL: http://krasnokam.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=497 (дата обращения: 13.02.2021).

² См.: п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Рос. газ. — № 297. — 2017. — 29 дек.

работы, учебы), копии прежних приговоров суда и т. п. Из этих источников суд получает информацию:

— об установочных данных подсудимого. К таким, согласно ст. 304 УПК РФ, относятся: фамилия, имя и отчество подсудимого, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для уголовного дела (об имеющейся у подсудимого инвалидности, о наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий и др.).

— о характеризующих подсудимого сведениях. Согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58, к сведениям о личности, подлежащим учету при назначении наказания, относятся данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников), наличие (отсутствие) судимости и др.

В большинстве случаев при установлении личности подсудимых исследуются оригиналы гражданских паспортов. При отсутствии последнего у подсудимого его личность может быть идентифицирована по оригиналу справки формы № 1-П или справки об освобождении. Сообщаемые подсудимыми данные сверяются с имеющимися у суда документами и иными материалами уголовного дела. При изучении личных документов, как рекомендуется в литературе, судам следует обращать внимание на их форму и содержание, проверять наличие всех необходимых реквизитов, сверять имеющуюся фотографию с внешностью обвиняемого, определять наличие или отсутствие признаков подделки, выявляя их по соответствию содержания документа, месту и времени его выдачи [6, с. 3].

Тщательной проверки подлежат и другие документы, свидетельствующие, например, о наличии у подсудимого места работы или учебы. В судебной практике встречаются случаи, когда обвиняемые умышленно представляли трудовые договоры, заключенные якобы с индивидуальным предпринимателем, сведения в которых не соответствовали действительности. Довольно часто предоставляли ложные сведения о месте своей работы обвиняемые, проживающие за пределами района, видимо полагая, что данные сведения не будут перепроверены судом¹.

В силу принципа непосредственного исследования доказательств суд вправе получать информацию о личностных качествах подсудимого непосредственно от лиц, которые с ним так или иначе взаимодействовали (знакомые, соседи, друзья, коллеги, родственники). Получение информации происходит посредством допроса указанных лиц, которые могут путем дачи пока-

¹ См.: Обзор судебной практики Орджоникидзевского районного суда Республики Хакасия [Электронный ресурс]. — URL: http://ordzhonikidzevsky.hak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=45 (дата обращения: 13.02.2021).

заний уточнить либо подтвердить факты, характеризующие личность подсудимого, либо путем оглашения на судебном заседании показаний, полученных от таких лиц на стадии предварительного расследования в соответствии с положениями ст. 281 УПК РФ [7, с. 74].

Представляется, что выбор источника, характеризующего личность подсудимого, всецело зависит от содержащейся в нем информации и задач, стоящих перед субъектом его исследующего. Так, если необходимо установить социально-демографические признаки личности, то приоритет будет отдаваться, как правило, документально зафиксированным данным. В том же случае, когда необходимо установить психологические характеристики подсудимого, на первый план могут выходить показания свидетелей, само поведение подсудимого и т. п.

В-третьих, отсутствие однозначных связей между характеристиками личности подсудимого и принимаемыми судом решениями. Как отмечается в литературе, такие связи носят опосредованно-избирательный характер, поскольку знания судей относительно разрешаемых обстоятельств формируются за счет различных сведений и их источников. При этом, выражая свое отношение к таким источникам (в принимаемых решениях), не все из них может принять суд, и не все эти источники становятся обязательными для него [8, с. 127]. Например, как свидетельствует анализ судебной практики, поскольку перечень смягчающих наказание обстоятельств, указанных в ст. 61 УК РФ, не является исчерпывающим, при назначении наказания суды достаточно часто учитывают смягчающие обстоятельства, не предусмотренные в законе. По данным О. Мясникова, такое встречается в 65 % случаев рассмотрения уголовных дел [9, с. 51]. Например, в качестве одного из смягчающих обстоятельств, не указанных в ст. 61 УК РФ, суды рассматривают положительную характеристику с места жительства или учебы, что расценивается порой в качестве относительно небольшой степени общественной опасности лица, совершившего преступное деяние. Однако, как справедливо отмечается в литературе, положительная характеристика с места учебы в случае, если обучение было пройдено подсудимым несколько лет назад, может быть и не принята судом в обосновании смягчающего обстоятельства, поскольку она не способна отразить особенности такой личности на момент совершения преступления [10, с. 166—167].

В-четвертых, не все данные, относящиеся к личности подсудимого, статичны. В связи с этим судам необходимо учитывать временные связи между такими данными и моментом постановления приговора. Так, например, на момент вынесения приговора у подсудимого могут появиться на иждивении малолетние дети, что может повлиять на смягчение наказания¹.

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 30 марта 2017 г. № 66-О17-1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30032017-n-66-o17-1/> (дата обращения: 13.02.2021).

В-пятых, единичный и комплексный характер влияния ряда признаков личности на принятие решений по делу.

В целом суд должен учитывать личность преступника в широком смысле этого понятия, поскольку по одному лишь преступному деянию нельзя получить всестороннего и глубокого представления о личности. Так, сам факт совершения преступления свидетельствует об отклонении от нормы в социальном поведении конкретного индивида, однако не содержит информации о том, насколько выражена тенденция к подобному отклонению именно для данной личности. В связи с этим суд может смягчить наказание, если сочтет, что противоправное деяние явилось случайным эпизодом в жизни данного лица, а в его личности имеются положительные черты, могущие повлиять на процесс исправления.

Несмотря на то, что ряд данных, характеризующих обвиняемого, отражен в законодательстве и несет самостоятельное значение для решения процессуальных вопросов, отдельные из них проявляют свою значимость и учитываются лишь в комплексе с другими характеристиками. В связи с этим судьи должны порой оценивать значимость какого-либо признака, характеризующего личность подсудимого, в совокупности с другими признаками.

Таким образом, при оценке судом данных, характеризующих личность преступника, можно вести речь о существовании значимой для обоснования принимаемых решений совокупности признаков такой личности. Иначе говоря, это некое множество признаков, подлежащих выявлению и исследованию, одни из которых не варьируются (статичны), а другие включаются в данную совокупность для усиления проявления базовых признаков. Подобное положение можно встретить в ряде законодательных норм. Так, в качестве смягчающего наказание обстоятельства суд может учесть наличие у подсудимого несовершеннолетних детей и лишь при условии, что преступное деяние не было совершено в отношении их, а виновный обладает такими характеристиками, как: активное участие в их воспитании, материальном содержании. Или же суд, назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения¹.

По аналогичному пути идут и правоприменители. Так, по данным отдельных авторов было установлено, что почти 2/3 осужденных были судимы впервые. Однако данное обстоятельство признавалось судами смягчающим только в 37 % случаев и, в большинстве своем лишь в совокупности с иными смягчающими обстоятельствами (чистосердечное раскаяние, молодой возраст подсудимого и др.) [11, с. 220]. Следует констатировать, что ряд усили-

¹ См.: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Рос. газ. — № 295. — 2015. — 29 дек.

вающих факторов порой негативно влияет на склонение правоприменителей в одну из сторон даже порой вопреки положениям законодательства. Так, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей. Однако, как свидетельствует практика, на мнение судей порой оказывает влияние факт совершения преступления в прошлом, судимость за которое снята или погашена в том случае, когда сопоставление данного обстоятельства с другими данными о личности подсудимого обнаруживает устойчивость антиобщественного поведения лица [11, с. 224—22].

Также необходимо учитывать, что ряд признаков, которые усиливают другие признаки (как правило, понижающее либо повышающее степень общественной опасности деяния), носят сугубо индивидуально-казуистический характер (частности, наличие различных заболеваний, группы инвалидности, травмы у виновного и т. п.). Исходя из этого, на практике порой трудно спрогнозировать, какой признак по конкретному делу будет иметь ощутимое значение в сочетании с другими признаками. В связи с этим представляется вполне объективной рекомендация о том, что судьям следует активнее использовать знания о криминологической и криминалистической характеристиках преступлений, а также иметь хотя бы общее представление о признаках, характерных для большинства преступных посягательств и лиц, их совершающих. Проецирование указанных знаний на процесс рассмотрения конкретных уголовных дел позволит правоприменителям смоделировать ряд обстоятельств, не характерных для большинства преступлений, но подпадающих под одну из статей Особенной части УК РФ. Наличие нехарактерности и значительности влияния на наказание позволяет суду, как отмечает С. С. Обухова, положить конкретное обстоятельство в обосновании своих выводов (например, о смягчении наказания) [12, с. 24].

В-шестых, необходимость детализации анализируемых положений с учетом ряда факторов, имеющих практическое значение:

— категоризация преступных деяний. Например, в процессе рассмотрения уголовных дел частного обвинения судам часто приходится применять наказание в виде штрафа. В связи с этим особый интерес у мирового судьи вызывает вопрос о размере заработной платы подсудимого. Поэтому, как рекомендуется в литературе, судьям целесообразно истребовать справку формы 2-НДФЛ с места работы подсудимого (если последний работает), т. к. в ней содержится необходимая информация об уровне его дохода [3, с. 28—34];

— типизация лиц, совершивших преступные деяния. Так, рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних предусматривает необходимость установления и доказывания условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц и другие особенности личности (ст. 421 УПК РФ);

— дифференциация форм уголовного судопроизводства. В частности, в зависимости от объема познания личности подсудимого в уголовном правосудии в литературе выделяют следующие уровни такого познания: 1) расширенный (производство по делам несовершеннолетних и по делам о применении принудительных мер медицинского характера); 2) ординарный (по делам, рассматриваемым в общем и особом порядке); 3) дифференцированный (дела, рассматриваемые в суде с участием присяжных заседателей) [13, с. 779—780].

В-седьмых, трудности в установлении данных, характеризующих личность подсудимого. Причинами последних, как свидетельствует практика, могут выступать следующие факторы:

1. Формальность составления отдельных документов, содержащих характеризующие личность обвиняемого сведения. В результате подобные документы не отражают истинного положения дел. В основном это относится к различного рода характеристикам с места работы, учебы, жительства. Так, по отдельным данным, приводимым в литературе, в подавляющем большинстве изученных уголовных дел участники процесса не задавались вопросом «об анкетных данных подсудимого», хотя во всех протоколах судебного заседания этот вопрос был обозначен. Так, по одному уголовному делу, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Саранска, председательствующий лишь продемонстрировал (взмахом руки) находящимся в зале судебного заседания факт наличия пяти характеристик на подсудимого [14, с. 399].

При этом правоприменители сами способствуют формированию подобной негативной практики, проявляя формализм в исследовании доказательств. Усугубляется это отсутствием единообразия в требованиях правоприменителей к источникам данных о личности подсудимого. Так, согласно приговору Хабаровского краевого суда от 25 сентября 2015 г. по делу № 2-49/2015 в силу ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельств, смягчающих наказание подсудимому Р., суд признал: его молодой возраст; наличие малолетнего ребенка (ст. 61 ч. 1 п. «г» УК РФ), что было подтверждено в рамках судебного разбирательства не только пояснениями самого Р. о наличии у него дочери, но и справкой о рождении № 1349, выданной отделом ЗАГС администрации Верхнебуреинского муниципального района о том, что Р. является отцом данного ребенка (8 августа 2007 года рождения)¹.

По другому уголовному делу в отношении Н. суд, несмотря на отсутствие в уголовном деле документов об отцовстве осужденного, признал в качестве смягчающего наказания обстоятельства наличие малолетнего ребенка у виновного. На судебном заседании осужденный Н. лишь на словах

¹ См.: Архив судебных решений [Электронный ресурс]. — URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/436321481> (дата обращения: 13.02.2021).

пояснил, что у него на иждивении находится беременная супруга и её малолетний ребенок¹.

2. Ошибки в формировании данных, характеризующих личность обвиняемого, допущенные правоохранными органами. В качестве яркого примера недобросовестного отношения дознавателя к расследованию уголовного дела можно привести дело в отношении М. Так, дознаватель во время допроса обвиняемого выяснил лишь то, где проживает обвиняемый в период расследования дела. Соответственно, сведения о психическом здоровье М. были истребованы из Копьевской Центральной районной больницы. Лишь в суде было установлено, что обвиняемый М. на территории района проживает непродолжительное время, до этого проживал на территории Красноярского края, где с детства состоял на учете у психиатра, был признан негодным к службе в армии, трижды освобождался от уголовной ответственности в связи с невменяемостью и на протяжении 14 лет находился на принудительном лечении в психиатрических больницах².

3. Искажение данных, вызванное поведением преступника. Как отмечается в литературе, проблемные ситуации при установлении данных о личности лица, совершившего преступление, могут быть связаны со следующими обстоятельствами: 1) задержанный подозреваемый может хранить молчание, и документы при нем отсутствуют; 2) задержанный может указать свои анкетные данные, но их подлинность в силу отсутствия документов или по иным причинам вызывает обоснованные сомнения [15, с. 216—219].

В таких ситуациях правоохранным органам необходимо тщательно подойти к установлению данных о личности преступника, в ином случае это чревато возникновением проблемных ситуаций в стадии судебного разбирательства. В частности, если у следователя имеются основания предполагать, что обвиняемый назвал вымышленной фамилией и пользуется чужими документами, стремясь таким образом скрыть свою прошлую деятельность, следует направлять его дактилоскопическую карту для проверки по соответствующему учету в органах МВД.

В судебной практике нередки случаи, когда осуждаются лица, воспользовавшиеся документами, принадлежащими другому лицу, либо по документам, полученным незаконным путем. Так, надзорной инстанцией — Президиумом Белгородского областного суда отменен приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 26.01.2010 в отношении Ш. в связи с тем, что личность Ш. была установлена на основании копии паспорта, заверенной

¹ См.: Обобщение практики учета судьями Краснокаменского городского суда Забайкальского края обстоятельств, смягчающих наказание [Электронный ресурс]. — URL: http://krasnokam.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=497 (дата обращения: 13.02.2021).

² См.: Обзор судебной практики по уголовным делам Орджоникидзевского районного суда республики Хакасия [Электронный ресурс]. — URL: http://ordzhonikidzevsky.hak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=45 (дата обращения: 13.02.2021).

следователем. Других данных в деле не имелось и никаких мер по выяснению личности обвиняемого в ходе предварительного следствия не было предпринято. В период исполнения наказания в ходе проверки дактилокарты на имя Ш. по учётам АДИС-ЦФО ЭКЦ УВД Белгородской области установлено, что папиллярные узоры на данной карте полностью совпадают с папиллярными узорами на дактилокарте на имя В. Осужденный в ходе беседы подтвердил, что он действительно является В. В объяснениях Ш. сообщил, что не привлекался к уголовной ответственности на территории Белгородской области и в отношении него не выносился приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода. Считает, что его паспортными данными воспользовался другой человек¹.

4 Технические ошибки. Анкетные данные подсудимого устанавливаются судом по материалам уголовного дела, т. е. они должны указываться в судебном решении на основании их документального подтверждения. Однако в судебной практике встречаются случаи, когда единичное ошибочное написание анкетных данных обвиняемого было расценено как неустановление его личности, препятствующее постановлению приговора. Так, Приморский краевой суд, действуя в качестве апелляционной инстанции и отменяя судебные решения о возврате дела прокурору в порядке ст. 237 УПК, в одном уголовном деле указал, что ошибочное указание в резолютивной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого его отчества (Игоревич вместо Юрьевич) при правильном указании в остальном тексте постановления, а также в обвинительном заключении и в других материалах дела, является технической ошибкой [16, с. 265].

Механизм исправления подобных технических ошибок содержится в п. 15 ст. 397 УПК РФ. Однако данные ошибки не следует путать с ошибками, порождающими сомнения в правильной идентификации личности подсудимого. Особенно, когда такая ошибка породила за собой целый ряд ошибок. Так, по одному из уголовных дел суд в вводной части приговора указал неверно отчество подсудимого, и эта ошибка распространилась на остальные судебные акты. Из материалов дела усматривалось, что в производстве суда находилось уголовное дело в отношении А.К.РА., поступившее с обвинительным заключением в отношении А.К.РА. для его рассмотрения по существу. Вместе с тем постановление суда о назначении судебного заседания в особом порядке от 10.06.2019, протоколы судебных заседаний, постановление о возобновлении производства по делу после розыска от 04.12.2020 составлены в отношении А.К.РБ., также приговор постановлен в отношении А.К.РБ., что является незаконным и необоснованным, учитывая, что в мате-

¹ См.: Практика установления личности обвиняемых (подсудимых) при рассмотрении дел и материалов в 2011 году Октябрьским районным судом г. Белгорода [Электронный ресурс]. — URL: http://oktiabrsky.blg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=395 (дата обращения: 13.02.2021).

риалах дела имеется паспорт на имя А.К.РА., а также иные документы, подтверждающие его данные¹.

5. Человеческий фактор. Несмотря на требование объективности в исследовании и оценки всех обстоятельств дела, необходимо учитывать, что рассматривают конкретные уголовные дела судьи, у которых за годы профессиональной деятельности сложились свои стереотипы суждений о подсудимых из различных социальных слоев. Указанные представления могут влиять на тщательность оценки доказательств, внимательность к доводам сторон, критичность по отношению к материалам дела.

В результате складывается, как отмечается в литературе, парадоксальная ситуация. Отечественное законодательство исходит из того, что осуждению подлежат одинаково все, независимо от статуса и по одним и тем же правилам. Но при этом допускается, что за одно и то же преступление может быть назначено разное наказание в зависимости от личностных характеристик подсудимого. Анализ, проведенный И. В. Четвериковой, показал, что у подсудимых шансы на оправдание, прекращение дела за примирением сторон или осуждение различаются в зависимости от половой принадлежности, семейного состояния (и обстоятельств) и профессионального статуса лица, совершившего преступление. В результате по каким-то причинам одни социальные группы оказываются в более выгодном положении в глазах правосудия, чем другие [17, с. 120].

В частности социальный статус подсудимого на практике зачастую влияет на решения судей. Объясняется это отчасти интерпретативной природой принятия судебных решений, согласно которой, в условиях повышенной нагрузки и потока типовых дел судьи не всегда готовы вникать в уникальность обстоятельств каждого дела и личности подсудимого, а склонны руководствоваться некими стереотипами восприятия, которые позволяли бы им быстро формировать суждение об опасности подсудимого [18, с. 82]. Например, статус безработного сильно и устойчиво связан с решением о реальном лишении свободы. А семейное положение и наличие детей считаются в литературе ключевыми экстралегальными факторами, связанными с гендером и влияющими на принятие решения по уголовному делу [17, с. 102]. Интерпретативное значение при изучении судами материалов дела несет также информация о мерах пресечения, применяемых к подсудимому во время предварительного следствия и судебного разбирательства, в том числе о факте заключения под стражу. Как свидетельствуют исследования в данном направлении, заключение под стражу обладает сильной предсказательной силой назначения наказания в виде реального лишения свободы [19, с. 88—118].

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 26.02.2020 № 10-3620/2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=B8405340B4C7597490B68BA2D79E718B&SORTTYPE=0&BA SENODE=32910&ts=13987011907502213373960664&base=SOCN&n=1277372&rnd=8B74F2B383B9C38B57F57FF67359D881#39xq7odj39k> (дата обращения: 13.02.2021).

Также на объективность данных, характеризующих личность подсудимого, влияют содержание и специфика самих источников таких сведений. Как свидетельствует практика, часто выдаются положительные характеристики на лиц, которые на самом деле к таковым отнесены быть не могут. Усугубляются подобные ситуации тем, что суды, как правило, не всегда прибегают к допросу лиц, которые дали письменную характеристику подсудимому. Например, в том случае, когда из характеристики следует, что лицо хорошо обучалось в вузе, суд, как правило, не требует предъявить аттестат, т. е. имеет место уже упомянутый нами формальный подход, когда суд проявляет слепое доверие к предоставляемым характеристикам [20, с. 91]. На практике встречаются также случаи предоставления документов, содержащих ложные сведения о подсудимом.

Представляется, что в случае неполноты, противоречивости характеристик, вызывающих сомнения в их объективности, суд должен прибегать к их устранению путем:

— истребования развернутой характеристики (желательно с указанием на то, какие именно сведения интересуют). Здесь следует отметить, что законодатель прямо не ограничивает инициативу суда по запросу характеризующих личность подсудимого материалов и их исследование. Как отмечает Конституционный суд РФ, собирание доказательств является прерогативой не только сторон, но и входит в число полномочий суда, который обеспечивает разрешение уголовного дела по существу, не связывая при этом свои действия с выполнением функций обвинения или защиты¹. В связи этим суд может принять решение о запросе характеризующих личность подсудимого материалов и об их оглашении, которое должно быть оформлено в форме постановления. Однако основная проблема здесь заключается в том, чтобы дополняющие и уточняющие материалы, истребуемые по инициативе суда, не содержали в себе сведений о виновности или невиновности подсудимого (в том числе об обстоятельствах, относящихся к событию преступления: время, место, способ, виновность лица, форма вины и мотивы). Принимая такое решение, как считает Д. В. Долгополов, суд обязан обсудить со сторонами, какие материалы подлежат оглашению, и нет ли у сторон возражений [21, с. 76];

— сопоставления с другими документами, имеющимися в деле;

— допроса, давших характеристику и иных лиц (например, свидетелей). Однако анализ практики свидетельствует, что допрос лиц, которые дали письменную характеристику подсудимому, производится судами в редких случаях. Также, как указывает А. А. Васяев, ни в одном из изученных уго-

¹ См.: Определение Конституционного суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/5124797/> (дата обращения: 13.02.2021).

ловных дел при допросе потерпевших и свидетелей не выяснялись обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как то: черты характера, сведения об образе жизни и связях и т. д. [14, с. 399];

— непосредственного наблюдения за поведением подсудимого в суде [11, с. 251—252]. В данном ракурсе отчасти видится справедливой критика высказывания И. Д. Перлова о том, что «манера держать себя при даче показаний имеет известное значение при оценке доказательств по делу» [22, с. 181].

Следует согласиться с авторами труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе», что манера поведения не должна напрямую влиять на оценку доказательств [23, с. 277]. Однако и отрицать того факта, что она порой косвенно воздействует на восприятие судьей какой-либо информации и их источников, связанных с личностью подсудимого, тоже нельзя. Так, вполне объективны сомнения, возникающие у суда при анализе положительной социальной характеристики подсудимого на фоне его вызывающего поведения в процессе.

Изложенный материал еще раз свидетельствует о необходимости, во-первых, углублённой теоретической разработки анализируемой проблемы, а во-вторых, соблюдения правоприменителями целого комплекса положений и практических рекомендаций, направленных на всесторонний и полный анализ и исследование данных, характеризующих личность обвиняемого, в рамках судебного разбирательства уголовных дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Игошев К. Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К. Е. Игошев. — Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. — 168 с.
2. *Алтаев Е. А.* Изучение личности подсудимого государственным обвинителем / Е. А. Алтаев // Актуальные проблемы российского права. — 2007. — № 2. — С. 410—407.
3. *Зубенко Е. В., Карпунин Р. С.* Криминалистическое установление личности подсудимого по делам частного обвинения: вопросы и ответы / Е. В. Зубенко, Р. С. Карпунин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 4. — С. 28—34.
4. *Емельянов Д. В.* К вопросу об особенностях установления и исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, в ходе судебного разбирательства / Д. В. Емельянов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 3. — С. 67—75.
5. *Воронин В. Н.* Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение: автореф. дис.. канд. юрид. наук / В. Н. Воронин. — М., 2015. — 30 с.
6. *Гладких Р. А.* Основные направления изучения личности обвиняемого на стадии судебного разбирательства / Р. А. Гладких // Правосудие в Хакасии. — 2017. — № 32. — С. 2—5.
7. *Васильева Д. Р.* Изучение данных о личности преступника, предшествующее вынесению приговора по делам об убийствах, совершенных из личных неприязненных отношений: криминалистический и правовой аспекты / Д. Р. Васильева // Юридическая наука и правоохранительная практика. — Тюмень: Изд-во ТЮИ МВД России, 2009. — № 3. — С. 73—76.

8. Устинов Д. С. Обвиняемый: поведенческая характеристика и формы воздействия на производство по уголовному делу / Д. С. Устинов. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 168 с.
9. Мясников О. О смягчающих наказание обстоятельствах, не указанных в законе / О. Мясников // Российская юстиция. — 2001. — № 4. — С. 51—52.
10. Малинин В. Б., Измалков В. А. Понятие обстоятельств, смягчающих наказание, и их классификация // Вестник Самарской гуманитарной академии: серия Право. — 2016. — № 1—2. — С. 164—172.
11. *Личность преступника* / ред. коллегия: В. Н. Кудрявцев, Г. М. Миньковский, А. Б. Сахаров. — М.: Юрид. лит., 1975. — 272 с.
12. Обухова С. С. Учет при назначении наказания смягчающих обстоятельств, не указанных в законе / С. С. Обухова // Научное периодическое издание IN SITU. — 2016. — № 8. — С. 22—25.
13. Воскобитова Л. А., Мальшева О. А., Насонов С. А. Личность подсудимого через призму правосудия: криминологические и уголовно-процессуальные аспекты / Л. А. Воскобитова, О. А. Мальшева, С. А. Насонов // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 5. — С. 777—785.
14. Васяев А. А. О полноте установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого / А. А. Васяев // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 3. — С. 398—404.
15. Манцуров Д. Ю., Никольских Л. М. Обоснованность применения аналогии в уголовно-процессуальной деятельности при задержании и аресте обвиняемых, не имеющих документов, удостоверяющих личность / Д. Ю. Манцуров, Л. М. Никольских // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном регионе: сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практ. конф. 18—19 мая 2005 г. — Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2005. — С. 216—219.
16. Загвоздкин Н. Н. Установление личности обвиняемого: уголовно-процессуальные, криминологические и иные аспекты / Н. Н. Загвоздкин // Право и политика. — 2016. — № 2. — С. 262—271.
17. Четверикова И. В. Роль семьи, профессиональной карьеры и пола подсудимых при вынесении приговоров российскими судьями / И. В. Четверикова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — № 4. — С. 101—123.
18. Волков В. В. Влияние социального статуса подсудимого на решение суда / В. В. Волков // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — № 4. — С. 63—85.
19. Титаев К. Д. Предварительное заключение в российской уголовной юстиции: социологический анализ вероятности предварительного заключения и его влияния на решение суда / К. Д. Титаев // Экономическая социология. — 2014. — № 15. — С. 88—118.
20. Осипова Е. В., Прейбис И. И. Судебная тактика при изучении личности подсудимого / Е. В. Осипова, И. И. Прейбис // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2018. — № 2—2. — С. 88—95.
21. Долгополов Д. В. Полномочия суда по исследованию материалов дела в судебном следствии / Д. В. Долгополов // Уголовный процесс. — 2019. — № 6. — С. 72—77.
22. Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. — М.: Госюриздат, 1955. — 248 с.
23. Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.

УДК 343.985.7

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-94-101

Корытов Дмитрий Анатольевич,

начальник межрайонного экспертно-криминалистического отдела № 8
ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области;

Святненко Андрей Викторович,

начальник отдела криминалистических экспертиз
ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области

О ПРАКТИКЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ ПОДОШВ ОБУВИ, ЗАФИКСИРОВАННЫХ НА ФОТОИЗОБРАЖЕНИЯХ

Аннотация. На основании практического опыта исследования объемных следов подошв обуви, зафиксированных на фотоизображениях, обращено внимание не только на выбор угла источника освещения, но и на необходимость фотофиксации следа с расположением источника света с четырёх разных направлений. Далее демонстрируется возможность исследования полученных фотоизображений следов подошв обуви с использованием графического редактора GIMP 2.10.

Ключевые слова: цифровая фотография, объёмные следы подошв обуви, косяпадающий свет с четырёх разных сторон, графический редактор GIMP, компакт-диск, полимерный песок (пластификатор), сопоставление частных признаков.

Korytov Dmitry Anatolyevich,

Head of the Interdistrict Forensic Department № 8
of the ECC of the MIA of Russia for the Irkutsk Region;

Svyatnenko Andrey Viktorovich,

Head of the Department of Forensic Examinations
ECC of the MIA of Russia in the Irkutsk region

ABOUT THE PRACTICE OF TRASOLOGICAL RESEARCH OF THREE-DIMENSIONAL TRACES OF SHOE SOLES RECORDED IN PHOTOGRAPHIC IMAGES

Abstract. Based on the practical experience of studying three-dimensional traces of shoe soles recorded in photographic images, attention is paid not only to the choice of the angle of the light source, but also to the need for photofixing the footprint with the location of the light source from four different directions. Next, we demonstrate the possibility of studying the obtained photo images of shoe sole marks using the GIMP 2.10 graphic editor.

Keywords: digital photography, three-dimensional footprints of shoes, oblique light from four different sides, GIMP graphic editor, CD-ROM, polymer sand (plasticizer), comparison of particular features.

Повсеместное внедрение в жизнь цифровой фотографии существенно облегчило работу специалиста по фиксации следов на месте происшествия.

На сегодняшний день в ГУ МВД России по Иркутской области более 50 % объемных следов подошв обуви изымается фотофиксацией. Чтобы иметь возможность идентифицировать обувь по следам, изъятым фотофиксацией, потребовалось разработать соответствующие практические рекомендации по правилам выполнения такой фотосъёмки¹. В ходе изучения фотографий с объемными следами подошв обуви, изымаемыми специалистами на осмотрах мест происшествий, было установлено, что при фотографировании с использованием косопадającego освещения только с одной стороны, не всегда проявляется весь комплекс частных признаков подошвы. Пример влияния разностороннего освещения на проявление в следе пореза подошвы показан на рис. 1—4.

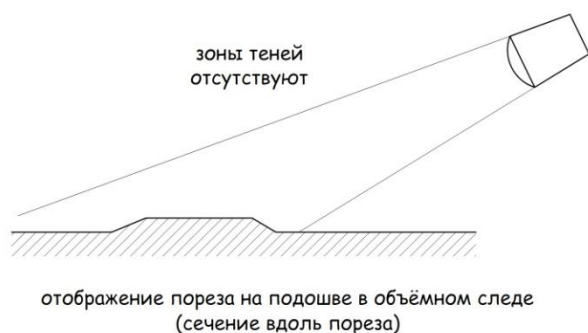

Рисунок 1.
Схема освещения вдоль пореза

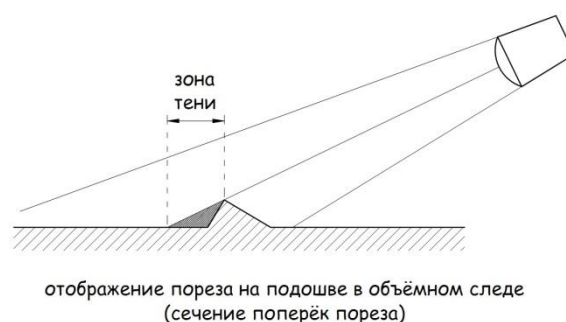

Рисунок 2.
Схема освещения поперек пореза

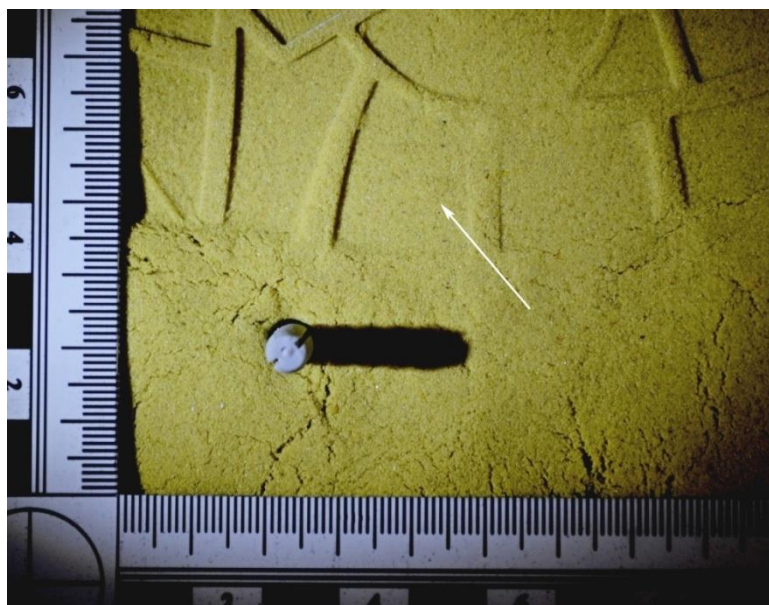

Рисунок 3. Свет направлен параллельно линии пореза

¹ Особенности трасологического исследования следов, зафиксированных на фотоизображениях: практ. рек. — М.: ЭКЦ МВД России, 2017.

Рисунок 4.

Свет направлен перпендикулярно линии пореза

Впоследствии, при производстве экспертизы часть признаков будет «невидима» для эксперта, и он не будет учитывать их при сравнительном исследовании.

После проведения ряда экспериментов было принято решение, в дополнение к имеющимся требованиям, рекомендовать специалистам производить фотосъёмку объёмного следа подошвы обуви с расположением источника косопадającego света с четырёх разных сторон (3, 6, 9, 12 часов условного циферблата) (рис. 5—8).

Рисунок 5.

Источник света расположен на 3 часа условного циферблата

Рисунок 6.

Источник света расположен на 6 часов условного циферблата

Рисунок 7. Источник света расположен на 9 часов условного циферблата

Рисунок 8. Источник света расположен на 12 часов условного циферблата

При производстве экспертизы объемных следов, изъятых способом фотофиксации, в качестве инструмента трасологами экспертно-криминалистических подразделений Иркутской области используется графический редактор GIMP v.2.10. Основной целью его использования является: коррекция яркости, контрастности, тонирования, повышение резкости, масштабирования, определение точных размерных характеристик следа. В качестве объектов предоставляемых на экспертизу, помимо компакт-диска с записью четырех изображений следа, с расположенной в кадре угловой измерительной линейкой, в обязательном порядке предоставляется протокол к осмотру места происшествия, содержащий подробное описание всех характеристик обнаруженного объемного следа. При открытии компакт-диска посредством оптического дисковода устанавливается наличие графических файлов, их формат (рис. 9).

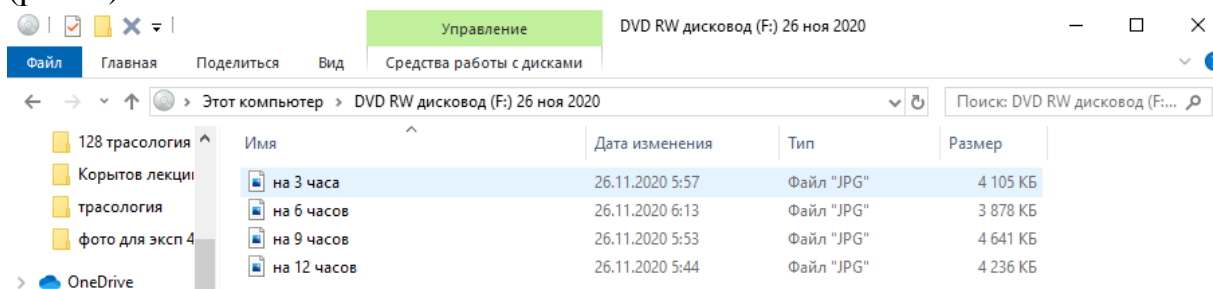

Рисунок 9. Снимок экрана, показывающий файлы, содержащиеся на представленном компакт-диске

Далее из четырех иллюстраций следа выбирается наиболее информативное, по мнению эксперта, изображение следа и помещается в графический редактор GIMP 2.10, с последующим его редактированием до улучшения качества изображения следа на выходе.

Для достижения этой цели необходимо провести ряд манипуляций. Ниже приведены примеры основных действий. Для этого на рабочем столе программы выбрать необходимую закладку верхней консоли:

1. «Цвет», затем поочередно всплывающие окна «Яркость — контрастность», «Тени — света», «Тонирование», и произвести коррекцию иллюстрации следа подошвы обуви (рис. 10).

2. «Фильтры», затем всплывающие окна «Улучшение», «Повышение резкости (нерезкая маска)» (рис. 11).

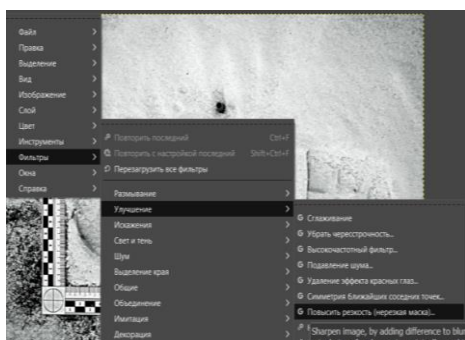

Рисунок 10. Скриншот всплывающих окон

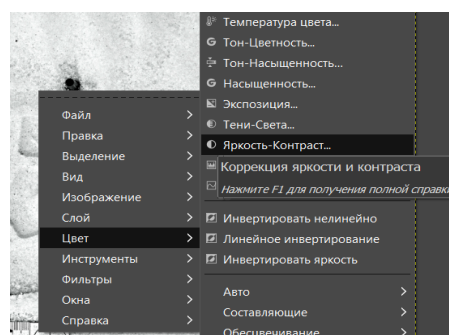

Рисунок 11. Скриншот всплывающих окон

Следующим этапом работы в графическом редакторе GIMP 2.10 является измерение размеров элементов и частей подошвы обуви, отображившихся в следе. Для этого необходимо изменить кубическую интерполяцию (PX-пиксели) программы на линейную (мм). Измерения проводятся по масштабной линейке, расположенной в кадре изображения следа подошвы обуви. В консоли инструментов рабочего стола выбирается «Измеритель», и производится замер нижней части линейки. Для примера: в 10 см линейки располагается 1149,1 точек растра (пикс). $1149,1 \text{ пикс} / 100 \text{ мм} = 11,49 \text{ пикс/мм}$ (рис. 12). Далее калибруется измеритель. На рабочем столе выбирается закладка верхней консоли «Изображение», затем всплывающее окно «Размер изображения» (рис. 13), «пиксели/in» меняются на «пиксели/мм». Затем вносятся данные по оси X (полученное значение 11,49), посредством TAB, по оси Y данные изменятся автоматически (рис. 14). **В обратной последовательности нельзя!**

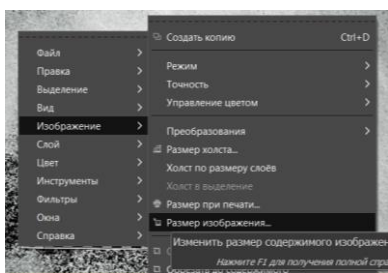

Рис. 12. Скриншот инструмента «Измеритель»

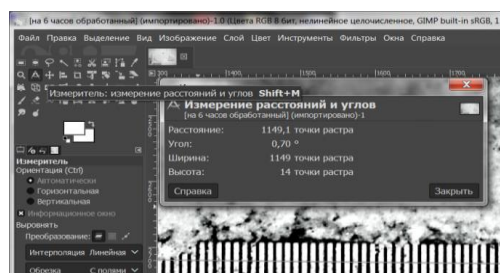

Рисунок 13. Скриншот всплывающих окон

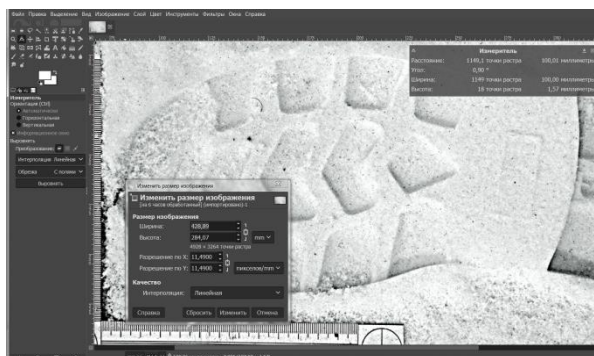

Рисунок 14. Скриншот окна размеров изображения

Далее слева, в нижней консоли рабочего стола во вкладке «PX» значение меняется на миллиметры (рис. 14). После выполнения указанных манипуляций, наш измеритель настроен для проведения линейных измерений по шкале линейки. Определяющим условием работы с иллюстрациями объемных следов, содержащихся в графических файлах, является минимизация ошибок, допускаемых специалистами при проведении фотосъемки следов на местах происшествий, в том числе дисторсионных и перспективных искажений.

При решении идентификационных вопросов на стадии экспертного эксперимента, в качестве воспринимающей поверхности для получения сравнительных образцов нашими экспертами используется полимерный песок для творчества «Космический» (пластификатор). Практика использования показала, что его структура и физические свойства (мелкодисперсионность, отсутствие усадки и расширения), позволяют добиться получения максимальной информации, содержащейся на подошве обуви и интересующей эксперта-трасолога.

После получения сравнительного образца производится его фотографирование с последующим редактированием в графическом редакторе GIMP 2.10 по аналогии с исследуемым следом подошвы обуви.

Далее продемонстрированы изображения следа подошвы обуви до редактирования в графическом редакторе GIMP 2.10 (рис. 15), после редактирования (рис. 16), и экспериментального образца после редактирования (рис. 17).

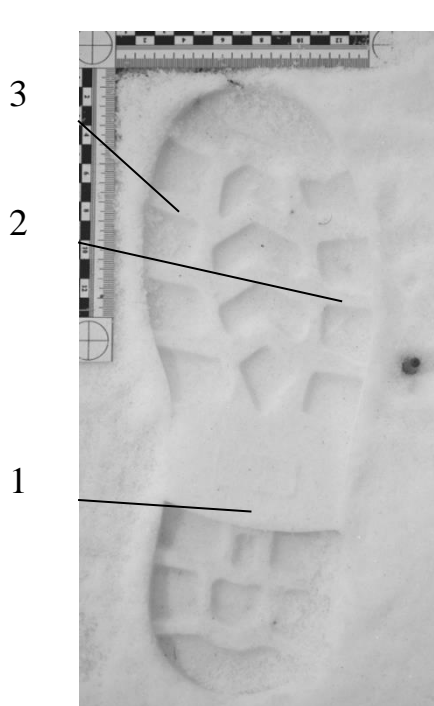

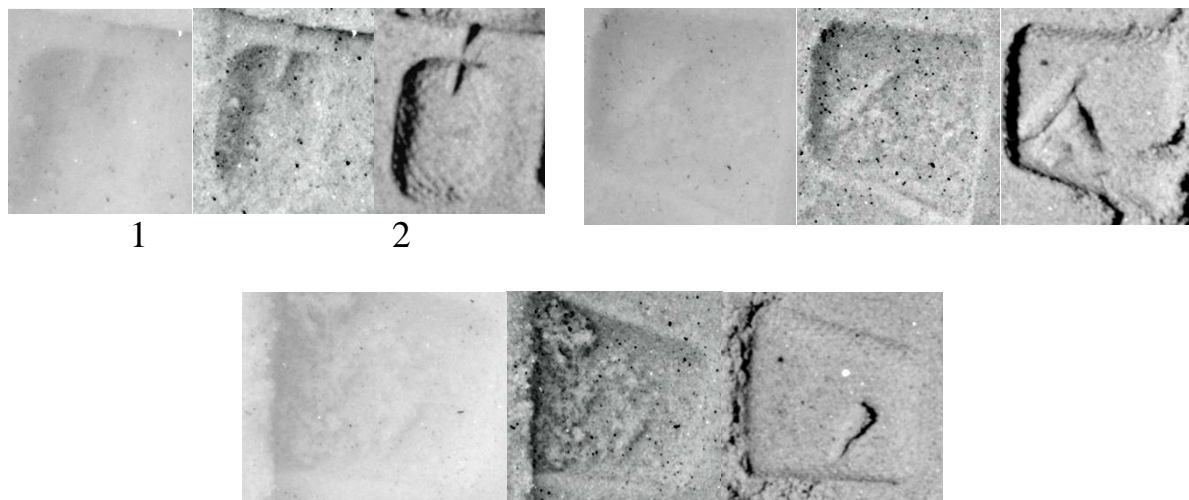
Рис. 15. Изображение следа подошвы обуви до редактирования

Рис. 16. Изображение следа подошвы обуви после редактирования в GIMP 2.10

Рис. 17. Изображение экспериментального следа после редактирования в GIMP 2.10

3

Рисунок 18. Сопоставление частных признаков, отобразившихся в следах подошвы обуви

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Уголовно-процессуальный кодекс* Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 22 дек. — № 249.

2. *Зотчев В. А., Булгаков В. Г., Курин А. А. Судебная фотография и видеозапись: учебник* / В. А. Зотчев, В. Г. Булгаков, А. А. Курин. — Волгоград: ВА МВД России, 2006. — 849 с.

3. *Лядов Э. В. Криминалистическая фотография: учеб.-метод. пособ. для курсантов, слушателей и студентов юрид. ф-та* / Э. В. Лядов. — Рязань: Академия ФСИН России, 2003. — 60 с.

УДК.343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-102-108

Малыхин Анатолий Васильевич,

доцент кафедры физической культуры ИРНИТУ,
кандидат технических наук, доцент;

Малыхина Екатерина Анатольевна,

преподаватель кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВАЯ ФОТОГРАФИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности использования цифровой фотографии в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Кроме того, в настоящем исследовании предпринята попытка аргументировать то, что доказательное значение цифровых фотографий имеет только зафиксированная на них информация, а не физические свойства самих носителей, в связи с чем они должны занять основное место в структуре современного технико-криминалистического обеспечения расследования уголовных правонарушений.

Ключевые слова: цифровая фотография, технико-криминалистическое обеспечение, технические средства, цифровые средства фиксации, цифровые доказательства.

Malykhin Anatoly Vasilievich,

Associate Professor of the Department
of Physical Education IRNITU,
Candidate of technical sciences, associate professor

Malykhina Ekaterina Anatolyevna,

Lecturer at the Department of Forensic Science
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Candidate of in Law

DIGITAL PHOTOGRAPHY AS AN EFFECTIVE METHOD OF MODERN TECHNICAL AND CRIMINALISTIC SUPPORT OF DISCLOSURE, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES

Abstract. The article discusses the features of using digital photography in the process of disclosing, investigating and preventing crimes. In addition, in this study, an attempt was made to argue that the evidentiary value of digital photographs is only the information recorded on them, and not the physical properties of the media themselves, in connection

with which they should take the main place in the structure of modern technical and forensic support for the investigation of criminal offenses.

Keywords: digital photography, technical and forensic support, technical means, digital fixation devices, digital evidence.

Глобализационный научно-технический прогресс предопределяет развитие разнообразной техники, в том числе и фотографической. В свою очередь, цифровая фототехника широко применяется в процессе расследования уголовных преступлений: как в работе эксперта-криминалиста, так и следователя, именно поэтому её использование приобрело высокий уровень актуальности в криминалистике.

За последние годы вопросам цифровой фотографии уделяли внимание многие ученые. Так, в уголовном процессе и криминалистике посвятили свои труды данной теме А. К. Чичельницкий, В. Р. Сафаров, А. А. Желнина, О. Г. Григорьев, А. А. Эйман и др. В них рассматривались различные аспекты, в частности, по разработке и совершенствованию методов цифровой фотографии, круга объектов съемки, перечня решаемых задач и т. д. [1, с. 126]. Однако, несмотря на достаточное внимание со стороны ученых к проблеме использования цифровой фотографии, апробируемые на практике средства криминалистической цифровой фотографии не могут в полной мере удовлетворить требования современного технико-криминалистического обеспечения расследования уголовных преступлений.

В настоящей работе предпринята попытка аргументировать, что доказательное значение цифровых фотографий имеет только зафиксированная на них информация, а не физические свойства самих носителей, в связи с чем они должны занять основное место в структуре современного технико-криминалистического обеспечения расследования уголовных преступлений.

Позиции ученых по исследуемой проблематике разнятся. Попробуем выделить основные доктринальные подходы к решению этого вопроса. Ученые, сторонники первого подхода, не считают необходимым противопоставлять цифровые фотографии и аналоговые (вещественные доказательства). В частности, А. Г. Григорьев видит возможным существование цифровой информации и её носителей только в рамках вещественных доказательств и документов [2, с. 98]. Подобного взгляда придерживается и Н. М. Егоров, который считает, что указанные выше объекты могут иметь статус как вещественных доказательств, так и документов [3, с. 19].

Как одну из разновидностей отдельной группы вещественных доказательств предлагает рассматривать цифровые фотографии В. Р. Сафаров, А. А. Желнина [4, с. 259]. При этом такую специфику они объясняют нюансами использования, в частности это касается процесса создания цифровой

фотографии, обработки, передачи информации в её электронном виде и переносе на бумажный носитель (при необходимости).

Представителями второго подхода являются ученые, полагающие, что цифровая фотография и её носители по своей природе больше тяготеют к документам. Так, например, Д. Ф. Салахов, И. Е. Милова, рассматривая объекты, принадлежащие к цифровой информации (а именно: фото-, видеоматериалы), указывают на то, что не существует никакой необходимости выделять их как самостоятельный процессуальный источник доказательств [5, с. 419]. Ученые аргументируют свою позицию тем, что, несмотря на материальность таких объектов-носителей (которая присуща вещественным доказательствам), доказательное значение имеет именно зафиксированная на них информация, а не физические свойства самих носителей. Кроме того, для их обработки, интерпретации, воспроизведения в суде необходимо применение специальных технических средств.

Оппонируя предыдущим исследователям, представители третьего подхода считают целесообразным выделение цифровых фотографий как самостоятельного процессуального источника доказательств. Так, принимая во внимание имеющиеся в настоящее время концепции классификации доказательств, В. А. Газизов, И. Н. Подволоцкий отмечают, что цифровая фотография и её носители с учетом уникальных характеристик (прежде всего, нематериального характера) не могут быть отнесены ни к одной классификационной группе. Авторы предлагают отграничить цифровые фотографии от вещественных доказательств на основании критериев доказательного значения, механизма образования, восприятия и среды существования [6, с. 21].

Цифровая фотография, по мнению авторов настоящей статьи, не может быть отнесена ни к документам, ни к вещественным доказательствам. Мы предлагаем выделить её в качестве самостоятельного и специфического источника сведений, что обуславливается её особенной природой, техническими особенностями создания, обработки, хранения, передачи, уголовно-процессуальными процедурами и технико-криминалистическими приемами поиска и изъятия, доступа к ней, исследования и превращения в форму, которая может быть воспринята человеком.

Несмотря на различные подходы к пониманию места цифровой фотографии в криминалистике, фотографические методы исследования и фиксации являются неотъемлемым инструментом специалиста-криминалиста, эксперта, с помощью которого они могут получать новые фактические данные с целью наиболее полного и быстрого раскрытия преступления, разоблачения преступника и защиты невиновного.

На наш взгляд, вопрос цифровой фотографии, а именно вопрос выбора между цифровой и аналоговой съемкой, во время проведения следственных

(розыскных) действий на сегодняшнем уровне развития криминалистике не стоит вовсе. Какие бы различия ни существовали между этими двумя видами фотосъемки и на чьей стороне ни было преимущество, сегодняшние реалии сами определяют выбор. Так, ведущие производители фототехники уже отказались от использования аналоговых фотокамер, фирмы — производители фотопленки резко сократили её изготовление и сделали заявление об окончании выпуска фотопленки в недалеком будущем.

С точки зрения уголовно-процессуального закона, не важны принцип и технология формирования фотографического изображения. Решающим является получение качественных данных, отвечающих требованиям принадлежности, допустимости и достоверности. Однако при реализации результатов применения цифровой техники в процессе доказывания у сотрудников правоохранительных органов возникает ряд трудностей, связанных с отсутствием четкой регламентации использования и применения цифровых средств фиксации, а именно признание допустимости полученных цифровых фотоснимков [7, с. 65]. Часто в криминалистике встает вопрос о недопустимости использования результатов применения цифровых средств фиксации в связи с возможностью замены изображения при помощи компьютерных технологий.

Одной из основных предпосылок допустимости использования технических средств в криминалистике является их научная состоятельность. Материалы, полученные в результате применения методов, не отвечающих современным научным представлениям, как доказательства недопустимы. Поэтому вопрос цифровой фотографии в контексте криминалистики следует рассматривать в плоскости отбора качественной фототехники, способной удовлетворить потребности судебной практики, особенностей её использования и целесообразности использования обработки цифровых снимков с помощью специальных программ.

Качество фотоснимков, полученных при помощи цифровой камеры, состоит из комплекса факторов: качественных характеристик объектива, разрешительной возможности матрицы, систем стабилизации изображения. Таким образом, в современных условиях развития науки и техники невозможно отказаться от достижения данного прогресса. В криминалистике цифровые фотоаппараты практически полностью вытеснили аналоговые за счет простоты и удобства в применении и использовании. При этом возникли проблемы по обеспечению работников следственных и экспертных подразделений профессиональной цифровой аппаратурой, методическими рекомендациями по работе с данной техникой и отражения в материалах производства результатов съемки, полученных с помощью цифровой техники [8, с. 161].

Бесспорно, как представляется, решить возникшие трудности возможно путем внесения изменений в УПК РФ и другие нормативно-правовые акты, которые бы регулировали порядок использования и обработки изображения, полученного в результате криминалистического использования цифровой техники.

Учитывая относительную легкость создания, модификации, распространения цифровых изображений, логично возникают вопросы об их достоверности (подлинности), а именно выявление признаков изменения «содержания» таких изображений. Снимки, полученные с помощью цифровых фотоаппаратов, а также видеозаписи, полученные с помощью цифровых видеокамер, являются приложениями к протоколам следственных действий, осмотров мест событий, а также обысков, следственных экспериментов, проверки показаний на месте и т. д. Необходимо учитывать, что особенностью цифровых источников доказательственной информации, которая может повлиять на их достоверность, есть возможность изменения характеристик и параметров объектов, которые фиксируются. Сложность их процессуальной оценки заключается в возможности подлога без оставления видимых следов проведенных манипуляций, которые на современном уровне науки и техники не всегда могут быть обнаружены.

Именно поэтому целесообразным является соблюдение нескольких правил: 1) участие понятых во время фиксации и воспроизведения цифровой информации; 2) использование цифрового носителя информации, который не подлежит перезаписи; 3) обязательное назначение экспертизы с целью проверки цифровых доказательств относительно монтажа или внесения других изменений в информацию, которая на них содержится во всех спорных случаях; 4) наличие особых требований к порядку сбора таких доказательств, влияющих на их допустимость. В частности, аппаратура, которая изымается во время проведения определенных действий, должна быть упакована таким образом, чтобы после транспортировки её можно было правильно и так же, как и на месте обнаружения, подключить в лабораторных условиях. В этой части следует неукоснительно соблюдать технический и процессуальный регламент [9, 10].

Криминалистика неразрывно связана с экспертной деятельностью: в связи с тем, что большинство из существующих зарегистрированных методик фототехнической экспертизы, которые были созданы более 27 лет назад, они уже не учитывают современные возможности средств создания и обработки цифровых изображений, поэтому основное внимание ученых должно уделяться разработкам методов и специализированного программного обеспечения для расширенного анализа изображений с использованием современных методов обработки изображений. В данной области криминалистики

видим неограниченные возможности. Так, недавние изобретения в области доступности мощных технологий создания 3D-изображения стали всё больше распространяться в виде систем 3D-визуализации в практику борьбы с преступностью зарубежных стран как научно-техническое средство реконструкции места происшествия.

Подводя определенный итог, отметим, что на сегодняшний день процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений уже сложно представить без использования специальных знаний [11, с. 161]. Так, согласимся с мнением О. П. Грибунова и А. В. Варданяна, которые в своих трудах отмечали, что «собранная по делу криминалистически значимая информация используется для оценки сложившейся следственной ситуации предупредительного характера, выдвижения версий и принятия организационных решений по предупреждению преступлений» [12, с. 327].

Исходя из изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

1. При использовании цифровых фотографий в криминалистике целесообразным является соблюдение нескольких правил:

— участие понятых во время фиксации и воспроизведения цифровой информации;

— использование цифрового носителя информации, который не подлежит перезаписи;

— обязательное назначение экспертизы с целью проверки цифровых доказательств относительно монтажа или внесения других изменений в информацию, которая на них содержится во всех спорных случаях;

— наличие особых требований к порядку сбора таких доказательств, влияющих на их допустимость.

2. Вопрос цифровой фотографии в контексте криминалистики следует рассматривать в плоскости отбора качественной фототехники, способной удовлетворить потребности судебной практики, особенностей её использования и целесообразности использования обработки цифровых снимков с помощью специальных программ.

3. Криминалистика неразрывно связана с экспертной деятельностью, поэтому основное внимание ученых должно быть уделено разработкам методов анализа и создания специализированного программного обеспечения для расширенного анализа цифровых изображений с использованием современных методов обработки изображений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Газизов В. А., Подволоцкий И. Н. Меры обеспечения цифровой криминалистики / В. А. Газизов, И. Н. Подволоцкий // Энциклопедия судебной экспертизы. — 2020. — № 1. — С. 21—28.

2. Григорьев О. Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук / О. Г. Григорьев. — Омск, 2003. — 221 с.

3. Егоров Н. Н. Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспект / Н. Н. Егоров. — М.: Юрлитинформ, 2007. — 304 с.

4. Репин А. В. О необходимости уточнения понятийного аппарата криминалистической фотографии / А. В. Репин // Сборник материалов криминалистических чтений. — 2020. — №. 17. — С. 65—66.

5. Салахов Д. Ф., Милова И. Е. Применение цифровой фотографии в расследовании преступлений / Д. Ф. Салахов, И. Е. Милова // Российская наука: актуальные исследования и разработки. — 2019. — С. 419—422.

6. Сафаров В. Р., Желнина А. А. Некоторые проблемы применения криминалистической фотографии / В. Р. Сафаров, А. А. Желнина // Аллея науки. — 2018. — Т. 4. — № 5. — С. 259—262.

7. Соловьева С. М. Применение цифровых технологий в криминалистике / С. М. Соловьева // Молодой ученый. — 2019. — № 51. — С. 161—164.

8. Чичельницкий А. К. Криминалистические особенности применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия / А. К. Чичельницкий // Актуальные вопросы современной науки и образования. — 2020. — С. 126—128.

9. Грибунов О. П., Нарыжный Е. В. Основные аспекты применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия / О. П. Грибунов, Е. В. Нарыжный // Эксперт-криминалист. — 2014. — № 3. — С. 33—35.

10. Грибунов О. П., Нарыжный Е. В. Технический и процессуальный регламент использования цифровой фотосъемки при проведении осмотра места происшествия / О. П. Грибунов, Е. В. Нарыжный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 3—2. — С. 62—67.

11. Усачев С. И. К вопросу о необходимости использования специальных знаний в целях повышения качества расследования мошенничества в сфере автострахования / С. И. Усачев [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 4 (7). — С. 127—132. — Электрон. текст. дан. (18 632 704 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

12. Грибунов О. П., Варданян А. В. Прикладные задачи и профилактические операции криминалистического предупреждения преступлений против собственности на транспорте / О. П. Грибунов, А. В. Варданян // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. науч. тр. — Иркутск: Изд-во ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. — С. 326—331.

УДК 343.985.2

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-109-117

Милюс Александр Иозосович,

адъюнкт Восточно-Сибирского Института МВД России

**ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ
ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЯМИ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ
ПРИ ИХ ХРАНЕНИИ И ТРАНСПОРТИРОВКЕ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты тактики допроса подозреваемых и обвиняемых при расследовании преступлений о кражах нефти и нефтепродуктов. Автором приведены примеры тактических приемов и тактических комбинаций, используемых как перед проведением допроса, так и в ходе его осуществления. В целях повышения эффективности проведения расследования исследуемой категории преступлений предложены некоторые тактико-криминалистические рекомендации по проведению допроса подозреваемого (обвиняемого) в условиях возникновения конфликтных и бесконфликтных следственных ситуаций.

Ключевые слова: расследование преступлений, кража, нефть и нефтепродукты, хранение и транспортировка, подозреваемый и обвиняемый, допрос, тактический прием, тактическая комбинация, доказательства.

Milius Alexander Iozosovich,

adjunct of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

**FEATURES OF THE TACTICS OF INTERROGATION OF A SUSPECT
(ACCUSED) IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED
TO THE THEFT OF OIL AND PETROLEUM PRODUCTS DURING
THEIR STORAGE AND TRANSPORTATION**

Abstract. This article discusses some aspects of the tactics of interrogation of suspects and accused persons in the investigation of crimes of theft of oil and petroleum products. The author gives examples of tactical techniques and tactical combinations used both before the interrogation and during its implementation. In order to increase the effectiveness of the investigation of the investigated category of crimes, some tactical and forensic recommendations for conducting the interrogation of a suspect (accused) in the conditions of conflict and conflict-free investigative situations are proposed.

Keywords: crime investigation, theft, oil and petroleum products, storage and transportation, suspect and accused, interrogation, tactical technique, tactical combination, evidence.

Проблема раскрытия преступлений, установления виновных лиц и их эффективного привлечения к уголовной ответственности является одной из самых актуальных в современном российском обществе. Качество рассле-

дования напрямую зависит от собранной по делу криминалистически значимой информации, необходимой для оценки сложившейся следственной ситуации предупредительного характера, выдвижения версий и принятия организационных решений по предупреждению преступлений.

Раскрытие и расследование преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса носит явно специфичный, отличительный от иных, более распространенных видов преступлений, характер и обладает индивидуальными особенностями относительно процесса сбора доказательств, а также ведения всестороннего и объективного предварительного следствия.

Одним из специфичных способов краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке являются так называемые несанкционированные врезки в нефтепродуктопроводы, монтаж которых осуществляется незаконно. Кроме того, изготовление и монтаж несанкционированной врезки в нефтепродуктопровод обусловлен обязательным наличием определенных навыков и умений со стороны преступников в области слесарного дела, газосварки, проектирования и т. д., что не характерно для большинства видов краж.

Рассматривая несанкционированные врезки, как один из способов краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке, следует отметить, что динамика применения данного способа в последнее время замедлилась, однако вместе с тем объемы похищаемой нефти и нефтепродуктов значительно возросли, как и то, что способы маскировки врезки и «профессионализм» преступников постоянно совершенствуются. Данный факт обусловлен, прежде всего, осторожностью преступников, выражающейся в тщательной подготовке к совершению преступления, незаметному его совершению, и высокоэффективными мерами по маскировке преступных посягательств. Кроме того, применение устаревших технологий монтажа несанкционированных врезок и материалов, из которых они конструируются, не позволяют совершить кражу нефти или нефтепродуктов в том объеме и в те сроки, которые предполагались преступниками. В связи с этим конструкции несанкционированных врезок к настоящему времени заметно видоизменились, если сравнивать их, например, с теми конструкциями, которые активно использовались еще десятилетие назад. Так, конструкции несанкционированных врезок оснащаются измерительными приборами, системами сглаживания колебаний давления, электромагнитными клапанами систем удаленного дистанционного управления запорной арматурой¹. Данные инженерные новшества используются для того, чтобы избежать обнаружения незаконного посягательства и «продлить» жизнь незаконной конструкции с целью увеличения объемов похищаемого продукта и дальнейшим затруднительным обнаружением последней.

¹ ПАО «Транснефть» // Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/12603?print=1> (дата обращения: 13.01.2021)

Получение доказательств видится основной задачей при расследовании преступлений. Не являются исключением и кражи нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке. Одной из основных форм получения доказательств является допрос, без которого невозможно представить и провести ни одно расследование. При этом нельзя не согласиться с мнением, которое высказывает А. В. Варданян: «показания являются наиболее распространенным источником доказательственной информации, а допрос как процессуальное средство их получения, соответственно, выступает одним из наиболее актуальных и востребованных следственных действий» [1, с. 130]. Такая «популярность» допроса обуславливается, с одной стороны, его высочайшими информационными возможностями, а с другой — простотой проведения, надежностью и быстротой получения результата [2, с. 250]. Информационные данные, полученные в ходе допроса, позволяют объективно восстановить целостную картину преступления, установить участников преступной группы, а также их роли, цели, средства, преступный умысел и т. д.

Исследуя механизм преступления, который представляет собой сложную динамическую систему, включающую субъект преступления (преступника), его отношение к своим действиям и их последствиям, а также соучастникам, предмет посягательства, способ совершения и сокрытия преступления, преступный результат и др. [2, с. 33], необходимо отметить то, что получение информационных данных о механизме преступления наиболее полно и объективно может дать непосредственно сам подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления. Получение криминалистически значимой информации от первого лица заметно ускоряет и углубляет процесс расследования при том условии, что данная информация дана правдиво и в совокупности сочетается с иными доказательствами, имеющимися или получаемыми в ходе предварительного расследования по уголовному делу. Кроме того, наибольшим объемом информации, которую следователь может получить в ходе расследования уголовного дела, владеет, безусловно, именно подозреваемый, соответственно, допрос подозреваемого — это одно из наиболее сложных в тактическом отношении следственных действий, поскольку на первоначальном этапе расследования хищения, следователь, как правило, не располагает достаточной информацией как о личности допрашиваемого, так и о факте его причастности к преступлению. Исходя из этого, тактика следвателя во многом зависит от позиции подозреваемого [3, с. 295].

Учитывая личность подозреваемого или обвиняемого, следует помнить о том, что его желание давать показания либо отказаться от дачи таковых является его законным правом на защиту, регламентированным действующим законодательством. Необходимо помнить, что получение показаний от подозреваемого или обвиняемого о признании виновности или согласием с обвинением не является конечной целью следвателя при проведении допроса. Для установления полной картины совершённого преступления следует выяснить все необходимые обстоятельства, которые в конечном итоге позволят собрать доказательства, в совокупности достаточные для дальнейшего раз-

решения уголовного дела. И если применимо к нормам уголовно-процессуального закона следователю необходимо на основании действующего уголовно-процессуального законодательства верно оформить документы по делу с фиксацией в них информации имеющей значение и получаемой в ходе расследования, без нарушений норм УПК РФ, то с точки зрения криминалистики, следователь должен именно получить информационные данные от подозреваемого или обвиняемого, которые в дальнейшем позволят при расследовании установить истину по делу.

В зависимости от складывающейся следственной ситуации, в том числе и по делам о кражах нефти и нефтепродуктов при их ранении и транспортировке, следует применять тот или иной тактический прием, который позволит достичь необходимого результата — получения доказательств, в виде показаний подозреваемого или обвиняемого.

Важно отметить, что тактический прием неразрывно связан со следственной ситуацией в конкретном временном периоде. Изменение следственной ситуации, безусловно, влечет за собой изменение динамики процессуального поведения следователя в рамках расследуемого уголовного дела. Понимание и анализ складывающейся на конкретный момент следственной ситуации позволяет следователю выработать такую тактику (линию) ведения расследования, которая позволила бы с наименьшими затратами получить закономерный качественный результат. Именно анализ складывающейся следственной ситуации и дает возможность выбора и применения следователем, на основе опыта и полученных знаний, того или иного тактического приема при осуществлении допроса подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления для достижения цели в виде получения показаний (доказательств). Данная система взаимосвязи носит динамический характер, на которую постоянно влияют разнообразные факторы, под воздействием которых происходит её непрерывное движение, развитие, изменение и т. д.

Допрос подозреваемого или обвиняемого носит вербальный характер. Вербальное общение представляет собой устное словесное общение, основанное на использовании речи, поскольку слово является наиважнейшей составляющей, влияющей на людей. Речь может порождать как положительные, так и отрицательные эмоции, оказывая влияние на изменение настроения, морального состояния и трудоспособности личности [4, с. 8]. По своей сути, допрос является диалогом, но отличается от обычного диалога лишь тем, что осуществляется между субъектами уголовного процесса и преследует цель сбора (получения) доказательств по расследуемому делу, а также установлению иных обстоятельств, доказывание которых требуется при осуществлении процесса расследования.

Качество проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, знания психологии, мастерского владения тактико-психологическими приемами предъявления доказательств и других действий [5, с. 126]. Безусловно, необходимость получения полной информации относительно механизма преступле-

ния, способа совершения преступления, закономерностей слеодообразования и т.д. играет важную роль в процессе расследования.

Расследуя уголовные дела о кражах нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке, при проведении следователем допроса последнего со следователем, различают конфликтную и бесконфликтную следственные ситуации. Такая, выработанная более 50 лет назад, классификация и до настоящего времени используется как базовая для разработки тактических приемов при получении показаний от допрашиваемого лица [6, с. 269].

В условиях бесконфликтной ситуации между следователем и подозреваемым или обвиняемым не имеется противоречий, общение является взаимным, следователь получает необходимую информацию (доказательства), не сталкивается с противодействием со стороны подозреваемого или обвиняемого. Когда подозреваемый полностью подтверждает правильность возникшего в отношении него подозрения, а обвиняемый признаёт себя полностью виновным в предъявленном ему обвинении, важным является не только само признание вины, а также и сведения о фактах и обстоятельствах, которые должны быть соответствующими действительности. В таких ситуациях важно не снижать активности и наступательности в процессе поиска и сбора доказательств в условиях бесконфликтности [7, с. 165].

В случае бесконфликтной ситуации по делам о кражах нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке следует применять тактические приемы, направленные на уточнение и проверку данных, оказание помощи в припоминании посредством применения дополняющих, уточняющих, напоминающих и контрольных вопросов [8, с. 58].

В частности необходимо получить подробное описание подготовительных мероприятий — изыскание средств и материалов для изготовления несанкционированной врезки, время и место изготовления кустарных конструкций, предварительное планирование совершения преступления, а также поиск соучастников и т. п.; выяснить время и место совершения преступления, средства, используемые для совершения преступления, роли участников преступной группы и т. д., а также установить меры по сокрытию следов совершённого преступления, место хранения похищенного, способ реализации похищенной нефти или нефтепродуктов и др. Тактически верным является задавать прямые вопросы, на которые следует получать понятные ответы. Кроме того, целесообразно и тактически верным является решение о предложении подозреваемому или обвиняемому при необходимости изобразить схематически действия по совершению преступления. Для полноты и объективности понимания картины произошедшего следует задавать такие вопросы, которые будут последовательно систематизированы, понятны, логичны, значимы, по существу произошедших обстоятельств.

Проведение допроса в условиях конфликтной ситуации связано с отрицанием подозреваемым полностью или частично своей вины, применением последним меры по противодействию процессу расследования.

Конфликтная следственная ситуация закономерно возникает в зависимости от особенностей личности подозреваемого или обвиняемого, который в силу своих внутренних убеждений не дает показаний, либо дает их неверно, зачастую в искаженном виде. Основная цель следователя в данном случае — найти контакт с допрашиваемым лицом для получения необходимой информации (доказательств). Достижение данной цели возможно при использовании тактических приемов, призванных изменить конфликтную следственную ситуацию на бесконфликтную. Для достижения конкретных целей допроса верным является использование нескольких тактических приемов, образующих тактические комбинации, преследующих цель решения конкретной задачи расследования, обусловленное этой целью и сложившейся следственной ситуацией [9, с. 225].

Специфика расследования краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке ставит перед следователем такие задачи, как установление всех участников преступной группы, выявление мест хранения и последующего сбыта похищенного имущества, наличие специальных навыков по проектированию и монтажу несанкционированных врезок, установлению транспортных средств, используемых преступниками и т. д. Решение указанных задач в условиях конфликтной следственной ситуации в значительной мере затрудняется. Однако применение ряда тактических приемов либо совокупности таковых, позволяет следователю получить показания (доказательства) от подозреваемого или обвиняемого. Примером может служить ситуация, когда все члены преступной группы отказываются от дачи показаний либо выдвигают версии о непричастности к совершенному преступлению. Однако, с учетом личности каждого из участников преступной группы, следователь устанавливает лицо, которое готово к процессуальному диалогу, однако в силу общей позиции либо страха уголовной ответственности не решается давать показаний. Далее реализуя тактические приемы в виде анализа и дальнейшего развития ситуации, доносимые подозреваемому или обвиняемому в понятной ему форме, предоставления и разъяснения практики рассмотрения судами подобного рода уголовных дел, объяснения возможности получения менее строго наказания при сотрудничестве со следствием, возможности получения государственной защиты либо заключения досудебного соглашения, следователь, проводя верную комбинацию последовательных тактических приемов, может добиться от одного или нескольких из подозреваемых или обвиняемых членов преступной группы значимых по делу показаний (доказательств), на основании которых в дальнейшем получить иные доказательства по делу в виде обнаружения спрятанного автотранспорта, слесарных инструментов, объектов маскировки и т. д., которые в совокупности будут сочетаться, и представлять общую картину преступления, тем самым подтверждая виновность каждого из членов преступной группы и изобличая в совершении преступления.

Кроме того, тактически верным и правильным необходимо в общении с подозреваемым или обвиняемым по делам о кражах нефти и нефтепродук-

тов при их хранении и транспортировке использовать метод убеждения в даче именно правдивых показаний, объясняя дальнейшие возможные варианты развития событий при отказе от дачи показаний, такие, например, как избрание более мягкой меры пресечения в случае сотрудничества со следствием, либо же указание на практику применения более сурового наказания судом за совершённое преступление в случае отказа от признания вины, в том числе и в случаях, когда имеются объективные доказательства виновности данного лица.

С учетом того, что кража из нефтепродуктопровода является квалифицированным видом преступления (статья 158 часть 3 пункт «б» УК РФ) и, в соответствии со статьей 15 УК РФ, относится к категории тяжких, законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет, а также с учетом дальнейших юридических последствий в виде длительного срока судимости и невозможности её снятия, у следователя возникает реальный инструмент тактического характера для получения истинных показаний от подозреваемого или обвиняемого при расследовании преступлений, связанных с кражами нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке на объектах топливно-энергетического комплекса. Так, объяснив возможность получения меньшего наказания при сотрудничестве со следствием, подозреваемый или обвиняемый во многих случаях начинает вести диалог и давать правдивые показания.

При расследовании преступлений, связанных с кражами нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке, следует помнить о том, что особое значение в проведении успешного допроса имеет его коммуникативная сторона, иными словами, общая благоприятная для общения психологическая атмосфера следственного действия, наличие психологического контакта между должностным лицом в виде следователя и участником уголовного процесса в виде подозреваемого или обвиняемого. Создав такую благоприятную атмосферу, следователю гораздо легче добиться бесконфликтности ситуации, и напротив, следователь может, не установив психологического контакта, совершенно закономерно применять тактические приемы уже в условиях конфликтной ситуации.

Для достижения психологического контакта важно еще до начала проведения допроса оценить имеющуюся по делу информацию, а также получить и изучить данные о личности допрашиваемого и проанализировать имеющиеся в деле доказательства. Всё это поможет следователю принять меры по установлению психологического контакта с подозреваемым, а также спрогнозировать линию его поведения в процессе допроса [10, с. 28].

Следует отметить, что даже опытному следователю часто бывает сложно подобрать тактический прием, с помощью которого, он сможет получить от подозреваемого правдивую информацию [11, с. 59]. В связи с чем выбор тактики допроса в каждом конкретном случае носит индивидуальный характер и требует учета многих обстоятельств, таких, как личность подозреваемого или обвиняемого, обстановка проведения допроса, наличие или отсутствие

объективных доказательств причастности подозреваемого или обвиняемого к совершённым преступлению, наличию или отсутствию психологического контакта. С учетом того, что расследование краж нефти и нефтепродуктов обладает определенной спецификой, от следователя требуется предельное внимание и концентрация внимания при допросе.

Для установления психологического контакта по делам о кражах нефти и нефтепродуктов во многих случаях достаточно даже в конфликтной ситуации применять ряд несложных тактических приемов, которые в дальнейшем будут способствовать достижению конечной цели в виде получения показаний от подозреваемого или обвиняемого, такие, например, как беседа перед проведением допроса. При этом необходимо учитывать, что, как для установления психологического контакта, так и более-менее успешной реализации любых тактических приемов, необходимо понимание оппонента, его интересов и ценностей, типичных способов реагирования на раздражители [6, с. 270]. Поэтому в ходе такой беседы следователю необходимо понять личность подозреваемого или обвиняемого, выяснить его эмоциональное и психологическое состояние, расположить его к диалогу, заинтересовать в общении. Подозреваемый или обвиняемый в большинстве случаев преследует цель минимизации наказания, в связи с чем правильным и закономерным тактическим решением является убеждение последнего в необходимости дачи правдивых показаний, признания вины и сотрудничества со следствием, что, безусловно, повлияет на конечное уголовное наказание за совершённое преступление. Однако не всегда наличие значительных теоретических знаний тактики допроса позволяет установить межличностный контакт, и в таких случаях опыт следователя в расследовании играет немаловажную роль, который в совокупности с основами теоретических знаний позволяет проводить тактически верно допрос и просчитывать дальнейшее поведение подозреваемого или обвиняемого. Данное обстоятельство, безусловно, ведет к минимизации сил и средств, потраченных следователем на получение показаний от подозреваемого или обвиняемого, и в дальнейшем позволяет более интенсивно и качественно проводить расследование по делу, собирая доказательства не только очевидного характера, но и добывая трудно устанавливаемые доказательства.

Подводя итог, следует указать на то, что расследование краж нефти и нефтепродуктов при их хранении и транспортировке требует от следователя высокого уровня профессиональной подготовленности, который складывается в совокупности из личного опыта, теоретических основ криминалистики и уголовного судопроизводства. Немаловажным аспектом расследования уголовных дел данной категории является достижение цели в виде получения показаний от первоисточника — подозреваемого (обвиняемого), который не всегда идет на контакт со следственными органами, а во многих случаях противодействует проводимому расследованию. Умелое и грамотное применение тактических приемов, а также тактических комбинаций, позволяет следователю добиваться показаний от подозреваемых (обвиняемых),

что, в свою очередь, ощутимо отражается на качестве расследования и конечном результате в виде применения уголовного наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Варданян А. В.* Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А. В. Варданян, К. В. Гончаров // *Общество и право.* — 2017. — № 3 (61). — С. 130—134.
2. *Третьякова Е. И.* Допрос несовершеннолетнего: процессуальные и тактические аспекты / Е. И. Третьякова // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019.* — С. 250—252.
3. *Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская.* — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 944 с.
4. *Грибунов О. П.* Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: моногр. / О. П. Грибунов. — Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. — 360 с.
5. *Дьяченко Л. И., Дьяченко К. В.* Специфика вербального и невербального общения в России / Л. И. Дьяченко // *Санкт-Петербургский образовательный вестник.* — 2018. — № 9—10 (25—26). — С. 8—10.
6. *Третьякова Е. И., Гафеева Т. В., Шаевич А. А.* Тактические приемы преодоления конфликтной ситуации при допросе: вопросы теории и практики / Е. И. Третьякова, Т. В. Гафеева, А. А. Шаевич // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXV междунар. науч.-практ. конф., 2020.* — С. 268—271.
7. *Сабанов А. Ю.* К вопросу о тактике первоначального допроса подозреваемого / А. Ю. Сабанов // *Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. ст.* — М.: Академия управления МВД России, 2018. — Вып. 3. — 255 с.
8. *Сажаев А. М., Мишуточкин А. Л.* К вопросу о тактике допроса в конфликтной ситуации / А. М. Сажаев, А. Л. Мишуточкин // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* — 2016. — № 3 (13). — С. 164—168.
9. *Ващенко Б. М.* Роль и значение допроса свидетелей при расследовании преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок / В. Б. Ващенко // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.* — 2019. — № 3 (25). — С. 54—61.
10. *Криминалистика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко.* — М.: Юрайт, 2016. — 545 с. — Сер.: Бакалавр и магистр. Академический курс.
11. *Дворников Д. С., Родивилина В. А., Смолькова И. В.* Тактика допроса подозреваемого в совершении преступления в сфере банковской деятельности / Д. С. Дворников, В. А. Родивилина, И. В. Смолькова // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра.* — 2020. — № 4 (16). — С. 25—31.
12. *Грибунов О. П., Долматова М. О.* Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта / О. П. Грибунов, М. О. Долматова // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* — 2020. — № 1. — С. 56—65.

УДК 343.985

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-118-129

Соколов Андрей Борисович,

доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

Сысенко Альфия Радиковна,

доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

НАЗНАЧЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. Специфика следовой картины преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, обуславливает необходимость обращения к экспертам в области информационно-вычислительных технологий. При этом наиболее распространенным видом процессуальной формы использования специальных знаний является назначение и производство компьютерной экспертизы. В статье рассматриваются в виде последовательно сменяющих друг друга стадий действия следователя по назначению и эксперта по производству компьютерной экспертизы. Раскрыто содержание каждой из выделенных стадий. Представлено соотношение компьютерной и компьютерно-технической экспертиз. Изучив нормативные правовые акты, регулирующие отношения в исследуемой области, и основные мнения ученых, авторами статьи представлены отличия и сделан вывод о самостоятельности каждой из указанных экспертиз. Представлен перечень типичных вопросов диагностического и идентификационного характера, разрешаемых при производстве компьютерной экспертизы. Определены проблемы назначения и производства компьютерной экспертизы при расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: судебная экспертиза, компьютерная экспертиза, преступления в сфере компьютерной информации, эксперт, специальные знания, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет.

Sokolov Andrey Borisovich,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the Omsk Academy of the MIA of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor;

Sysenko Alfiya Radikovna,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the Omsk Academy of the MIA of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

FORENSIC COMPUTER EXAMINATION IN INVESTIGATING CRIMES COMMITTED WITH THE HELP OF THE INTERNET: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. The specific nature of the investigative picture of crimes committed with the help of the Internet makes it necessary to turn to experts in information technologies. At the same time, the most common type of procedural form of using special knowledge is the computer forensic examination. The article considers the sequence of actions of the investigator over the forensic examination and the sequence of actions of the expert over the computer examination. The content of every of the selected stages is revealed. The ratio of computer and computer-technical expertise is presented. After studying the normative legal acts regulating relations in the field under study, and the main opinions of scientists, the authors of the article present the differences and conclude that each of these examinations is independent. The article presents a list of typical diagnostic and identification issues that are resolved during the computer examination. The problems of the computer expertise in the investigation of crimes committed with the help of the Internet are identified.

Keywords: forensic examination, computer forensics, crimes in the field of computer information, expert, special knowledge, the global Internet.

Компьютерные сетевые технологии активно применяются во всех сферах общественной жизни, что позволяет управлять различными процессами. Но чем активнее применяются компьютерные сети для разрешения тех или иных вопросов, тем выше вероятность их использования в целях совершения противоправных действий. Учитывая многообразие способов совершения преступлений посредством сети Интернет, а также постоянное увеличение количества таких преступлений, разработанные криминалистической наукой частные методики расследования преступлений нередко запаздывают для полного и своевременного установления фактических данных, изобличения лиц, их совершивших, и доказывания вины.

Результаты анализа состояния уровня преступности в России показывают, что количество зарегистрированных преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с каждым годом увеличивается. Так, за 2017 год зарегистрировано 90 тыс. 587 преступлений совершённых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий; за 2018 год — 174 тыс. 674 (+92,8 %); за 2019 год зарегистрировано 294 тыс. 409 (+68,5 %) преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За период с января по ноябрь 2020 года зарегистрировано 461 тыс. 222 (+76,6 %) пре-

ступления, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации¹.

Совершение преступления с использованием сети Интернет предопределяет в одних случаях целесообразность, в других — необходимость обращения к сведущим лицам. Данная ситуация обусловлена, прежде всего, тем, что электронная (цифровая) информация, являющаяся объектом и (или) средством совершения преступления в глобальной информационной телекоммуникационной сети, хотя и может быть предназначена для граждан, но квалифицированно её осмотреть и исследовать могут только лица, имеющие специальные знания (специалисты, эксперты). Практически любое обращение с компьютерной информацией требует использования специальных знаний в соответствующей области. В этой связи разделяем позицию Е. А. Егорышевой и А. С. Егорышева в том, что «именно экспертные исследования придают изъятым аппаратным средствам, программному обеспечению и компьютерной информации доказательственное значение» [1, с. 14].

Отсутствие у следователя специальных знаний в области компьютерной информации не всегда позволяет правильно квалифицировать преступное деяние и точно определить вектор в расследовании. Назначая компьютерную экспертизу (далее — КЭ), целесообразно понимать её сущность, а также знать наиболее распространенные ошибки, допускаемые при этом. Кроме того, это позволит правильно оценить результаты представленного экспертного заключения.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что КЭ активно используется в расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет. Однако назначается она, как правило, лишь в тех случаях, когда применение компьютерной техники и (или) информационно-телекоммуникационных сетей прямо указано законодателем в качестве квалифицирующего признака состава преступления либо обстоятельства, отягчающего ответственность².

Эффективность заключения КЭ как средства доказывания подтверждает её распространенное назначение при расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет: нарушение авторских и смежных прав в области системного программного обеспечения и аудио- видеоигровых носителей информации (ст. 146 УК РФ); кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ); мошенничество (ст. 159 УК РФ); мошенничество с использованием

¹ Статистика. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017, 2018, 2019, январь — ноябрь 2020 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 15.01.2021).

² Определение Верховного суда РФ от 22.03.2018 № 303-ЭС17-16652 по делу № А73-8184/2016 // Справ.-правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — URL: base.consultant.ru (дата обращения: 12.01.2021).

электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) (например, в сфере компьютерной телефонии, мобильных платформ и платежей); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ); незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ); незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, в том числе с изображением несовершеннолетних (ст.ст. 242, 242.1 УК РФ) посредством сети Интернет; неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (ч. 2 ст. 280 УК РФ) и др.

Процесс назначения и производства КЭ возможно представить следующими стадиями:

1. Определение наличия основания для назначения.
2. Выбор экспертного учреждения и вида (рода) назначаемой судебной экспертизы.
3. Подготовка объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование.
4. Формулирование вопросов для разрешения их экспертом.
5. Вынесение постановления о назначении судебной экспертизы.
6. Ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы.
7. Направление постановления о назначении судебной экспертизы в экспертное или иное учреждение.
8. Производство КЭ.
9. Оформление заключения КЭ и передача её следователю.
10. Ознакомление с заключением КЭ заинтересованных лиц.

Основанием для назначения КЭ является потребность обращения к специальным знаниям в целях необходимости определения наличия сведений (данных) на электронных носителях информации.

КЭ производится в Экспертно-криминалистическом центре МВД России (ЭКЦ МВД России), ЭКЦ МВД субъектов Российской Федерации, где созданы специальные условия для проведения таких исследований. Кроме того, рассматриваемый вид судебных экспертиз может назначаться и производиться в негосударственных экспертных организациях. Примером тому

может служить общество с ограниченной ответственностью «Доктор Веб», являющийся российским разработчиком антивирусных программ и сервисов для предоставления услуг информационной защиты.

Выбирая экспертное учреждение или конкретного эксперта, следователь должен установить, нет ли оснований, исключающих их участие в производстве КЭ (ст. 61 УПК РФ). Такими основаниями, по мнению В. А. Мещерякова, могут являться: «совмещение в одном лице функций участников уголовного судопроизводства; участие в производстве по уголовному делу до рассмотрения его в суде, в качестве одного из субъектов уголовно-процессуальных отношений; родственные отношения с одним из участников производства по уголовному делу; иные обстоятельства, свидетельствующие о личной заинтересованности (прямой или косвенной) в исходе уголовного дела» [2, с. 40].

Критерии выбора судебно-экспертного учреждения в уголовно-процессуальном законе (за исключением выбора экспертов для повторной экспертизы, проведение которой поручается другому эксперту или другим экспертам) не указаны. Анализ норм уголовно-процессуального права позволяет сделать вывод о том, что выбор государственного судебно-экспертного учреждения либо негосударственной экспертной организации (эксперта) может осуществляться следователем с учетом мнения заинтересованных участников уголовного процесса.

Одной из проблем, как представляется, является отсутствие соответствующих квалификационных требований, определяющих компетентность эксперта негосударственной экспертной организации, что в последующем может привести к повреждению либо утрате аппаратных устройств, информационных данных и др. Даже наличие технического образования и значительного опыта работы само по себе не дает оснований предполагать, что имеющиеся у такого эксперта специальные знания позволят квалифицированно, достоверно и четко ответить на вопросы, отраженные в постановлении о назначении и производстве КЭ. Например, эксперт может быть опытным аппаратным специалистом (т. е. хорошо разбираться в технических характеристиках электронно-вычислительных устройств), но не обладать знаниями в сфере информационных технологий и, соответственно, не сможет установить наличие значимых для расследования преступления данных.

Сказанное обуславливает целесообразность проверки следователем соответствия знаний и опыта конкретного эксперта негосударственной экспертной организации в области компьютерной информации, позволяющих квалифицированно ответить на поставленные для разрешения вопросы.

При определении вида (рода) судебной экспертизы, подлежащей назначению, отметим, что, к сожалению, в научной литературе и правоприменительной деятельности КЭ нередко отождествляют с компьютерно-техничес-

кой экспертизой [1, 2, 3, 4 и др.]. Такой подход нам представляется неправильным.

Основное отличие между указанными экспертизами заключается в предмете исследования. Так, при производстве компьютерно-технической экспертизы исследуются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов, которые зафиксированы в материалах уголовного дела. Объективная составляющая этих фактов зачастую связана с уяснением компонентов компьютерных средств, т. е. функциональными возможностями их применения в различных сферах жизнедеятельности человека [5, с. 4].

При производстве КЭ осуществляется поиск компьютерной информации, содержащейся на машинных носителях, например, на накопителях — жестких, гибких магнитных дисках (далее — НЖМД); CD- и DVD-дисках; flash-накопителях; картах памяти и прочих машинных носителях, информация на которых представлена в виде файловых систем.

Определяя компьютерную информацию, укажем, что разделяем позиции ученых, которые понимают её как информацию на машинном носителе в ЭВМ, системе ЭВМ или их сети [1, с. 14; 6, с. 21]. Носителем компьютерной информации является электромагнитное поле, имеющее материальную природу.

Кроме того, сравниваемые экспертизы производятся в различных экспертных учреждениях. Так, КЭ производится в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации¹, а компьютерно-техническая экспертиза — в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации².

Отличительные особенности данных экспертиз в научных исследованиях анализируются через описание специфических объектов. Разделяя позицию Е. Р. Россинской, укажем, что, в случае необходимости разрешения более широкого круга задач, целесообразно назначать компьютерно-техническую экспертизу, поскольку в ходе её производства возможно исследование как самого устройства, т. е. аппаратные объекты (персональные компьютеры, периферийные устройства, сетевые аппаратные средства и др.), так и его составляющие, системное программное обеспечение, информационные

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 25 июня 2005 г. № 511. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

² Об утверждении инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста России от 20 дек. 2002 г. № 347 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

данные, включающие в себя различные виды текстовых и графических документов [7, с. 233]. Тогда как при производстве КЭ возможно лишь исследование компьютерной информации.

Изучая виды и возможности КЭ для расследования преступлений, А. И. Усов, Л. Г. Эджубов, Е. С. Карпухина, Н. А. Хатунцев делают вывод о том, что «сложность и многообразие юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений в сети Интернет, определяют и сложность самой компьютерной экспертизы, которая может носить комплексный характер» [8, с. 31]. Появление в качестве объектов исследования цифровых следов в различных видах судебных экспертиз, дальнейшее их исследование становится невозможным без одновременного совместного участия экспертов различных областей знаний в написании заключения и формулировании общего вывода.

Именно в этом проявляется специфичная особенность объектов КЭ, которая выражается в необходимости привлечения специальных знаний из других научных областей для разрешения поставленных вопросов. В силу чего решение «пограничных» вопросов должно осуществляться либо в рамках комплексной экспертизы, либо в виде комплекса экспертиз. Так, по мнению указанной группы авторов, в подавляющем большинстве случаев для расследования преступлений в сети Интернет одной лишь КЭ недостаточно, необходимо чтобы она проводилась комплексно вместе с другими видами экспертиз, либо комиссионно — с участием лиц, обладающих специальными знаниями в различных отраслях науки и техники.

Основываясь на предмете КЭ, можно выделить диагностические и идентификационные экспертные задачи. Последние направлены на определение тождества исполнителя по определенным его характеристикам месторасположения; при необходимости возможно установление общего источника происхождения или производства какого-либо программного продукта. Разрешение диагностических задач, как правило, состоит в определении свойств и состояний изучаемых объектов, включая те, что реализуются в пространстве и времени [9, с. 200]. Сказанное является важным для определения фактических данных в процессе производства КЭ.

Качество, полнота и правильность экспертного исследования зависят от квалификации конкретных экспертов, которым поручено проведение экспертизы и правильной постановки вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Сложность корректного формулирования вопросов, выносимых на КЭ, обусловлена тем, что расследование преступлений в сети Интернет требует знания большого объема технической терминологии, в связи с чем даже для корректного формулирования вопросов может потребоваться помощь специалиста. Так, в правоприменительной деятельности довольно часто допускаются ошибки, связанная с постановкой эксперту вопросов правового характера (например, «является ли установленное на данном устройстве программное

обеспечение контрафактным»), что недопустимо в силу процессуальных требований. Это приводит к смешению компетенции суда как субъекта процесса, отвечающего в выносимом им решении на вопросы правового характера, и эксперта как носителя специальных знаний (но не правовых). Как представляется, корректным вариантом подобного вопроса может быть такой, как: «Является ли установленное программное обеспечение лицензионным? Имеются ли признаки нарушения условий лицензии изготовителя при установке и (или) ином использовании такого программного обеспечения?».

Исчерпывающий перечень вопросов применительно к конкретной ситуации и точная их формулировка предопределяют понимание содержания заключения эксперта следователем и иными участниками уголовного судопроизводства, не обладающими специальными знаниями в области информационно-вычислительных технологий и электронно-вычислительной техники. Помимо сказанных, существуют и иные требования, предъявляемые к вопросам, выносимым на разрешение экспертов при производстве КЭ [10, с. 81—82; 11, с. 161—162].

Перечень типичных вопросов, разрешаемых в рамках КЭ, зависит от обстоятельств исследуемого преступного события и направляемых на экспертизу материалов.

Так, например, к диагностическим вопросам о факте наличия или отсутствия тех или иных следов (в том числе электронных) совершения конкретных действий с информацией, хранящейся на электронно-вычислительном устройстве, могут быть отнесены следующие:

— имеются ли на предоставленном объекте файлы с текстовой информацией, содержащие ключевые слова (например, TheBottle, Yello, Quatra, Serj ivonov, <http://vk.com/id224173411>, Иванов Сергей Сергеевич, bhf.io, ifud.ws, yougame.biz, lolzteam.net, stealer, стиллер, граббер, steamstealer, Mining-Station, Project odysseus, Ovidiy Stealer, Reborn Stealer, Evrial Stealer, Eredel Stealer Lite, Eredel Stealer Full (extended), 9131313131, 9141414141, Qiwi-кошельки (?);

— имеется ли на предоставленном объекте установленная программа для общения Telegram (Skype, iMessage, Viber, Line, WhatsApp, Threema, Confide, Wickr, Signal и др.)? Если да, то какие пользователи зарегистрированы? Имеются ли сообщения переписки (?);

— имеются ли на объекте исследования компьютерные программы либо иная компьютерная информация, заведомо предназначенные для (скрытного от пользователя) уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (?);

— имеются ли на объекте исследования признаки, указывающие на способ и время появления (распространения) компьютерных программ либо иной компьютерной информации, предназначенных для (скрытного

от пользователя) уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации? Каков функционал обнаруженной компьютерной программы? Для каких целей предназначена обнаруженная компьютерная информация (?);

— имеются ли следы и (или) признаки взаимодействия обнаруженных на объекте исследования компьютерных программ либо иной компьютерной информации, предназначенных для (скрытного от пользователя) уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, с какими-либо и иными электронно-вычислительными машинами, сетевыми адресами, доменными именами (?);

— имеются ли на НЖМД, входящем в состав ноутбука DELL модель Precision 5550, сведения о зарегистрированных файлах, содержащих данные о посещении сайтов сети интернет-ресурсов за период с «___» _____ 21 года по «___» _____ 21 года (?);

— имеются ли на представленных объектах компьютерные программы, детектируемые антивирусным программным обеспечением как вредоносные?

Постановка вопросов идентификационного характера, как правило, направлена на установление принадлежности сетевого адреса, адреса электронной почты, id-адреса страницы в социальной сети конкретному лицу. Но можно встретить и такие вопросы, как: соответствует ли стиль программирования исследуемого программного продукта стилю программирования подозреваемого Ф. И. О.?

Указанный перечень вопросов не является исчерпывающим и может быть дополнен, скорректирован в зависимости от обстоятельств совершённого преступления и требуемой для органов предварительного расследования информации.

Анализ изученных постановлений о назначении КЭ позволяет сделать вывод о том, что следователи, как правило, указывают на возможность редактирования экспертом, производящим исследование, поставленных для разрешения вопросов без изменения их смыслового содержания, либо добавлять свои. Делается это по причине того, что эксперт, в отличие от следователя, обладает большей информацией относительно объекта, представленного на экспертизу в силу специфичности своей деятельности.

Кроме того, эксперту могут быть направлены данные, полученные из ответов на направленные запросы в банк, оператору сотовой связи, провайдеру для сопоставления с результатом КЭ.

После составления соответствующего постановления следователь знакомит с данным документом подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные

ст. 198 УПК РФ. Кроме того, результаты исследования материалов практики показали, что правоприменитель идет по пути более широкого толкования круга участников уголовного судопроизводства, которым при назначении и производстве судебной экспертизы следует разъяснять права [12, с. 8]. Встречаются случаи, когда заключение судебной экспертизы признаётся недопустимым доказательством вследствие неразъяснения заинтересованным лицам их прав.

Ознакомив с постановлением о назначении и производстве КЭ, следователь направляет его в ЭКЦ ГУВД (УМВД) субъекта Российской Федерации.

Производство КЭ осуществляется на общих методических положениях и подходах. В процессе экспертного исследования производится сначала тщательное раздельное изучение объектов экспертизы, анализируются их общие и частные признаки и свойства объектов КЭ, необходимые для решения диагностических и идентификационных задач, выполняются экспертные опыты. Эксперт выясняет обстоятельства произошедшего, учитывая характер отображения исследуемых цифровых следов, изучает информацию, имеющуюся на электронном носителе. Затем, в случае решения идентификационной задачи, например, такой как поиск файлов, по образцу, проводится сравнение хеш-сумм файлов¹, при совпадении которых можно утверждать об их идентичности по содержанию.

На стадии оценки результатов исследования подводятся итоги и формулируются выводы КЭ, логически вытекающие из проведенных исследований. В заключении исследования экспертом дается общая суммарная оценка результатов проведенного исследования компьютерных средств и обоснование выводов. Выводы представляют собой ответы на поставленные перед экспертом вопросы и являются умозаключением, которое эксперт делает по результатам проведенных исследований на основе выявленных или представленных ему данных об исследуемом объекте КЭ и общего научного положения соответствующей отрасли знания — электроники, радиотехники, программирования и т. п.

Завершив исследование, эксперт составляет заключение, которое по своей структуре и содержанию состоит из вводной, исследовательской и заключительной (выводы) частей. В исследовательской части указываются содержание и результаты всех стадий исследования с указанием использованных методик, технических средств. Выводы должны содержать опти-

¹ Хеш файла (хеш-сумма файла) — это уникальный идентификатор файла, который при помощи специального программного обеспечения высчитывается компьютером путем определенных математических преобразований информации, содержащейся в нем [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.chaynikam.info/chto-takoe-hash-fayla-i-kak-ego-uznat.html> (дата обращения: 25.10.2020).

мально краткие, точные, недвусмысленные и обоснованные ответы на разрешенные в ходе экспертного исследования вопросы.

Получив заключение КЭ, следователь, в соответствии со ст. 206 УПК РФ, предъявляет потерпевшему, его представителю, подозреваемому, обвиняемому, его защитнику, которым разъясняется при этом право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы.

Основными проблемами при назначении КЭ и использовании её результатов в доказывании при расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет, является:

- низкий уровень общих технических знаний следователя о функционировании современной техники, информационно-телекоммуникационных сетей и информационных технологий;
- некорректное определение видов назначаемых судебных экспертиз;
- неправильное формулирование вопросов для разрешения экспертом;
- установление компетентности конкретного эксперта, которому поручается производство КЭ;
- ненадлежащая оценка полученного заключения КЭ на предмет его относимости и допустимости в качестве доказательства по уголовному делу.

Проблемы производства КЭ имеют как объективный, так и субъективный (зависящий от эксперта) характер. Некоторые из объективных проблем возникают еще до непосредственного производства экспертизы. Так, нарушение криминалистических рекомендаций по изъятию, упаковке и транспортировке объектов — носителей электронной информации может вызвать их повреждение и, следовательно, невозможность получения имеющей значение для расследования преступления информации.

Обратим внимание и на специфические трудности производства компьютерных экспертиз, обусловленные работой с цифровыми следами преступлений, существенно отличающимися от обычных материальных следов. Эти следы имеют меньшее количество криминалистически значимых характеристик, что значительно осложняет процесс их отождествления или диагностики. Особенности механизма следообразования в цифровой среде значительно усложняют выявление следов и способов совершения преступлений с использованием сети Интернет.

Подводя итог, отметим, что КЭ представляет собой проводимое в установленном порядке процессуальное действие, осуществляемое компетентным специалистом в целях установления закономерностей возникновения, регистрации, сбора, накопления, ввода, вывода, приема, передачи, хранения, уничтожения, модификации, блокирования, копирования, преобразования, отображения и сокрытия цифровых следов совершения преступных действий в сети Интернет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Егорышева Е. А., Егорышев А. С. Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации / Е. А. Егорышева, А. С. Егорышев // Эксперт-криминалист. — 2011. — № 3. — С. 14—16.
2. Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В. А. Мещеряков. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. — 407 с.
4. Коломинов В. В. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: автореф. дис...канд. юрид. наук / В. В. Коломинов. — Краснодар, 2017. — 25 с.
5. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2019. — № 5. — С. 31—44.
6. Зубаха В. С. и др. Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы: методические рекомендации / В. С. Зубаха. — М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. — 71 с.
7. Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореф. дис...канд. юрид. наук / В. А. Милашев. — М., 2004. — 21 с.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: моногр. / Е. Р. Россинская. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 576 с.
9. Усов А. И., Эджубов Л. Г., Карпухина Е. С., Хатунцев Н. А. Роль компьютерно-технической экспертизы при решении комплексных задач / А. И. Усов, Л. Г. Эджубов, Л. Г. Карпухина, Н. А. Хатунцев // Эксперт-криминалист. — 2011. — № 4. — С. 31—34.
10. Демин К. Е. О современном состоянии и перспективах развития судебной компьютерно-технической экспертизы / К. Е. Демин // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 3. — С. 195—200.
11. Тактика следственных действий, направленных на отыскание, обнаружение, изъятие и исследование электронных носителей и информации на них: учеб. пособ. / А. А. Кузнецов, Д. В. Муленков, С. В. Пропастин, А. Б. Соколов. — Омск: Омская академия МВД России, 2015. — 116 с.
12. Шаевич А. А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Шаевич. — Иркутск, 2007. — 195 с.
13. Соколов А. Б., Едомский Е. А. Организация назначения и производства судебно-медицинской экспертизы живого лица по определению тяжести причиненного вреда здоровью / А. Б. Соколов, Е. А. Едомский // Законодательство и практика. — 2018. — № 2. — С. 6—10.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-130-139

Трубкина Ольга Викторовна,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Иркутского института (филиала)

Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),

кандидат юридических наук, доцент;

Третьякова Елена Игоревна,

доцент кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа литературных источников и материалов практики деятельности органов внутренних дел характеризуется сущность и рассматриваются некоторые проблемные вопросы, связанные с выявлением и особенностями преодоления противодействия расследованию преступлений, совершённых несовершеннолетних, следственным путем.

Авторы разграничивают особенности осуществления противодействия расследованию преступлений, совершённых несовершеннолетними, различными участниками уголовного судопроизводства, представляют некоторые специфические для него факторы и признаки, приемы преодоления.

Ключевые слова: противодействие расследованию, причины, способы, формы противодействия, несовершеннолетний подозреваемый и обвиняемый, раскрытие и расследование преступлений, защитник, законный представитель.

Trubkina Olga Victorovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and criminalistics
Irkutsk Institute (branch)

All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Candidate of Law, Associate Professor;

Tretyakova Elena Igorevna,

Associate Professor of the Department of Criminalistics

East Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

COUNTERING THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY MINORS: THE ESSENCE AND FEATURES OF OVERCOMING

Abstract. In this article, based on the analysis of literature sources and evidence for practice of activity of internal affairs authorities, the essence of overcoming is characterized and some problematic issues related to the identification and features of overcoming the

counteraction in the crime investigation committed by minors with investigative means are considered.

The authors discriminate between the features of countering the crime investigation committed by minors by various participants in criminal proceedings, present some specific factors and signs, and methods of overcoming them.

Keywords: counteraction to the investigation, reasons, methods, forms of counteraction, minor suspect and accused, detection and investigation of crimes, defender, legal representative.

Нестабильность современной экономической обстановки в стране, социальная неустроенность значительной части населения, а также существенные духовные и нравственные изменения, негативным образом отражающиеся в сознании и поведении людей, в течение нескольких последних лет определяют устойчиво значительное количество преступлений несовершеннолетних, как самой незащищенной и легко подвергающейся вредному психологическому воздействию прослойки общества.

Так, на территории Российской Федерации в 2020 г. несовершеннолетними или при их соучастии совершено 37 тыс. 771 или каждое двадцать седьмое (3,7 %) преступление, в том числе тяжкие и особо тяжкие деяния — 9 тыс. 797¹, а на территории Иркутской области рост преступлений, совершённых несовершеннолетними, за аналогичный период составил 6 %², одной из причин которого практические сотрудники правоохранительных органов называют мероприятия, направленные на самоизоляцию граждан в период пандемии, повлёкшие отсутствие занятости детей и подростков на протяжении достаточно длительного периода времени.

Особую тревогу в последние годы вызывает «вывод о росте самостоятельности, независимости групповой преступности несовершеннолетних. Участники групп проявляют способности к самоорганизации и реализации преступного умысла без участия взрослых» [1, с. 45]. Кроме того, преступления несовершеннолетних, типично совершаясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, характеризуются циничностью и ярко выраженной агрессией к потерпевшим.

Результаты анализа сложившейся ситуации указывают на острую необходимость обращения самого пристального внимания на разработку новых и совершенствование уже имеющихся методических рекомендаций, направленных на расследование данной категории преступлений, в том числе в условиях достаточно частого активного противодействия расследованию, являющегося фактором, серьезно затрудняющим борьбу с преступностью несовершеннолетних.

¹ Состояние преступности // Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 14.02.2020).

² Данные ГИАЦ ГУ МВД России по Иркутской области.

«Противодействие раскрытию и расследованию преступлений — совокупность противоправных и иных действий преступников и связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [2, с. 95].

В уголовных делах, возбужденных в отношении несовершеннолетних, особую актуальность проблема устранения противодействия приобретает в связи с тем, что оно оказывается следствием со стороны целого ряда лиц, как процессуально обязательных в производстве расследования, так и иных, не заинтересованных в установлении истины по уголовному делу, в связи с различными обстоятельствами.

Противодействие расследованию в данном случае, обуславливаясь противоположностью интересов сторон, часто носит настолько ярко выраженный характер, что абсолютно очевидно для следователя и, соответственно, самым непосредственным образом негативно влияет на его эффективность, причем его характер зачастую может приобретать достаточно жесткие формы.

Так, несовершеннолетний А. Д. Дробинин, совместно с достигшим совершеннолетия А. И. Шешко, 19 августа 2019 г. совершили разбой в отношении П., с целью преодоления сопротивления которого, применяя насилие, опасное для жизни, А. Д. Дробинин наносил потерпевшему множественные удары со значительной силой руками и ногами в голову, а также по иным частям тела; позднее, 11 сентября 2019 г. А. Д. Дробинин совершил грабеж, т. е. открытое хищение чужого имущества — сотового телефона, с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья. Причем угрозы потерпевший воспринимал реально, т. к. А. Д. Дробинин был агрессивно настроен, вел себя нагло и дерзко по отношению к нему. Свидетелем-очевидцем разбоя выступил М., который ранее был знаком с А. Д. Дробининым, знал о его жестокости и неоднократно менял показания, т. к. боялся расправы с его стороны в связи с неоднократными реальными угрозами и побоями со стороны А. Д. Дробинина и его друзей¹.

Основными типичными способами противодействия при расследовании данной категории уголовных дел являются ложные показания, утаивание и маскировка следов, угрозы в адрес потерпевших и свидетелей, выдвигание ложного алиби.

Очевидность противодействия при расследовании уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних, имеет двойное значение. Во-первых, следователь, являясь лицом, на которое оно направлено, типично наблюдает его проявления во всех деталях и в состоянии определить его формы, сущность и, соответственно, вовремя отреагировать и принять адекват-

¹ Уголовное дело № 1-185/2020 Ангарский городской суд (Иркутская область).

ватные меры к устранению. Во-вторых, его активность и зачастую демонстративность связаны с устойчивой антисоциальной направленностью преступников, изменить которую следователь не в состоянии. Основное количество несовершеннолетних преступников совершают свои деяния, руководствуясь уверенностью в безнаказанности, вседозволенностью, явным пренебрежением к нормам морали. Современное развитие личности подростков неразрывно связано с потоком информации, который обрушивается на них в сети Интернет и культивирует агрессию, нигилизм, пренебрежительное отношение к нормам закона и его представителям, в частности, сотрудникам правоохранительных органов.

Т. В. Аверьянова, исследуя субъективные причины, способствующие противодействию со стороны несовершеннолетних при расследовании преступлений, представила их следующим образом:

«— ...неадекватная оценка происходящего и неадекватная самооценка;

— деформированное стремление к превосходству, пренебрежительное отношение к окружающим и к происходящим событиям, желание утвердиться путем подражания «киношным» либо действительным криминальным авторитетам;

— желание завоевать авторитет у товарищей;

— низкий уровень общего развития несовершеннолетнего, не позволяющий ему ориентироваться в конкретной ситуации; отсюда ложное чувство стыда за содеянное или боязнь разоблачения и, как результат, противодействие расследованию в форме сокрытия преступления» [3, с. 9].

В такой ситуации следователь, продолжая предпринимать различные шаги к устранению конфликтной ситуации, часто сам не верит в их эффективность.

Как верно отмечает В. Д. Зеленский: «противодействие расследованию определяется ...как умственная деятельность и практические действия участников процесса, иных граждан и организаций, направленных против достижения целей отдельных следственных действий и расследования в целом» [4, с. 92], а умственные возможности несовершеннолетних типично не позволяют им в противодействии действовать скрытно для следователя, выбрать линию поведения, адекватную объяснениям и обстановке происшедшего. Элементы противодействия при намеренном уничтожении несовершеннолетними следов преступления на месте его совершения типично характеризуются отсутствием целенаправленных и заранее продуманных действий, которые в некоторых случаях реализуются не до конца, являются примитивными и легко выявляемыми при тщательном производстве следственного действия.

Так, несовершеннолетний И. Н. Пантаев, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь возле детского сада, в результате ссоры и возникших на почве этого личных неприязненных отношений к Е., умышленно

нанес последнему не менее двух ударов рукой, сжатой в кулак, по лицу. Последний, с целью избежания конфликтной ситуации, стал убежать от несовершеннолетнего И. Н. Пантаева. Однако последний догнал Е. и повалил его на землю, после чего с целью причинения смерти последнему, взял в руки березовую чурку высотой 40 см, в диаметре 23 см, и умышленно бросил её со значительной силой на голову Е., который лежал на земле, причинив тем самым последнему повреждения: вдавленные переломы лобной, височной, теменной костей справа с переходом на основания черепа; субдуральную гематому и разможжение лобной, височной, теменной долей справа, а также иные, относящиеся к повреждениям, причинившим тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, и стоящие в прямой причинной связи с наступившей смертью. В результате умышленных преступных действий И. Н. Пантаева смерть потерпевшего Е. наступила от черепно-мозговой травмы в форме ушиба и сдавления головного мозга. Кроме того, И. Н. Пантаев, после причинения Е. открытой черепно-мозговой травмы, с целью сокрытия следов преступления, перенёс тело Е. в баню, где облил тело Е. и снятую с себя одежду со следами крови последнего, и полы бани дизельным топливом, с целью их уничтожения путем поджога. Далее, И. Н. Пантаев, имевшейся при нем зажигалкой умышленно поджог баню изнутри, тем самым занес источник открытого огня, в результате которого произошло возгорание, повлёкшее выгорание строительных конструкций указанной бани. При производстве предварительного расследования труп был опознан по зубному аппарату. При производстве осмотра места происшествия были обнаружены, изъяты, впоследствии исследованы и использованы в качестве доказательств многочисленные различные по форме пятна крови в виде дорожки капель, следов волочения и единичных объектов, образец пятна с изгороди, вполне наглядно отразивших механизм совершения преступления, а также деревянная щепка и березовая чурка со следами крови»¹.

«Субъекты противодействия, неоднократно прибегавшие к его оказанию, зачастую получают определенные навыки (умение, доведенное до автоматизма), выработанные в результате частого выполнения действий по сокрытию преступления. Это также навыки конфликтного поведения на следствии, как-то конфликт со следователем, отказ от дачи показаний, воздействие на свидетелей на очных ставках» [5, с. 131]. Такие навыки приобретаются в результате не только систематичности привлечения к уголовной ответственности и, соответственно, частого общения с сотрудниками правоохранительных органов в условиях активного противодействия, но и являются прямым отражением качеств и свойств личности противодействующего субъекта, таких как эрудиция, словарный запас, изобретательность, логическое мышление, воображение и иных. Типично такие качества у несовершен-

¹ Уголовное дело № 1-13/2014. Нукутский районный суд (Иркутская область).

нолетних, склонных к преступной деятельности, развиты слабо, и их противодействие расследованию зачастую является нелогичным, легко прогнозируемым и выявляемым.

Кроме того, на выбор линии поведения при осуществлении противодействия его субъектом существенное влияние оказывает знание положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, основ тактики производства следственных действий, приемов, используемых оперативными сотрудниками. Несовершеннолетние такими знаниями не обладают, и многие сотрудники этим пользуются, часто используя участие в расследовании законных представителей маргинального типа, которых легко ввести в заблуждение.

Иным образом характеризуется адвокат несовершеннолетнего как субъект противодействия расследованию как раз в силу своего положения и профессиональной деятельности, и обладающий знаниями, умениями и навыками, позволяющими выбрать и успешно применить адекватные ситуации эффективные методы оказания противодействия.

Бесспорно, участие защитника, представляющего интересы несовершеннолетнего преступника, не признающего вины и отказывающегося от сотрудничества со следствием, в идеале представляясь основным средством реализации состязательности уголовного процесса, фактически направлено на достижение диаметрально противоположных стороне обвинения задач. И зачастую для их реализации «действия защитника явно направлены на затягивание сроков расследования, утрату доказательств, срывы запланированных следственных действий, создание ложных доказательств, то есть когда защитники либо нарушают закон, либо, пользуясь его несовершеннолетством, злоупотребляют своими правами, ... ведя себя аморально, способны создать серьёзные трудности, помешать разрешению дела по существу» [6, с. 79—80].

Так, противодействие защитника может явно проявляться при производстве допроса несовершеннолетнего в тех случаях, когда он прямо декларирует допрашиваемому содержание его ответов на вопросы следователя, отвечает за него самостоятельно, отказывается подписать протокол, побуждает к даче показаний «лжесвидетелей». «Для адвокатов стало нормой подстрекать своих доверителей „переговорить с потерпевшим“ с целью изменения его показаний, при этом доверителям сообщаются полученные из материалов дела сведения о месте проживания потерпевшего» [7, с. 138].

Следует согласиться с М. В. Кордашевой и И. В. Тишутиной, при исследовании содержания противодействия расследованию защитником указывающим на то, что «будучи внешне однозначными, термины „состязательность“ и „противодействие“ по существу различаются тем, что для первого из них свойственно наличие и соблюдение определенных правил, устанавливающих порядок состязания, регулирующих его процесс и оценку результа-

тов; для второго характерны условия конфликта, произвольного выбора методов и средств противодействия — в данном случае противоправных» [8, с. 116].

Безусловно, в таких ситуациях следователь должен адекватно реагировать и не допускать подобного в дальнейшем.

Противодействие оказывается всегда намеренно, и, осуществляясь одновременно несколькими участниками процесса, может быть поэтапным либо разовым, а также носить разрозненный характер либо являться согласованным между его субъектами. Так, при оказании активного противодействия расследованию преступлений, совершённых несовершеннолетними, нередки случаи корректировки ложных показаний различных лиц защитником виновного и длящийся характер, когда оно начинается на стадии возбуждения уголовного дела, продолжаясь на всем этапе расследования и рассмотрения дела в суде.

Одним из типичных субъектов противодействия расследованию преступлений, совершённых несовершеннолетними, является представитель виновного лица, в силу своего процессуального положения играющий значительную роль в производстве предварительного следствия и лично заинтересованный в его результате.

Особый статус несовершеннолетнего как лица, обладающего неполной процессуальной дееспособностью, предопределяет особое, удвоенное представительство его интересов — законный представитель, в качестве которого типично выступает родитель и адвокат (защитник). Данное обстоятельство должно выступать дополнительной гарантией обеспечения прав несовершеннолетних, средством воспитательного и предупредительного воздействия, быть направленным на установление истины по уголовному делу.

Однако в некоторых случаях участие родителей при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних либо представляется нецелесообразным, когда, например, допрашиваемый, из чувства стыда или страха, дает ложные показания; либо в ситуациях, когда родитель совершает насильственные или иные преступные действия в отношении допрашиваемого либо его близких или является лицом, вовлекшим несовершеннолетнего сына или дочь в совершение преступления, крайне нежелательным и отрицательно влияющим на поведение несовершеннолетнего обвиняемого и содержание его показаний.

В таких ситуациях следователь должен детально изучить личностные качества законного представителя и в случае его отрицательной характеристики, злоупотребления наркотическими средствами либо алкоголем, привлекать к производству следственных действий представителей органов опеки.

С. В. Мосина, исследуя аспекты преодоления противодействия со стороны законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, выделила две его формы: процессуальную, заключающуюся

в неявке на следственные действия, намеренном «оттягивании» производства по уголовному делу и необоснованных жалобах на действия должностных лиц; а также на непроцессуальную, представляющуюся в виде безразличного отношения к судьбе своего ребенка, препятствованию установлению истины по уголовному делу из-за нежелания наступления негативных последствий для своего ребенка, личном искажении информации о фактах и событиях, подтверждающих его вину в совершении преступления [9, с. 372].

Успешное преодоление противодействия со стороны несовершеннолетних подозреваемых либо обвиняемых, а также лиц, в силу различных причин заинтересованных в исходе уголовного дела, зависит от целого ряда факторов. Так, успех разоблачения ухищрений лиц, являющихся субъектами противодействия, в первую очередь определяется возможностью и умением следователя его изначального детального распознавания, выявления его содержания, основных и факультативных элементов, характеристики способов.

Важную роль играет обязательное и тщательное изучение личности субъектов, их интеллектуальных, психологических, эмоциональных особенностей, установки противодействия и мотивов, а также взаимоотношений между собой, тщательное исследование условий жизни и воспитания и роли в них законного представителя. Огромное значение в решении задачи преодоления противодействия имеет установление психологического контакта и способность вызвать уважение к себе и уверенность в неотвратимости наказания, а также в его прямой зависимости от желания помогать следствию.

Весь арсенал диагностических методов, от наблюдения, оценки и формулирования выводов во время бесед и допросов до тщательного анализа всех материалов уголовного дела, характеристик, автобиографии несовершеннолетнего и иных лиц, необходим в формировании образа субъекта противодействия для последующих попыток его преодоления. После чего, определив целесообразные и адекватные следственной ситуации средства воздействия, необходимо принимать активные меры для преодоления противодействия.

Как верно указывал В. М. Шевченко: «тактическое воздействие со стороны следователя на обвиняемых (подозреваемых) как участников процесса расследования заключается в изменении их позиции и поведении в направлении, способствующем решению конкретных задач определенного следственного действия» [10, с. 75].

Наиболее целесообразным при решении задачи преодоления противодействия как виновными, так и их законными представителями, в случае совершения преступления несовершеннолетними, является разоблачение сговора противодействующих лиц, ложного алиби, предъявление уличающих доказательств, в качестве которых наибольший вес имеют результаты осмотра места происшествия, допросы свидетелей и заключения экспертиз; причем сила воздействия доказательств при противодействии несовершеннолетних

значительно возрастает при наличии видеозаписи следственных действий и предоставлении её для просмотра. Кроме того, достаточно действенное влияние на преодоление ложных показаний несовершеннолетних играет наличие видеозаписи, изъятой с места совершения преступления. В этой связи абсолютно верно указывал О. П. Грибунов на то, что «сегодня уже очевидно, что без современных технологий противодействие преступлениям, а также их раскрытие и расследование практически невозможно» [11, с. 118].

Типично при производстве допросов таких противодействующих субъектов действенными приемами выступают использование фактора внезапности, допущение легенды, «проговорки», повторность вопросов и отвлечение внимания. Большую помощь в выявлении и устранении противодействия несовершеннолетними могут оказать психологи. Так, А. А. Шаевич и А. В. Герих, исследуя роль психолога при допросе несовершеннолетнего, указывали на то, что он «может вовремя обратить внимание сотрудника правоохранительных органов на такие нюансы в речи несовершеннолетнего, которые будут указывать на наличие признаков заученности текста, а также понятий, выражений и категорий, оперировать которыми несвойственно для определенного возраста. Подобные нюансы будут указывать на оказание существенного влияния на показания несовершеннолетнего кого-то из взрослых, входящих в его окружение» [12, с. 122].

Кроме того, в современных условиях распространения преступности несовершеннолетних профилактические меры должны выходить на первый план, причем меры, адекватные современным причинам и условиям преступности. Например, «эффективными в условиях масштабного культивирования информационного распространения противоправных идей и их масштабного воздействия должны выступить предупредительные меры модерирования и контроля за содержанием существующих аккаунтов, пропагандирующих информацию криминогенного, в том числе экстремистского характера» [13, с. 190].

Таким образом, все действия следователя, направленные на устранение противодействия расследованию преступлений, совершённых несовершеннолетними, должны осуществляться в условиях тесного взаимодействия с сотрудниками оперативных подразделений и иных служб, при грамотном сочетании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, тактически верного совместного их планирования и проведения в целесообразной следственной ситуации последовательности с учётом личностных характеристик субъектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кравцов И. А. Структура криминальных посягательств групповой преступности несовершеннолетних и личности несовершеннолетнего соучастника / И. А. Кравцов // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. — 2019. — № 1 (6). — С. 45—50.

2. *Вольнский А. Ф.* Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) / А. Ф. Вольнский, В. П. Лавров // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: мат-лы науч.-практ. конф. 29—30 окт. 1996 г., г. Руза. — М., 1997. — С. 93—99.

3. *Аверьянова Т. В.* Противодействие расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, и пути его преодоления / Т. В. Аверьянова // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию проф. Л. Л. Каневского, 2019. — С. 6—12.

4. *Зеленский В. Д.* Отдельные организационные и тактические вопросы преодоления противодействия расследованию / В. Д. Зеленский // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. мат-в 51-х криминалист. чтений: В 2-х ч. — М.: Академия управления МВД России, 2010. — С. 92—93.

5. *Пирбудагов Г. Н.* Факторы, детерминирующие противодействие расследованию преступлений против жизни и здоровья / Г. Н. Пирбудагов // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 1. — С. 127—131.

6. *Колмаков П. А.* О некоторых проблемах противодействия защитников производству предварительного расследования / П. А. Колмаков, И. П. Кибардин // Вестник ОГУ. — 2012. — № 3 (139). — С. 79—82.

7. *Шмонин А. В.* Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений / А. В. Шмонин // Публичное и частное право. — 2011. — № 3 (11). — С. 131—140.

8. *Кардашевская М. В.* Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению (к вопросу об учебном курсе и его преподавании) / М. В. Кардашевская, И. В. Тишутина // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 4. — С. 112—117.

9. *Мосина С. В.* Некоторые аспекты преодоления противодействия со стороны законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого / С. В. Мосина // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-в XXI междунар. науч.-практ. конф., 2016. Иркутск: ВСИ МВД России. — С. 370—374.

10. *Шевченко В. М.* Изучение личности обвиняемого (подозреваемого) как субъекта противодействия расследованию / В. М. Шевченко // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2007. — № 1 (28). — С. 73—75.

11. *Грибунов О. П.* К вопросу о противодействии преступлениям, совершаемым на объектах транспорта / О. П. Грибунов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 2—2. — С. 117—120.

12. *Шаевич А. А.* Значение и организационные проблемы участия психолога в расследовании и профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними / А. А. Шаевич, А. В. Герих // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 4 (16). — С. 118—125.

13. *Родивилина В. А.* Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды. / В. А. Родивилина, М. С. Сизова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — № 2 (93). — 2020. — С. 184—193.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-140-146

Усачев Сергей Игоревич,

преподаватель кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с участием представителя потерпевшего юридического лица в расследовании мошенничества в сфере автострахования. На основе анализа генезиса возникновения ряда сложностей предлагаются некоторые тактические рекомендации для проведения допроса указанных лиц.

Ключевые слова: тактика допроса, методика расследования мошенничества в сфере автострахования, представитель потерпевшего-юридического лица, автострахование, мошенничество.

Usachev Sergey Igorevich,

Lecturer of the Department of Criminalistics

of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

SOME TACTICAL FEATURES OF THE INTERROGATION OF THE REPRESENTATIVE OF A VICTIM DURING THE FRAUD INVESTIGATION IN THE FIELD OF AUTO INSURANCE

Abstract. The article discusses the problems associated with the participation of a representative of the injured legal entity in the investigation of fraud in the field of auto insurance. Based on the analysis of the genesis of some difficulties, some tactical recommendations are offered for interrogation of these individuals.

Keywords: interrogation tactics, methods of investigation of fraud in the field of car insurance, representative of the injured legal entity, car insurance, fraud.

Проанализировав эмпирические источники, можно с уверенностью сказать, что на начальном этапе расследования большинства преступлений в рамках допроса лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, возможно получить уникальную информацию, которая в дальнейшем поможет в формировании этапа планирования расследования, а также при выстраивании следственных версий.

В этой связи допрос потерпевшего является одним из приоритетных следственных действий, в ходе которого устанавливаются и фиксируются

в процессуальном порядке показания о различных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела [1, с. 10]. Допрос выступает в качестве самостоятельного следственного действия, основной целью которого является получение от допрашиваемых лиц показаний о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу [2, с. 226].

Сущность допроса потерпевшего, согласно постулатам криминалистики, заключается в получении информации (показаний) от потерпевшего лица об известных ему событиях и фактах, прямо или косвенно связанных с расследуемым преступлением. Порядок проведения допроса регламентируется ст. 187—191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Сущность производства допросов рассматривается многими учеными-криминалистами, несмотря на характерные особенности в допросах лиц, обладающих разным процессуальным статусом в рамках расследуемого уголовного дела, ученые сходятся во мнении, что данное следственное действие является одним из наиболее актуальных и востребованных следственных действий [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12].

Довольно очевидно, что, когда лицо, которому причинен физический вред или материальный ущерб, признаётся потерпевшим по расследуемому уголовному делу и, соответственно, допрашивается по обстоятельствам дела в качестве потерпевшего. Признание такого лица потерпевшим и его допрос не вызывает какого-либо затруднения у сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование.

Однако данная ситуация актуальна в случаях, когда в качестве потерпевшего признаётся физическое лицо. Нередки случаи, когда потерпевшим по делу выступает юридическое лицо, тогда данная процедура признания в качестве потерпевшего несколько изменяется. Так, анализ уголовных дел показал, что при расследовании мошенничества в сфере автострахования зачастую потерпевшей стороной выступают юридические лица — представители страховой компании, которой был причинен материальный ущерб в ходе совершения мошеннических действий преступниками [13, с. 14].

Возможность признания юридического лица в качестве потерпевшего, когда последнему в результате мошеннических действий был причинен вред его имуществу либо его деловой репутации, предусмотрена частью 1 статьи 42 УПК РФ.

В данной ситуации потерпевшим необходимо признавать именно юридическое лицо как организацию, в которой довольно часто свою деятельность осуществляет огромное количество работников, занимающих различные должности и, соответственно, выполняющих большое количество разноплановых функций.

В законодательстве прямо указано на то, что в случае признания юридического лица потерпевшим его права осуществляет представитель.

Анализ следственной практики показал, что представителем юридического лица является, как правило, штатный юрист или сотрудник службы безопасности юридического лица. В большей степени в страховых компаниях компетентность этих лиц не всегда позволяет следователю своевременно выяснить у них все имеющие значения для расследования уголовного дела обстоятельства. Например, установить, кто конкретно принимает решение о производстве выплаты по страховому случаю, на каком основании направление на осмотр и калькуляцию ущерба транспортного средства после ДТП было направлено в ту или иную экспертную организацию, по какой причине при отказе в осуществлении ремонта было выдано направление в какую-то конкретную организацию и т. д. Зачастую только региональный директор (представитель) может указать на лиц, которые несут ответственность за то или иное направление деятельности в конкретной страховой компании, пояснить сотрудникам правоохранительных органов политику руководства поощрению и депремированию сотрудников, указать на лиц, которые напрямую несут ответственность за убытки, понесенные от мошеннических действий, и иные вопросы.

Без разрешения данных вопросов у правоохранительных органов не будет четкого понимания об обстоятельствах произошедшего преступления, однако при расследовании мошенничества в сфере автострахования важно понимать, что, общаясь только с одним представителем юридического лица, может возникнуть ситуация, при которой в ходе проведения допроса будут сообщаться заведомо ложные сведения. Причин для дачи ложных показаний может быть несколько: от банального страха потерять работу в случае раскрытия нежелательной, по мнению руководства, служебной информации или нежелания испортить личные или трудовые отношения с коллегами, которые просили не разглашать определенные сведения сотрудникам правоохранительных органов, до причастности самого лица к расследуемому преступлению в качестве организатора или соучастника.

Ситуация, при которой допрашиваемое лицо может по какой-либо причине скрывать сведения либо озвучивать заведомо ложную информацию, может быть охарактеризована как неблагоприятная. И она требует от сотрудников правоохранительных органов особых умений и навыков как с точки зрения подготовки к допросу с заранее сформулированным перечнем вопросов, так и с точки зрения наличия определенных психологических навыков доращивающего.

Допрос является одной из разновидностей профессионального общения, и успех проведения данного следственного действия напрямую зависит от уровня коммуникативных навыков допрашивающего [14, с. 257]. Под коммуникативными качествами в данном случае подразумевается умение понимать людей, их интересы, особенности социализации, оценка сторон личности, способность прогнозировать поведение участников уголовного процесса

[15, с. 200]. Здесь важно понимать, что при выстраивании линии допроса необходимо строить беседу без использования наводящих вопросов и при этом не раскрывать известную органам следствия или дознания информацию, которую представитель потерпевшего может сообщить заинтересованным лицам с целью дальнейшего противодействия расследованию по уголовному делу.

Для предотвращения такой ситуации помимо стандартных рекомендаций, таких как:

- предварительное изучение личности представителя потерпевшего;
- установление у него каких-либо финансовых проблем;
- наличие у допрашиваемого конфликтов в страховой компании, в которой он работает;
- наличие у него судимости или установленной оперативной информации о его связи с ранее судимыми лицами;
- предварительная оценка его деловых и профессиональных качеств (таких как умение входить в доверие, хитрость);
- осведомленность о недостатках деятельности юридического лица либо его отдельных сотрудников.

При проведении допроса, очевидно, важно, чтобы сотрудник правоохранительных органов умел грамотно выстраивать диалог с допрашиваемым и имел достаточный опыт.

Анкетирование сотрудников правоохранительных органов позволило выделить следующие прямые рекомендации по установлению так называемого в криминалистической литературе психологического контакта:

- создание комфортной обстановки;
- корректное и деликатное общение;
- предварительная беседа на отвлеченные темы, что позволит допрашиваемому лицу расслабиться, ослабит его бдительность и концентрацию.

Далее отметим, что допрос в своем развитии проходит три этапа:

1. Подготовительный (включает в себя оценку ситуации, принятие решения, подготовку и планирование тактики допроса).
2. Рабочий этап (заключается в установлении психологического контакта, применение тактических средств для решения задач допроса).
3. Заключительный этап (фиксация доказательственной информации, оценка хода и результатов допроса).

Эффективное производство такого следственного действия, как допрос, во многом детерминирует качество всего процесса расследования, при этом основной его целью является получение определенной доказательственной информации о расследуемом событии [16, с. 111]. Грамотно спланированный, организованный и проведенный допрос — качественное подспорье для всего дальнейшего хода и проведения расследования по уголовному делу.

В рамках производства допроса представителя потерпевшего по делам о расследовании мошенничества в сфере автострахования должны соблюдаться все основные традиционные требования, предъявляемые к допросу, однако, помимо стандартных навыков, лицо, организующее допрос, должно понимать, что представитель потерпевшего является юристом, соответственно, обладает особыми знаниями и навыками, при необходимости с легкостью может вводить в заблуждение и выдавать правоохранительным органам недостоверную информацию, либо использовать приемы «недосказанности», «умалчивания», что негативно отразится на всем процессе расследования. В данном случае умелое использование различных тактических приемов позволит максимально эффективно осуществить сбор необходимой информации [17, с. 105]. В нормах ч. 2 ст. 189 УПК РФ определено, что следователь свободен в выборе тактики допроса. В этой связи следует отметить, что, помимо вербальных приемов взаимодействия между участниками следственного действия, для качественного производства допроса следователю важно использовать невербальные возможности общения, заключающиеся в исследовании, оценке и применении особенностей мимики, жестов, интонации и даже тембра голоса. Естественно, без понимания и учета личностных особенностей допрашиваемого лица, как справедливо отмечают А. А. Шаевич, Е. И. Третьякова, использование любых тактических приемов допроса, подобно стрельбе с закрытыми глазами: есть шансы случайно попасть в цель, но всегда остается еще большая вероятность получить негативные последствия, которые в случае особой неудачи окажутся необратимыми [18, с. 270].

Кроме того, в некоторых случаях уместно применять дополнительные технические способы фиксации информации, это подтверждается в полной мере высказыванием О. П. Грибунова, который отметил, что в настоящее время без современных технологий процесс раскрытия и расследования преступлений уже практически невозможен [19, с. 11].

Подводя итог, подчеркнем важность такого следственного действия, как допрос представителя потерпевшего при расследовании мошенничества в сфере автострахования, и акцентируем внимание на необходимости его применения на первоначальной стадии расследования по уголовному делу. При допросе от представителя страховой компании может быть получена доказательственная и ориентирующая информация. Однако в рассматриваемой категории мошенничеств, в которой, как правило, большой штат работников, сложное административное устройство и учредители, а также собственники часто находятся в различных городах и на удалении от места совершения преступления, возможна ситуация, при которой участники, формально находящиеся на стороне обвинения, могут оказаться на противоположной стороне, и оказанная ими, на первый взгляд, «помощь» окажется губительной для всего расследования.

В этой связи грамотно спланированный и организованный допрос может сыграть ключевую роль для дальнейшего хода предварительного расследования, повлияет на формирование этапа планирования и позволит сформулировать качественные следственные версии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Головин А. Ю., Аристархова Т. А. Тактические особенности проведения допросов членов экстремистских организованных преступных формирований / А. Ю. Головин, Т. А. Аристархова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 4—2. — С. 10—16.

2. Данильян Э. С. Особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий / Э. С. Данильян // Общество и право. — 2015. — № 1 (51). — С. 224—229.

3. Варданыян А. В., Гончаров К. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях / А. В. Варданыян, К. В. Гончаров // Общество и право. — 2017. — № 3 (61). — С. 130—134.

4. Мисник И. В. Особенности некоторых видов допросов в российском уголовном судопроизводстве / И. В. Мисник // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 2 (6). — С. 44—47.

5. Варданыян А. В., Говоров А. А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / А. В. Варданыян, А. А. Головин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 1 (88). — С. 127—136.

6. Пермяков А. Л. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании преступлений против собственности предприятий с государственным участием в капитале / А. Л. Пермяков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 3 (7). — С. 45—48.

7. Трубкина О. В. Особенности диагностирования и преодоления ложных показаний мошенников, совершающих преступления в отношении материальных интересов страховых компаний / О. В. Трубкина // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2011. — № 1 (56). — С. 27—34.

8. Третьякова Е. И. Допрос несовершеннолетнего: процессуальные и тактические аспекты / Е. И. Третьякова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. — 2019. — С. 250—252.

9. Грибунов О. П., Малыгина Е. А. Отдельные вопросы тактики допроса при расследовании взяточничества / О. П. Грибунов, Е. А. Малыгина [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 4 (7). — С. 28—32. — Электрон. текст. дан. (18 632 704 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

10. Грибунов О. П. Тактические приемы, используемые для избличения ложных показаний свидетеля / О. П. Грибунов // Российский следователь. — 2016. — № 5. — С. 3—7.

11. Грибунов О. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы реализации гл. 40.1 УПК РФ / О. П. Грибунов // Пролог. — 2013. — № 1 (1). — С. 59—62.

12. Грибунов О. П., Долматова М. О. Допрос как источник получения вербальной информации при расследовании хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного

транспорта / О. П. Грибунов, М. О. Долматова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 1. — С. 56—65.

13. Трубкина О. В. Характеристика действий преступника по подготовке к инсценировке наступления страхового события как основного способа совершения мошенничества в отношении материальных интересов страховых компаний / О. В. Трубкина // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2011. — № 3 (58). — С. 14—19.

14. Шаевич А. А. Криминалистическая тактика, юридическая психология и практика производства допросов / А. А. Шаевич // Криминалистические чтения на Байкале: матер. междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск: Восточно-Сибирский филиал ФГБОУВО «РГУП», 2015. — С. 257—259.

15. Черевко И. М., Никонович С. Л., Шаевич А. А. Психологические основы коммуникативной стороны профессиональной деятельности следователя / И. М. Черевко, С. Л. Никонович, А. А. Шаевич // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7—1 (69). — С. 198—200.

16. Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Белохребтов. — Иркутск, 2015. — 215 с.

17. Малыгина Е. А. К вопросу о расследовании хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта / Е. А. Малыгина // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: сб. VI междунар. науч.-практ. конф., 2018. — С. 103—107.

18. Третьякова Е. И., Гафеева Т. В., Шаевич А. А. Тактические приемы преодоления конфликтной ситуации при допросе: вопросы теории и практики / Е. И. Третьякова, Т. В. Гафеева, А. А. Шаевич // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXV междунар. науч.-практ. конф. — 2020. — С. 268—271.

19. Грибунов О. П. К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта / О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2013. — № 3 (66). — С. 9—16.

УДК 343.985

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-147-154

Фойгель Елена Игоревна,

доцент кафедры криминалистики,
судебных экспертиз и юридической психологии
Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В РАМКАХ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ
ПАРАДИГМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация. Статья посвящена характеристике сложившейся к настоящему времени в криминалистической науке системно-деятельностной парадигме криминалистического исследования личности. Анализируется генезис и формирование частной криминалистической теории о личности, выявляются её основные признаки, обозначаются тенденции дальнейшего развития. Обосновывается необходимость включения в систему личностных свойств и качеств, имеющих криминалистическое значение, совокупности этнических характеристик, обуславливающих особенности мышления и поведения участников уголовного судопроизводства. Делается вывод о необходимости целостного изучения личности как системного объекта познания в криминалистике.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика личности, личностная информация, криминалистическая парадигма, этническая информация, этнические характеристики, криминалистическое изучение личности и деятельности, системно-деятельностный подход в криминалистике.

Foigel Elena Igorevna,

Associate Professor of the Department of Criminalistics,
forensic expertise and law psychology
Baikal State University,
Candidate of Law, Associate Professor

**RESEARCH OF THE ETHNIC CHARACTERISTICS OF THE PARTICIPANTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE
FORMED SYSTEMIC-ACTIVITY PARADIGM OF THE CRIMINALISTICS
STUDY OF PERSONALITY: STATEMENT OF THE PROBLEM**

Abstract. The article is devoted to the characterization of the system-activity paradigm of the forensic research of personality that has developed to date in forensic science. The genesis and private forensic theory-formation of personality is analyzed, its main features are identified, and trends of further development are indicated. The article makes the

case for including a set of ethnic characteristics that determine the peculiarities of thinking and behavior of participants in criminal proceedings in the system of personal properties and qualities that have forensic significance. The author finds that the personality should be explored as a systemic object of knowledge in forensic science.

Keywords: forensic characterization of personality, personal information, forensic paradigm, ethnic information, ethnic characteristics, forensic study of personality and activity, system-activity approach in forensic science.

Личность участника уголовного судопроизводства давно является объектом криминалистического познания. Еще на заре формирования криминалистической науки ученые обращали внимание на взаимосвязь свойств и качеств личности и осуществляемой деятельности в процессе подготовки, совершения, сокрытия и восприятия преступного деяния. Разрозненные научные положения еще не носили систематического характера и сформировались в частное криминалистическое учение к 70-м годам прошлого столетия, когда появились серьезные научные разработки, посвященные личности преступника (обвиняемого, подозреваемого), которая рассматривалась в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с такими элементами механизма преступления, как способ и обстановка совершения преступления [1], [2]. Позднее появились работы, обосновывающие необходимость криминалистического исследования других участников уголовного судопроизводства — потерпевшего [3], [4], свидетеля [5], эксперта [6] и др.

В настоящее время состояние и степень научной разработки криминалистического изучения личности участников уголовного позволяет говорить о сложившейся системно-деятельностной парадигме криминалистического изучения личности как выражения совокупности сформированных в криминалистической науке взглядов, мнений и методов исследования объекта в силу следующих обстоятельств:

1. Комплексный характер исследуемого объекта — личности участника уголовного судопроизводства, изучаемый не только как сумма изучаемых явлений, но как органично функционирующий объект с многочисленными внутренними взаимосвязями. Сложная структура объекта познания включает в себя несколько подструктур, среди которых выделяются соматические (антропологические, общефизические, биологические), психические, социальные признаки и навыки характеристики, изучение которых не может осуществляться путем простого суммирования результатов, а осуществляется во взаимосвязи, взаимопроникновении и взаимообусловленности. Например, изучение и анализ функциональных признаков внешнего облика человека (походки, мимики, жестикуляции) включает в себя и анатомические условия их формирования, и особенности физиологического проявления (в виде реакций на сообщаемые сведения), а также психологическую интерпретацию внешнего выражения. Данная информация имеет не только описательный

и объяснительный характер, но и способствует научному предсказанию дальнейшего развития ситуации.

2. Междисциплинарный характер методологического базиса научных исследований. Личность изучается многими естественными и социальными науками — биологией, психологией, социологией, историей, юриспруденцией. Будучи синтетической наукой, криминалистика аккумулирует в себе достижения многих наук, применяя их результаты для реализации собственных целей и задач в специфической сфере применения — уголовном судопроизводстве. Системная парадигма криминалистического изучения личности не может быть ограничена только криминалистическими методами исследования, сочетая их со специальными методами точных, естественных и общественных наук. Интеграция научного знания в криминалистику осуществляется именно в области изучения различных сторон личности и осуществляемой ею деятельности, поскольку включает в себя достижения биологии [7], психологии [8], [9], психиатрии [10], а также технических [11], [12] и точных [13] наук, что позволяет сформировать целостное системное представление о личности участника уголовного судопроизводства как объекта исследования.

3. Историческая обусловленность существующей организации научного знания предпосылками его возникновения. Любая научная парадигма — это совокупность научных достижений, признаваемых всем научным сообществом в определенный период времени. Невозможно характеризовать современное состояние научной разработки, не проследив генезис формирования основных категорий и взглядов. Криминалистическое изучение личности прошло сложный путь — от критики и упреков в несамостоятельности, сопряженной с криминологическими, уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными взглядами [14, с. 5] до признания и формирования фундаментальных научных и методологических основ [15], [16], [17]. Долгое время изучение личности было прерогативой криминологической науки [18] и сводилось к исследованиям социально-демографических и социально-ролевых признаков, однако криминалистам удалось доказать научную состоятельность исследования личностных характеристик как системообразующего элемента механизма преступления и обусловленных ими тактических основ производства следственных действий и методических рекомендаций по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению преступлений.

4. Системная парадигма криминалистического изучения личности состоит из анализа глубоких изменений и трансформаций как объекта исследования, так и его методологических основ. Всеобщая цифровизация, затронувшая все сферы общественной жизни, не могла не вызвать трансформацию личности как объекта познания, выразившуюся в появлении таких новых характеристик личности, как цифровой облик и цифровое поведение, являющихся источниками уголовно-релевантной личностной информации.

5. Существующие научные взгляды на методологию криминалистического изучения личности признают необходимость криминалистического изучения личности в неразрывной связи с осуществляемой ею деятельностью (преступной в том числе) [19]. Связь личностных характеристик преступника с осуществляемой им деятельностью в структуре механизма преступления очевидна, но она не является единственным объектом исследования. Применение деятельностного подхода к исследованию деятельности, связанной с совершением преступления, позволяет исследовать процесс взаимодействия всех её участников, осуществляющих и воспринимающих поведенческие акты. В этой связи одностороннее изучение только личности преступника может привести к искажению целостной реконструкции расследуемого события.

Итак, криминалистическое изучение личности в настоящее время осуществляется в рамках системной деятельностной парадигмы, выступающей в роли методологического базиса интеграции научных методов для обеспечения эффективного и своевременного выявления, расследования и раскрытия преступлений. Однако одним из преимуществ парадигмы как научной категории является её мобильность, динамичность и детерминированность потребностями современных реалий общественной жизни [20]. В этой связи сложившаяся парадигма криминалистического изучения личности является сферой формирования новых актуальных научных исследований, направленных на повышение эффективности выполнения криминалистической науки своих социальных функций, в том числе с точки зрения профилактики [21].

В числе последних предлагается рассматривать этнические характеристики личности участников уголовного судопроизводства, изучение которых осуществляется в криминалистической науке в настоящее время фрагментарно и разрозненно. Активно и плодотворно используя достижения психологии и социологии в науке и практике расследования преступлений, криминалистика не осуществляет активной интеграции этнологических знаний. Отчасти это связано со стремлением соблюсти политическую корректность, подчеркивая значение этнического происхождения в мотивации и осуществлении деятельности. Действительно, в обыденном понимании сложилась ложное представление о том, что исследование национальные характеристики отдельно взятой личности осуществляется исключительно в целях доказывания неполноценности одних этносов (рас, народов) перед другими. Именно с этим фактом было связано переименование этнографической науки в этнологическую, поскольку немецкая этнографическая научная школа исходила из неравенства народов, выделяя в своей структуре такие разделы, как *Voel-scunde* — изучение немецкоязычных народов как исторических, и *Voelker-gunde* — изучение внеевропейских народов, культура которых примитивна, и поэтому их достаточно просто описать [22, с. 7]. Данная точка зрения не получила своего признания и развития в науке, изучающей происхождение

и культуру различных этносов, которая во избежание любых ассоциацией с данными антинаучными суждениями изменила даже свое наименование.

Современное состояние этнологической науки исходит из всеобщей этничности — принадлежности любого человека к какому-либо этносу. Человек не существует вне этноса, который является природной формой существования *homo sapiens* — разумного и социального человека. Выдающийся ученый Л. Н. Гумилев совершенно справедливо отмечал, что, «в отличие от большинства млекопитающихся, *homo sapiens* не является ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, называется то социумом, то этносом. Несомненно одно — вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» — ответит: «русский», «француз», «перс», «масаи» и т. д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании — явление всеобщее... феномена этноса...» [23, с. 13—14]. Этническая принадлежность обуславливает не только наличие некоторых схожих общефизических признаков, но и (что немаловажно) социопсихических и культурных особенностей — ценностей, мировоззрения, ментальности, языка, письменности, норм нравственности и обусловленных ими особенностей мышления и поведения.

Формирование личности каждого представителя определенного этноса происходит в процессе социализации, которая осуществляется в условиях этноса, выполняющего функцию необходимых социальных условий. Влияние этноса на становление и закрепление в структуре личности этнодетерминированных свойств и качеств воплощено в процессе этнизации, который является всеобщим и неизбежным для любого участника уголовного судопроизводства. Итогом этнизации является сформированная системная личность, которая включает в себя совокупность этносоматических (свойства и качества, характеризующие телесные, внешние признаки), этносоциальных (традиции, обычаи, особенности взаимоотношений между представителями одного этноса в сфере уголовного судопроизводства), этнопсихических (национальный менталитет, национальный характер, этнические установки, ценности, мотивы, особенности восприятия, анализа и воспроизводства информации) и этнических навыковых характеристик (проявления материальной этнокультуры — способы совершения определенных действий), собирание, исследование, оценка и использование которых позволяет осуществить розыскные, идентификационные, диагностические, тактически и методические задачи криминалистической науки.

Следует особо подчеркнуть, что криминалистическое изучение этнических характеристик исходит из принципов универсальности этнической принадлежности каждой личности и разнообразия этнических культур, и не имеет целью сопоставления умственных и физических способностей различных этносов, не направлено на выявление склонности представителей какого-

либо этноса к совершению преступлений или, наоборот, соблюдению законности и правопорядка. Этнические характеристики не детерминируют преступное поведение, не влияют на возникновение преступного умысла, а лишь характеризуют личность преступника, потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства. Этническая принадлежность является таким же полноценным и неотъемлемым личностным качеством, как семейное положение или профессиональная принадлежность. Однако, в отличие от перечисленных, она характеризуется большей степенью устойчивости, выраженности и отражаемости. Кроме того, именно этническая принадлежность является базисом для возникновения и развития когнитивных и поведенческих особенностей человека.

Необходимость в криминалистическом изучении этнических характеристик личности участников уголовного судопроизводства обусловлена как развивающимися возможностями криминалистической науки, признанной совершенствовать средства и методы борьбы с преступностью, так и потребностями общественных реалий, обусловленных демографическими, политическими и социальными изменениями. Российское государство представляет собой исторически сложившееся уникальное социальное образование, в котором отсутствуют тенденции этнической унификации, сохраняются национальные и культурные традиции всех этносов, входящих в её состав, но при этом четко прослеживается сохранение единого культурного (цивилизационного) кода, стержнем которого является русский язык и русская культурная доминанта. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы призвана создать миграционную ситуацию, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны и не препятствует эмиграции в Российскую Федерацию представителей иностранных этносов. Социальные и культурные изменения, произошедшие в этнической структуре российского населения, могут явиться источниками криминалистически значимой информации и обеспечить персонификацию, и, как следствие, высокую эффективность разрабатываемых тактических приемов следственных действий и методических рекомендаций.

В целом система личностных характеристик субъекта уголовного судопроизводства находится в постоянной взаимосвязи и взаимообусловленности с иными связанными социальными системами, окружающей средой и современными реалиями. Активное развитие миграционных процессов, особенности протекания ресоциализации мигрантов в российской действительности и иные этнозначимые социальные тенденции не могут не повлиять на тенденции развития криминалистического изучения личности.

Упущение в исследовании какого-либо вида личностных характеристик негативно влияет на целостность личности как системного объекта научного криминалистического познания и может привести к недостаточно-

сти и фрагментарности сложившейся системно-деятельностной парадигмы криминалистического изучения личности, что повлечет деформацию всех выведенных научных следствий и умозаключений, практически выразившейся в формализации, унификации и низкой эффективности тактических средств и приемов следственных и процессуальных действий в структуре создаваемых методических рекомендаций по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению преступлений и обесценивание выработанных методических рекомендаций по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений отдельных групп и видов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии / М. Г. Коршик, С. С. Степичев. — М.: Юрид. лит., 1969. — 80 с.
2. Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования / А. С. Кривошеев. — М.: Юрид. лит., 1971. — 80 с.
3. Неволлина Н. Е. Криминалистическое значение информации о личности жертвы убийства: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Е. Неволлина. — Екатеринбург, 2003. — 160 с.
4. Шинкевич Н. Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук. — Смоленск, 2004. — 237 с.
5. Волчецкая Т. С., Бедризов А. Г. Криминалистическое изучение личности свидетеля: основные методы / Т. С. Волчецкая, А. Г. Бедризов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 9. — С. 90—97.
6. Комиссарова Я. В., Комиссаров В. И. Криминалистическое изучение личности носителя специальных знаний / Я. В. Комиссарова, В. И. Комиссаров // Lex Russica. — 2004. — Т. ХСVI. — № 10. — С. 1201—1206.
7. Мамурков В. А. Основы криминалистического учения о биологических объектах: дис. д-ра юрид. наук / В. А. Мамурков. — М., 2002. — 325 с.
8. Полтавцева Л. И. Интеграция достижений психологии в криминалистику: дис. д-ра юрид. наук / Л. И. Полтавцева. — Волгоград, 2003. — 381 с.
9. Машков С. А. Ложь и криминалистика / С. А. Машков // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: мат-лы VII междунар. науч.-практ. конф. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2018. — С. 257—260.
10. Грибунов О. П., Шаяевич А. А., Буш М. П. Использование специальных знаний в области психиатрии при раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособ. / О. П. Грибунов. — Иркутск: ВСИ МВД России, 2014. — 96 с.
11. Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. Б. Вехов. — Волгоград, 2008. — 561 с.
12. Смирнова И. Г. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ: моногр. / И. Г. Смирнова, К. Н. Евдокимов, О. А. Егереева, В. В. Коломинов, С. А. Машков, Д. И. Сачков, Т. М. Судакова, Е. М. Якимова. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 312 с.
13. Степаненко Д. А., Коломинов В. В. Цифровая реальность и криминалистика / Д. А. Степаненко, В. В. Коломинов // ГлаголЪ правосудия. — 2018. — № 3 (17). — С. 38—43.
14. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории / Р. С. Белкин. — М.: Юристъ, 1997. — 464 с.

15. Поврезнюк Г. И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис. ... д-ра юрид. наук / Г. И. Поврезнюк. — М., 2005. — 433 с.
16. Малыхина Н. И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Малыхина. — Саратов, 2017. — 403 с.
17. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин. — Томск, 2006. — 413 с.
18. Макаров А. В., Протасевич А. А., Жукова А. С. Специальный субъект преступления как объект криминологической детерминации / А. В. Макаров, А. А. Протасевич, А. С. Жукова // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 6. — С. 980—991.
19. Телешова Л. В., Протасевич А. А. Взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности с механизмом и способом совершения преступлений / Л. В. Телешова, А. А. Протасевич // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — № 2 (8). — С. 257—267.
20. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданян, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.
21. Грибунов О. П., Баских Е. И. Криминологическая профилактика преступлений, совершаемых организованными преступными группами, созданными на этнической основе / О. П. Грибунов // Российский следователь. — 2013. — № 22. — С. 23—25.
22. Этнология / Под ред. Т. А. Титовой. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2017. — 402 с.
23. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. — М.: Гидрометеопиздат, 1990. — 806 с.

УДК 343.132.1

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-155-162

Чаплыгина Виктория Николаевна,

начальник кафедры криминалистики

и предварительного расследования

в органах внутренних дел

Орловского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Аннотация. В статье исследуется криминалистическая характеристика незаконной охоты через призму рассмотрения её структурных элементов и проблем, возникающих при расследовании данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, незаконная охота, природопользование, типичный способ совершения преступления, следственная ситуация.

Chaplygina Victoria Nikolaevna,

head of the Department of criminology

and preliminary investigation

in the internal Affairs bodies

Oryol law Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

STRUCTURAL ELEMENTS OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL HUNTING

Abstract. The article examines the forensic characteristics of illegal hunting through the prism of its structural elements and problems that arise in the investigation of this kind of criminal cases.

Keywords: forensic characteristics, illegal hunting, nature management, typical method of committing a crime, investigative situation.

На современном этапе развития общества особого внимания требует сложившаяся экологическая ситуация. С каждым годом в результате потребительского отношения человека к природе её ресурсы иссякают, что создает серьезную угрозу исчезновения не только редких природных ресурсов, но и ставит под угрозу существование самого человека. Серьезный урон экосистеме нашей страны наносит в том числе незаконная охота. К сожалению, традиции природопользования, а именно исторически сложившаяся привычка использования природных ресурсов путем охоты как единственного средства обеспечения пропитания, привела к тому, что посягательство на общественные отношения по охране окружающей природной среды не в полной

мере осознаются отдельными слоями населения как преступление. Незаконная охота является одной из проблем, требующей незамедлительного решения со стороны государственных властей. Правоохранительным органам необходимо расширять методику выявления и расследования таких сложных и, как правило, латентных преступлений, как незаконная охота.

Резюмируя вышеописанное, отметим, что в настоящее время одним из приоритетных направлений органов государственной власти и местного самоуправления является защита экологической системы. Вместе с тем удельный вес экологических преступлений в структуре общего состояния преступности находится на достаточно высоком уровне. Так, например, в период с января по июнь 2020 г. было зарегистрировано примерно 11,5 тыс. экологических преступлений, самым распространенным из которых выступила незаконная охота. Отметим, что незаконной охотой является уголовно-наказуемое деяние, ответственность за которое наступает по ст. 258 УК РФ. Несмотря на то, что данное преступление относится к категории небольшой или средней тяжести (в зависимости от части применяемой статьи), оно наносит серьезный ущерб экологии. Кроме того, незаконная охота относится к категории преступлений с повышенной степенью латентности, т. к. в ходе его осуществляется множество действий, направленных на сокрытие следов совершенного преступления.

Эффективное решение задач уголовного права и уголовного судопроизводства непосредственно зависит от выбора частных методов расследования отдельных видов преступлений, в числе которых рассматриваемая в данной статье незаконная охота. При определении метода расследования данного вида преступления основополагающим является изучение его криминалистической характеристики, являющейся системой сведений о типичных криминалистически значимых признаках преступления, знание которых имеет основополагающее значение при раскрытии и расследовании преступлений.

В качестве источника криминалистической характеристики незаконной охоты выступают следственная и судебная практика расследования подобного рода преступлений, а также знания, разработанные в теории уголовно-процессуального права и криминалистики. И конечно же следует согласиться с О. П. Грибуновым, что криминалистическая характеристика преступлений подлежат дальнейшей систематизации и обсуждению [1, с. 15].

Как представляется автору данной статьи, одним из наиболее значимых признаков криминалистической характеристики незаконной охоты выступает такой объективный элемент состава преступления, как способ совершения указанного вида преступлений, который включает в себя действия по подготовке к совершению преступления, непосредственному его совершению, а также по сокрытию следов преступления.

На наш взгляд, является необходимым рассмотреть наиболее типичные способы совершения незаконной охоты. В криминалистической теории под способами охоты, в том числе законными, понимается совокупность методов

и приемов, используемая в процессе охоты; это такие методы, как применение собак охотничьих пород, охотничьего оружия.

Действующее уголовное законодательство выделяет несколько способов совершения незаконной охоты, предусмотренных п. «б», ч. 1, ст. 258 УК РФ: с использованием механических транспортных средств, воздушных судов; с использованием ядовитых или взрывчатых веществ; с использованием иных способов массового уничтожения птиц и зверей .

Под использованием механических транспортных средств во время охоты законодателем понимается использование автомобилей, мотоциклов, катеров, а также иных транспортных средств, приводимых в движение двигателем. К воздушным судам, в свою очередь, закон относит вертолеты, самолеты, а также иные летательные аппараты, работающие с помощью двигателя. При этом в случае, когда данное транспортное средство используется по месту проведения охоты, но не используется в процессе её осуществления, действия лица не образуют состава уголовно-наказуемого деяния. Для решения вопроса об использовании ядовитых веществ и химикатов в процессе охоты является необходимым назначение и производство специальных видов экспертиз, в числе которых особое место занимает судебно-химическая экспертиза, также в процессе осмотра места происшествия по делам о незаконной охоте целесообразно привлекать к участию эксперта или специалиста [2, с. 250].

Следующим рассмотренным нами запрещенным способом охоты является массовое уничтожение птиц и зверей. При этом для решения вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности за массовое уничтожение птиц и зверей судам необходимо учитывать конкретные обстоятельства каждого уголовного дела. Как показывает следственная практика, при установлении данного способа совершения незаконной охоты основное значение имеют оружие, которое применялось для охоты, и возможность наступления массовой гибели птиц и зверей. При отсутствии одного из вышеперечисленных признаков состав незаконной охоты отсутствует.

Помимо вышеперечисленных способов, упомянутых непосредственно в УК РФ, существуют также и иные способы совершения данного вида преступления, в частности:

- 1) использование световых приборов (подсвечивающих устройств) в процессе охоты на птиц;
- 2) применение взрывчатых веществ в процессе охоты с целью выманивания их из нор и берлог;
- 3) разорение гнезд птиц;
- 4) разрушение бобровых плотин [3, с. 164].

Таким образом, информация о способе совершения незаконной охоты является необходимой для установления в процессе расследования подобного рода преступлений в целях разработки методических рекомендаций по раскрытию и расследованию исследуемых преступлений.

Большую ценность при раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», имеет изучение следов совершённого преступления, имеющих огромное криминалистическое и процессуальное значение. В криминалистике термин «след» включает в себя всю совокупность получаемой информации для последующего проведения розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, для выдвижения версий и планирования расследования по уголовному делу. В то же время в уголовном судопроизводстве под данным термином понимается только та информация о совершённом преступлении, которая используется для формирования доказательственной базы и последующего закрепления в процессуальных документах. Таким образом, следы преступной деятельности принято разделять на материальные и идеальные, при этом под материальными следами понимаются объекты, имеющие криминалистическое значение (следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества, например, оружие, обнаруженное на месте происшествия; след торможения транспортного средства, обнаруженный на месте дорожно-транспортного происшествия). Идеальные следы преступной деятельности отображают событие в сознании человека, т. е. показания свидетелей, подозреваемых, потерпевших и т. д.

При расследовании незаконной охоты особое место занимает изучение материальных следов, в частности орудия преступления. Орудия преступления, вступая во взаимодействие с другими компонентами преступной деятельности, способны оставлять на них свои следы. К числу орудий незаконной охоты относятся следующие:

- 1) следы, оставленные от орудия хозяйственно-бытового назначения (следы от ножей на шкурах и костях животных, оставленных на месте преступления);
- 2) следы, оставленные от огнестрельного оружия;
- 3) непосредственно само огнестрельное оружие, а также орудие хозяйственно-бытового назначения.

Обнаружение оружия на месте происшествия при расследовании незаконной охоты имеет несомненное значение в связи с тем, что его исследование во многом помогает в установлении личности преступника, причем не только путем направления запросов в соответствующие базы данных. Используемый вид оружия нередко свидетельствует о материальном состоянии преступника.

Кроме того, существует еще одна классификация материальных следов при совершении незаконной охоты на основании следующих групп следов:

1. Следы биологического происхождения животных, их трупов, непосредственно самого человека. В частности, кровь от животных и их трупов на обуви и одежде преступника, в его автомобиле или ином транспортном средстве, на орудии преступления; мех и шкуры убитых животных; в исключительных случаях, кровь от порезов на теле преступников.

2. Группы животных (в частности, внутренние органы, остатки костей, конечностей).

3. Следы транспортных средств, к которым относятся следы протектора шин, следы торможения, по которым специалисты-криминалисты устанавливают давность образования следов, направление движения предполагаемого преступника, вид, марку и модель транспортного средства, что помогает в расследовании незаконной охоты и установлении местонахождения преступника.

4. Следы обуви преступника, по которым можно определить количество преступников, вид и размер обуви, установить пол преступников, направление их движения. Также к рассматриваемой категории относят следы, оставленные лыжами.

5. Следы пальцев рук, которые возможно обнаружить на оставленном на месте происшествия оружии.

6. Следы пребывания людей на определенной местности. В частности, к данной категории относится оставленный людьми бытовой мусор, кострище [4, с. 165].

Помимо вышперечисленного, нередко на месте происшествия можно обнаружить выброшенные окурки или пустые пачки из-под сигарет, исследование впоследствии которых помогает выделить идентификационные признаки преступника, поскольку курение является стойкой привычкой и вырабатывается у каждого человека индивидуально. Так, индивидуальные признаки могут проявляться и в том, как преступник держит в руках сигарету, тушит окурки о пустую пачку сигарет.

После совершения любого вида преступления лицо, его совершившее, обычно предпринимает все возможные меры к его сокрытию, и незаконная охота не является исключением. Способы сокрытия преступления также, в свою очередь, можно разделить на несколько видов: сокрытие предмета преступления; сокрытие вещественных доказательств; сокрытие следов совершённого преступления.

Обратившись к терминологическому пониманию сокрытия предмета преступного посягательства, под ним следует понимать уничтожение и утаивание тушек птиц и зверей, добытых путем незаконной охоты. В частности, тушки птиц и зверей разделяют непосредственно на месте совершения преступления, с последующим их перемещением на транспортном средстве к месту их реализации.

Под сокрытием вещественных доказательств понимается сокрытие не только огнестрельного оружия и орудия совершения преступления, но и боеприпасов, а также специальных средств для снаряжения огнестрельного оружия. Как показывает следственная практика, чаще всего преступники носят данные виды оружия при себе. Вместе с тем на месте совершения преступления нередко остаются боеприпасы, дальнейшее исследование кото-

рых помогает установить марку и модель огнестрельного оружия, с помощью которого было совершено преступное посягательство.

При сокрытии следов совершённого преступления преступники уничтожают оставшиеся части убитых зверей и птиц путем сожжения, а также иными способами. Кроме того, преступники различными способами скрывают следы обуви и транспортных средств, поливая их водой, присыпая снегом.

Итак, как нами установлено, что основным элементом следовой картины преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», являются материальные следы, к которым относятся следы биологического происхождения, следы транспортных средств и обуви, тела мертвых животных и птиц, а также следы пребывания людей на определенном участке местности и т. д.

Значимым элементом криминалистической характеристики незаконной охоты выступают обстоятельства совершения данного преступления. В теории уголовного права к обстоятельствам совершения преступления относятся время, место, орудие, средства и обстановка.

Время совершения преступления преступники выбирают, исходя из особенностей объекта, на которого будут вести охоту. Так, например, отдельные виды зверей, такие как кабаны и зайцы, ведут исключительно ночной образ жизни, в связи с чем незаконная охота на вышеуказанные виды совершается преимущественно ночью.

В качестве места совершения рассматриваемого нами преступного деяния преступники чаще выбирают охотничьи угодья, заповедники, заказники. При выборе места также учитывается его удаленность от населенных пунктов, безлюдность. Кроме того, учитывается также вид зверей и птиц и их расселение на определенной территории. Так, например, незаконная охота на лосей часто совершается на территории Алтайского края.

Следующим важным элементом криминалистической характеристики незаконной охоты выступает личность преступника. Исходя из практики расследования данного вида преступлений, личность незаконного охотника значительно отличается от личности среднестатистического преступника, прежде всего наличием высшего образования и высокого социального статуса. В криминологии такую категорию преступников называют «респектабельными преступниками» [5, с. 16].

Анализ статистических данных позволяет говорить о том, что незаконной охотой занимаются преимущественно мужчины, что обусловлено наличием особо психического и физического здоровья. Так, преступник должен быть вынослив, иметь хорошую физическую подготовку, а также определенные умения и навыки. Кроме того, в основном незаконными охотниками становятся лица в возрасте от 27 до 35 лет, что непосредственно связано с определенным образом жизни, потребностями и целями, при этом примерно большая часть лиц, совершивших преступление данной категории, состоит в браке и имеет полноценную семью [6, с. 27].

Необходимо отметить, что лица, чья преступная деятельность связана с незаконной охотой, чаще всего совершают свою преступную деятельность на протяжении длительного времени. Что касается уровня образования, то необходимо отметить, что большая часть лиц, вовлеченных в сферу незаконной охоты, имеет высшее образование, притом даже несколько. При этом практически у всех лиц, занимающихся незаконной охотой, имеются преступные связи с иными категориями лиц, в том числе с лицами, совершающими коррупционные преступления.

Вместе с тем незаконной охотой чаще всего занимаются в составе группы лиц. При этом 40 % лиц, занимающихся незаконной охотой, являются местными жителями, что обусловлено рядом факторов:

- 1) местные жители хорошо знают окрестности;
- 2) местные жители хорошо знакомы с работой сотрудников полиции, которые выявляют факты незаконной охоты;
- 3) местные жители перевозят трупы животных и птиц с целью их реализации на незначительные расстояния.

Как показывает практика, лица, привлеченные к уголовной ответственности за незаконную охоту, не имеют неснятых и непогашенных судимостей, в связи с тем, что подобного рода преступления имеют высокую степень латентности, а значит, мало выявляются.

Что же касается моральных качеств личности, совершающей незаконную охоту, то здесь необходимо отметить, что такие лица обладают характерно выраженным потребительским отношением к природным богатствам, низким уровнем экологического правосознания, что выражается в безразличном отношении к последствиям совершаемого ими преступного деяния.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», имеет несколько отличительных признаков от криминалистических характеристик иных видов преступлений. Во-первых, это особый способ совершения преступления — совершение незаконной охоты с помощью механического транспортного средства, воздушного судна, с использованием ядовитых и иных веществ, вызывающих массовую гибель птиц и животных. Во-вторых, это наличие следов биологического происхождения от трупов птиц и животных. В-третьих, это особая категория лиц, совершающих незаконную охоту — «респектабельные преступники». Помимо вышеперечисленного, основное отличие данного преступления — высокая степень его латентности, что создает дополнительные трудности в процессе раскрытия и расследования. Эффективное решение задач уголовного права и уголовного судопроизводства непосредственно зависит от выбора частных методов расследования отдельных видов преступлений, в числе которых выделяют преступления, связанные с незаконной охотой. При определении метода расследования данных видов преступлений основополагающим является изучение их криминалистической характеристики. В свою очередь, криминалистическая характеристика пред-

ставляет собой систему сведений о типичных криминалистически значимых признаках преступления, знание которых имеет основополагающее значение при раскрытии и расследовании преступлений.

К основным элементам криминалистической характеристики незаконной охоты относятся:

1) способ совершения преступления — совершение незаконной охоты с помощью механического транспортного средства, воздушного судна, с использованием ядовитых и иных веществ, вызывающих массовую гибель птиц и животных;

2) наличие следов биологического происхождения от трупов птиц и животных;

3) особая категория лиц, совершающих незаконную охоту — «респектабельные преступники».

Детальное исследование криминалистической характеристики незаконной охоты во многом способствует повышению эффективности раскрытия и расследования данного вида преступлений.

Резюмируя сказанное и учитывая значительную степень общественной опасности «экологических преступлений», высокий показатель их латентности и низкий уровень раскрытия, отметим, что в настоящее время существует необходимость в повышении эффективности производства первоначальных следственных действий в рамках расследования правонарушений против окружающей среды в форме привлечения соответствующих специалистов из разных областей знаний к проведению следственных действий, а также проведения комплексных судебных экспертиз, осуществления следственных экспериментов и допросов, с грамотной постановкой необходимых вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О. П., Назырова Н. А. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений / О. П. Грибунов, Н. А. Назырова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 7—18.

2. Меркулов Д. С. Способ совершения незаконной охоты как основной элемент криминалистической характеристики преступления / Д. С. Меркулов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. — 2019. — 250 с.

3. Бегенова Ж. А. Способ совершения незаконной охоты / Ж. А. Бегенова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 164—166.

4. Шепель Н. В. Роль сведений о механизме следообразования как структурном элементе криминалистической характеристики незаконной охоты / Н. В. Шепель // Государство и право в эпоху глобальных перемен. — 2017. — С. 165—174.

5. Бакров П. А. Криминологическая характеристика и уголовно-правовое регулирование борьбы с незаконной добычей водных животных и незаконной охотой / П. А. Бакров // Детерминация преступности в России и мире: теория и практика: сб. науч. тр. — 2019. — С. 16—21.

6. Коваленко О. В. К вопросу о возбуждении уголовного дела при расследовании экологических преступлений / О. В. Коваленко // Наука и общество в эпоху перемен. — 2016. — № 1 (2). — С. 25—31.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-163-169

Чернявская Мария Станиславовна,

Аспирант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ КАК ФОРМА ОБЪЕДИНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. На данный момент в Российской Федерации нет единой системы судебно-экспертных организаций. Также отсутствует единый орган, регулирующий осуществление судебно-экспертной деятельности. В связи с этим в данной статье рассмотрена возможность объединения судебных экспертов в рамках профессиональных союзов. Профессиональные союзы не смогут обеспечить полноценную защиту прав судебных экспертов, которая необходима для соблюдения принципов правосудия, однако они смогут обеспечить возможность эффективного обсуждения и планирования действий, направленных на реформирование сложившейся системы регулирования судебно-экспертной деятельности, в том числе на законодательном уровне.

Ключевые слова: профессиональные союзы, судебный эксперт, объединение, судебно-экспертная деятельность, регулирование.

Chernyavskaya Maria Stanislavovna,

Postgraduate Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

TRADE UNIONS AS A FORM OF ASSOCIATION OF FORENSIC SCIENTISTS

Abstract. At the moment, there is no unified system of forensic science organizations in the Russian Federation. Also there no unified organization to regulate implementation of forensic science activity. In connection with it this article considers the unity of the forensic scientists within trade unions. Trade unions will not be able to provide full protection of the rights of forensic scientists, which is necessary to observance of the principles of justice, but trade unions will be able to provide an opportunity for effective discussion and planning of actions aimed at reforming the existing system of regulation of forensic science activities, including at the legislative level.

Keywords: trade unions, forensic scientist, unity, association, forensic science activities, regulation.

Судебная экспертиза необходима для содействия правосудию, особенно в современных условиях расширения применения новых технологий. Однако чем выше становится потребность в специальных знаниях, тем острее становится проблема нехватки действительно компетентных судебных экспертов, которые, помимо знаний в области науки, техники и ремесла, в полной мере осознают свой процессуальный статус и ограничения, которые он накладывает. Формально эту проблему помогают решить негосударственные судебно-экспертные организации (далее — СЭО), фактически — они часто

усугубляют проблему сложностью определения компетентности судебного эксперта.

Для решения этой проблемы предлагается создание специальных органов, которые могут ограничиваться подтверждением квалификации экспертов или регулировать судебно-экспертную деятельность в целом [1, с. 211; 2, с. 90; 3, с. 114]. Однако их создание потребует значительных усилий, и даже создание квалификационных комиссий потребует масштабной предварительной работы. В первую очередь необходима выработка единых стандартов, а также формирование составов комиссий на принципах межведомственности и участия негосударственных экспертов. Всё это требует обсуждений с участием экспертов всех форм судебно-экспертной деятельности. Таким образом, первоочередным вопросом является осуществление представительства судебных экспертов, их объединения на профессиональной основе.

Для осуществления подобных функций давно предусмотрена работа профессиональных союзов. Профессиональные союзы, в соответствии с законодательством, выполняют такие функции, как:

- представительство работников, защита их социально-трудовых прав и интересов;
- содействие занятости;
- ведение коллективных переговоров и участие в коллективных спорах;
- участие в подготовке и дополнительном образовании.

При этом, в отличие от государственного органа, порядок их создания значительно проще и требует волеизъявления самих экспертов. Помимо осуществления представительства как такового важной функцией профессиональных союзов будет также являться осуществление гарантий принципа независимости судебного эксперта. В первую очередь это будет выражаться в возможности обращения эксперта в профессиональный союз в случае попыток оказания на него давления со стороны руководителя СЭО или же других участников процесса.

Создание профессиональных союзов также позволит лучше контролировать деятельность самих экспертов. Во-первых, это касается возможности введения этических норм, т. к. будет осуществлено объединение экспертов на профессиональной основе. Нарушение этических норм можно рассматривать как допущение действий, наносящих вред профессиональному союзу и его организациям в части подрыва доверия. Во-вторых, это касается возможности формирования реестров, в котором были бы представлены сведения об экспертах. На данный момент эти реестры разрознены, их ведут разные организации по разным основаниям, что может вводить в заблуждение. Например, это касается Судебно-экспертной палаты Российской Федерации, которая предлагает ранжированный рейтинг СЭО, однако в данном реестре

указаны только, те организации, которые подали заявку на включение в него, а кроме того, методика расчета рейтинга полностью не раскрывается [8].

Контроль со стороны профсоюзов может осуществляться и за счет того, что устав профессионального союза предусматривает в обязательном порядке пункт об условиях и порядке принятия в члены в профсоюза. В этих условиях может быть прописано осуществление подготовки или переподготовки для осуществления судебно-экспертной деятельности. При этом у профсоюзов есть право на участие в подготовке и дополнительном профессиональном образовании, в том числе путем создания образовательных и научных организаций. Подобным образом может быть реализован унифицированный подход к образованию судебных экспертов. В уставе также может быть прописана необходимость прохождения повторной сертификации через определенных срок.

Однако следует отметить, что законодательством о профессиональных союзах запрещена дискриминация граждан по признаку принадлежности или непринадлежности к профсоюзам. Принадлежность или непринадлежность к профессиональным союзам не влечет за собой какого-либо ограничения социально-трудовых, политических и иных прав и свобод граждан, гарантируемых Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Поэтому нельзя ставить условие о том, что лицо, которому назначена судебная экспертиза, должно состоять в профессиональном союзе судебных экспертов, а следовательно, у лица не будет обязательств по прохождению переподготовки, соблюдения этических норм, предоставления своих сведений для составления реестра и т. д.

Поэтому необходимо предпринять меры, чтобы членство в профессиональном союзе было бы выгодным для лиц, предполагающих осуществлять судебно-экспертную деятельность. Среди положительных сторон можно отметить следующее: получение защиты интересов от профсоюза; участие в совершенствовании различных аспектов судебно-экспертной деятельности; получение доступа к образовательным программам; внесение своих сведений в реестр. Первый пункт в данной ситуации ситуативный — необходимость им воспользоваться может не возникнуть. Участие в совершенствовании судебно-экспертной деятельности не является приоритетом для большинства судебных экспертов, это прерогатива наиболее компетентных и опытных. Получение доступа к образовательным программам и внесение в реестр будут иметь значение только в том случае, если данные критерии станут учитываться судами и другими участниками процесса.

Однако профессиональные союзы могут иметь решающее значение для реализации принципа независимости судебного эксперта. В первую очередь это касается защиты от давления со стороны руководства. Эксперт получает возможность обратиться в профессиональный союз в таких случаях, при этом не имеет значения, работает ли он в государственной или негосударственной

судебно-экспертной организации; более того, профессиональные союзы могут представлять и экспертов, не являющихся сотрудниками организации в рамках трудовых споров.

Важным вопросом является возможность защиты интересов экспертов, не являющихся сотрудниками организации в случае давления со стороны иных участников процесса. Здесь права профсоюзов несколько ограничены, т. к. возникает не трудовой спор, касающийся отношений работника и работодателя, а иные отношения. Для защиты социально-трудовых и других гражданских прав, а также профессиональных интересов профсоюзы могут создавать юридические службы и консультации, но только для членов профсоюза. В отношении лиц, не являющихся их членами, профсоюзы могут осуществлять помощь только по трудовым спорам¹.

При этом членом профсоюза является или действующий работник, или временно не работающий, или пенсионер. Работником является физическое лицо, работающее в организации на основе трудового договора (контракта), лицо, занимающееся индивидуальной предпринимательской деятельностью, лицо, обучающееся в профессиональной образовательной организации или образовательной организации высшего образования². При этом уже указывалось, что СЭД не может осуществляться в качестве предпринимательской, следовательно, судебный эксперт не имеет права действовать в качестве индивидуального предпринимателя. Таким образом, частный эксперт, не являющийся сотрудником организации, не может являться членом профсоюза в соответствии с нормами федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ, а также принципами судебно-экспертной деятельности. На данный момент возможность осуществления судебно-экспертной деятельности в статусе индивидуального предпринимателя сохраняется, но тенденции развития законодательства показывают³, что в дальнейшем подобное будет маловероятно.

В связи с этим следует отметить проблему определения того, кто именно является судебным экспертом. Большинство определений даются с процессуальной точки зрения, обозначая судебного эксперта как лицо, которому назначено проведение судебной экспертизы, т. е. статус судебного эксперта трактуется как присваиваемый в рамках конкретного процесса, а не постоянно действующий [1, с. 100]. Таким образом, затрудняется проведение различий между лицами, осуществляющими судебно-экспертную дея-

¹ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федер. закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

² Там же.

³ Проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) (текст законопроекта, принятого в первом чтении) [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 13.01.2021).

тельность на постоянной основе, в качестве основной профессиональной деятельности, и теми, кто привлекается в качестве экспертов малое число раз, не имея специальной подготовки, что означает их отношение к иным сферам профессиональной деятельности. При этом к судебно-экспертному сообществу следует относить работников образовательных организаций, ведущих подготовку экспертных кадров, а не только обучающихся. Иными словами, нет определенности в том, кого следует допускать к членству в профессиональном союзе.

Тем не менее, если говорить о профессиональном союзе судебных экспертов, то важна специфика их деятельности. Например, нарушение трудовых прав лица, осуществляющего подготовку экспертных кадров, должно рассматриваться, как нарушение прав преподавателя, а не судебного эксперта. Наибольшей же спецификой работы судебных экспертов является их взаимодействие с правоохранительными органами, которые не носят характера трудовых. Однако в их рамках на эксперта также может оказываться давление. Из этого следует, что судебные эксперты, не являющиеся сотрудниками СЭО, оказываются лишены возможности получения помощи от профсоюзов, если они не являются его членами. В связи с этим именно им наиболее актуально вступление в профессиональный союз. Это же позволит вести учет этих лиц, т. к. часто они выпадают из поля зрения по причине того, что, как правило, они осуществляют сотрудничество с СЭО, но на основании договоров гражданско-правового характера, а не трудовых. Кроме того, именно в рамках профессионального союза они могут пройти обучение, позволяющее приобрести необходимые компетенции, в первую очередь это касается знаний в области права. Штатные же сотрудники СЭО, а также работники сферы образования не вызывают сомнений в части их приверженности профессии.

При этом необходимо сразу обратить внимание на то, что членство в профессиональных союзах не может расцениваться в качестве критерия для назначения судебной экспертизы конкретному судебному эксперту, т. к. это противоречит законодательству. Ввиду этого представляется неправильным указывать информацию о членстве в каких-либо реестрах судебных экспертов. Список членов профессионального союза также не может использоваться для выбора судебного эксперта, т. к. членами профессионального союза, как уже было отмечено, могут быть и лица, не осуществляющие производство судебных экспертиз.

Также, некоторой проблемой может стать привлечение к работе в профессиональном союзе руководителей из государственных судебно-экспертных учреждений (далее — ГСЭУ). С одной стороны, руководителями ГСЭУ, в том числе на уровне отделов по производству конкретного рода (вида) судебных экспертиз, являются наиболее опытные эксперты, чье мнение по вопросам судебно-экспертной деятельности, безусловно, является важным. С другой стороны, именно они способны оказать давление на судебного

эксперта. При этом вопрос допустимости участия работника, занимающего должность руководителя, в работе профессионального союза остается дискуссионным. Верховный суд РФ в Определении от 28 марта 2008 г. по делу № 74-В07-21 пришел к выводу о том, что подобное в силу прямого действия норм международного права, предусмотренного Конституцией РФ, недопустимо¹. Однако в рассматриваемом им деле речь шла о должности, подразумевающей участие в руководстве всей организацией. И даже такие случаи трактуются некоторыми судами как допустимые². В случае же, когда речь идет о руководителе отдела, вопрос становится еще более сложным. В данной ситуации в уставе профсоюзной организации логично прописать ограничения, накладываемые на членов профессионального союза, которые занимают руководящие должности, например, участвовать в рассмотрении трудовых споров в качестве представителей со стороны работников.

Таким образом, профессиональные союзы представляют собой возможный способ организации взаимодействия судебно-экспертного сообщества, до момента создания официальных органов для регулирования судебно-экспертной деятельности, чьи функции и полномочия получают законодательное закрепление. Более того, именно профессиональные союзы могут стать той площадкой, в рамках которой будет осуществляться обсуждение вопроса создания таких органов, а также сопутствующих их созданию действий, например, выработка соответствующей законодательной базы, унификация методического обеспечения и проведение сертификации судебных экспертов. Главным плюсом профессиональных союзов в данной ситуации выступает то, что они могут объединять работников и государственных, и частных СЭО, не делая дополнительных различий между ними, т. к. основой объединения является общность профессии. Помимо этого, личное участие лиц в обсуждениях позволяет в полной мере выявить наиболее активных участников судебно-экспертного сообщества, готовых непосредственно участвовать в развитии института судебной экспертизы. Исходя из этого, возможно их привлечение к законотворческой деятельности и для работы в созданных специализированных органах, регулирующих судебно-экспертную деятельность, по крайней мере на первоначальном этапе. В дальнейшем, после создания таких органов, профессиональные союзы не утратят своей актуальности, т. к. могут содействовать деятельности официальных органов в области

¹ Определение Верховного суда от 28 марта 2008 г. по делу № 74-В07-21 [Электронный ресурс]. — URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=200622 (дата обращения: 13.01.2021).

² Апелляционное определение Иркутского областного суда от 13.01.2015 № 33-196/2015, 33-11014/2014 [Электронный ресурс]. — URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18696437&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 13.01.2021).

судебно-экспертной деятельности, а также в разработке проектов нормативно-правовых актов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Аминев Ф. Г.* Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук / Ф. Г. Аминев. — Ростов-н/Д., 2016. — 482 с.

2. *Зайцева Е. А.* Об Оптимизации регулирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Е. А. Зайцев // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2014. — № 6. — С. 88—94.

3. *Хомутов С. В.* О проблемах обеспечения контроля качества заключений эксперта и специалиста / С. В. Хомутов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (85). — С. 110—115.

УДК. 343.985.4

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-170-177

Шаевич Антон Александрович,

профессор кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

ПРАКТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИСТИКИ: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Аннотация. В статье раскрываются назревшие проблемы и противоречия криминалистической науки, некоторые актуальные направления криминалистических исследований. Обосновывается необходимость актуализации криминалистических исследований и упрочения их связей с практикой, а также рассматриваются перспективы создания и использования криминалистических алгоритмов как одного из механизмов, обеспечивающих возможность использования результатов криминалистических исследований в практической деятельности расследования преступлений.

Ключевые слова: методика расследования, рекомендации по расследованию, следственная практика, криминалистическая методика, криминалистические алгоритмы, алгоритмизация расследования, кризис криминалистики.

Shaevich Anton Aleksandrovich,

Professor of the Department of Criminalistics

of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Law, Associate Professor

PRACTICAL FOCUS OF CRIMINALISTICS: DESIRABLE AND VALID

Abstract. The article reveals the compelling problems and contradictions of forensic science. It reveals some topical areas of forensic research. The author makes the case for updating forensic research and strengthening their links with practice, as well as the prospects for the creation and use of forensic algorithms as one of the mechanisms that ensure the possibility of using the results of forensic research in the practice of crime investigation.

Keywords: investigation methodology, investigation recommendations, investigative practice, forensic methodology, forensic algorithms, investigation algorithms, forensic crisis.

При изучении дисциплины «Криминалистика» обучающимся с самого начала (часто со вполне понятной гордостью) говорят о двух отличительных свойствах этой науки: об интегративности и практической направленности. «Криминалистическая техника и следственная тактика — за последние годы использовали немало возможностей, почерпнутых из специальных наук и обобщения следственной практики, для своего развития» [1, с. 3] — соглашаясь с этим замечанием, сделанным уже более 40 лет назад выдающимся ученым-криминалистом, стоит отметить, что «криминалистическая техника»

и сегодня активно пополняется достижениями других наук, и результаты этого пополнения активно используются на практике, однако совершенствование и развитие «тактики» уже не столь очевидно. Так, совершенно справедливо отмечает Р. Л. Ахмедшин, научная результативность характерна только для криминалистической техники, а реальную результативность криминалистической тактики и криминалистической методики можно охарактеризовать как весьма условную [2, с. 108—109].

В отношении практической направленности удачным представляется высказывание А. Н. Васильева, сделанное им в той же, упомянутой выше, работе: «криминалистика в своих взаимоотношениях с практикой видит свое назначение в том, чтобы выявлять потребности практики и удовлетворять их разработанными криминалистикой приемами и средствами и проверять на практике» [1, с. 45]. Насколько полно данное положение реализуется сегодня, попробуем рассмотреть далее.

В последние годы всё чаще встречаются высказывания относительно кризиса криминалистики, но это касается не только её самой, но и всей юриспруденции в целом, большинства наук, в нее входящих. Однако этот список можно расширить и далее, ведь в соответствующей литературе встречаются высказывания относительно кризиса большинства гуманитарных наук.

Данные обвинения строятся на том, что уже долгое время в науках гуманитарного цикла не было совершено значимых открытий, не было проведено существенных структурных и методических изменений. Осуществляется лишь шлифовка достижений деятелей, чьи имена вошли в историю каждой конкретной науки и её направления. Возможно, эти обвинения в чем-то и оправданны, но полностью согласиться с ними нельзя. Научная мысль и её практическое применение не стоит на месте, развиваются старые идеи, появляются новые, но разглядеть это становится всё сложнее. К сожалению, в последние годы, в свете требований максимально большого количества публикаций от лиц, причастных к преподавательской и научной деятельности, значительно увеличилось количество публикаций, но не их качество. И чем больше выходит текстов по определенным вопросам, тем сложнее найти среди них свежие идеи. Таким образом, можно констатировать тот факт, что значительный процент публикаций представляет собой не новые направления мысли и даже не эффективное усовершенствование и доработку достигнутого ранее, а не всегда удачное копирование, компилирование и перефразирование уже опубликованных материалов в отчаянных попытках победить систему антиплагиата (возможно, и эту статью можно будет отнести к их числу). И этот процесс многократного «клонирования» давно известных смыслов только «хоронит» оригинальные идеи под «ворохом» неудачных копий и подделок.

Вероятно, кому-то предыдущий абзац может показаться излишне резким, но вероятно и то, что кто-то согласится со сделанным в нем утверждением. В качестве примера для его иллюстрации возьмем тему, которую мож-

но назвать самой спорной и противоречивой среди криминалистических и уголовно-процессуальных публикаций (до появления полиграфа как объекта обсуждения в рассматриваемой среде) — исследование запаховых следов. Не возвращаясь к тем временам, когда только начал обсуждаться вопрос о возможности допущения собак в уголовный процесс, ограничимся двумя последними годами — 2018 и 2019. Расширенный запрос публикаций, поступивших в 2018 и 2019 гг., по словосочетанию «запаховые следы», сделанный во второй половине 2020 г. в научной электронной библиотеке Elibrary, выдает 75 результатов. Не желая никого оскорбить и умалить работу авторов этих публикаций (тем более, что не все их тексты доступны в библиотеке, а из доступных не все изучены автором данной публикации), вынуждены констатировать, что выборочное изучение нескольких из них дало свежую и важную информацию о том, что собакам доступны запахи, неуловимые для человеческого обоняния, каждый запах индивидуален, запаховые следы лучше сохраняются в тени и прохладе, работать с такими следами сложнее, чем с другими и т. п. При этом среди них есть статьи, содержащие действительно новые сведения по вопросу. Так, например, статьи П. Б. Панфилова, З. Ю. Панфиловой, Ю. С. Фироновой, описывающие недавно разработанный метод работы с запаховыми следами, позволяющий извлекать качественные запаховые следы с ранее заведомо непригодных объектов, использование которого позволило получить доказательственную информацию по резонансным уголовным делам прошлых лет [3, 4 и др.]. Однако, повторимся: чтобы найти какие-то новые сведения, приходится «продираться» через огромное количество повторенных не раз банальных фактов и утверждений.

В этом плане представляется удачным термином «криминалистическая энтропия», которая, по замечанию Т. В. Шутековой, является препятствием в определении современных возможностей криминалистики [5, с. 262]. Также полностью разделяем мнение Т. В. Шутековой о необходимости проведения централизованной и системной инвентаризации результатов научных криминалистических исследований и реального внедрения их в практику, выявления потребностей практики, координации теоретических и практико-ориентированных исследований [6, с. 255] и других мероприятий по упорядочению «криминалистической энтропии» и повышению эффективности развития и функционирования системы криминалистической науки. Без этого, как ни тавтологично это звучит, практическая направленность криминалистики на практике практически не реализуется.

Вопрос о сложностях внедрения научной продукции криминалистики в практическую деятельность органов внутренних дел, далеко не нов и уже поднимался в работах многих ученых. В уже упомянутой работе, посвященной методикам расследования отдельных видов преступлений, А. Н. Васильев указывает на проблему поднятия научного уровня и практической полезности методики расследования как блока, синтезирующего использование средств криминалистической техники и следственной тактики [1, с. 3].

К сожалению, следует признать, что обозначенная проблема продолжает усугубляться. Можно сказать, что прикладное предназначение этой отрасли научного знания «размывается», и многие исследования проводятся ради самих исследований, не находя применения в реальной деятельности правоохранительных органов.

На такое состояние дел было указано В. Н. Карагодиным, который, по результатам проведенного им опроса следователей, заключил, что подавляющее большинство из них знакомятся с информацией о методиках расследования преступлений нерегулярно, в основном из книг и ведомственных обзоров, рассылаемых в централизованном порядке, а также в процессе личного общения с коллегами. При этом по своей инициативе литературу по методике расследования преступлений из числа опрошенных практически никто не приобретает [7].

Проведенное спустя пять лет после публикации отмеченной статьи В. Н. Карагодина интервьюирование практических работников показало, что, признавая недостаток собственных знаний и опыта в расследовании преступлений в целом, а также производстве конкретных следственных действий в частности, реальную возможность повышения своего профессионального мастерства от изучения монографической или учебной криминалистической литературы, например, тактике проведения следственного осмотра [8], рассматривали единицы. При этом от тех, кто пытался подобным образом повысить свой профессиональный уровень или найти решение конкретной проблемы в своей профессиональной деятельности, чаще всего можно услышать разочарованные отзывы. Эти отзывы сводятся к тому, что достаточно большие объемы текста не содержат конкретной информации по существу вопроса и в целом не отвечают потребностям следственной практики. В свою очередь, многие опрошенные находят удобным руководствоваться краткими методическими рекомендациями, которые содержат конкретные алгоритмы действий. Стоит отметить, что подобные рекомендации, распространяющиеся в пределах ведомства, создаются вне каких-либо институтов, иногда даже коллегами по работе.

Встречается мнение, что недостаточная практическая востребованность рекомендаций криминалистической методики может быть объяснена нежеланием практиков их использовать [7, с. 63]. Допуская возможность единичных случаев, когда сотрудники сознательно будут отказываться использовать полезные советы, помогающие эффективно решать стоящие перед ними задачи, отнесем их к исключительным случаям, вытекающим из недостатков кадрового обеспечения. Справедливости ради стоит отметить, что сотрудники, даже имеющие значительный стаж практической деятельности, выносят для себя что-то новое и полезное для работы из криминалистической литературы, а сталкиваясь с новыми проблемами (состав преступлений, по которому нет опыта работы, новый способ совершения преступления и т. п.) ищут специальную литературу по этой проблеме.

Поэтому отрицать практическое значение криминалистики в целом и криминалистической методике в частности, преждевременно и нелепо. Но проблема есть, и она требует решения, пока авторитет науки окончательно не подорван. Обобщенно проблему можно сформулировать следующим образом: результаты теоретических исследований не удовлетворяют запросов практики или, как заключил В. Н. Карагодин, «качество научных и учебно-методических работ по методике расследования не устраивает потребителя» [7, с. 64].

Причины такой ситуации частично были изложены выше, а также рассматриваются в приведенной статье В. Н. Карагодина и ряде других публикаций [см. напр. 2, с. 109—110 и др.].

Рассматривая перспективы развития криминалистических методик, А. Н. Халик выдвигает предположение о возможности создания нормативных приказов и инструкций, закрепляющих обязательность использования в деятельности органов следствия научно разработанных методик в виде рекомендаций, создания обязательных алгоритмов производства, неукоснительных для выполнения первоначальных следственных и процессуальных действий после возбуждения уголовного дела, а также алгоритмов расследования в той или иной следственной ситуации [9, с. 128]. В чем-то это предложение может показаться привлекательным. Следование нормативно закрепленным алгоритмам может помочь (особенно начинающим, неопытным следователям) избежать ошибок, сомнений, снять с себя ответственность. Однако в этой же статье автор абсолютно верно отмечает, что криминалистическая методика расследования преступлений — постоянно развивающийся прикладной раздел криминалистики, основанный на практике расследования уголовных дел, их теоретическом обобщении и определении новых способов выявления, раскрытия и расследования преступлений [9, с. 133]. Представляется, что отмеченное автором постоянное развитие, затяжной процесс изменения соответствующих предложению НПА (которые неизбежно будут отставать), а также невозможность предусмотреть все варианты реальных следственных ситуаций и обстановки, в которой будет происходить расследование конкретного преступления, делают такой вариант решения проблемы маловероятным. Любой неучтенный методикой элемент может поставить следователя в затруднительное положение, если он не будет иметь свободы выбора действий.

О. С. Кучин также обосновывает мнение о том, что разработанные алгоритмы расследования будут эффективны только в случае установления правового регулирования их применения, т. е. наделения алгоритмов расследования уголовных дел не рекомендательным, а обязательным характером, т. е. сделать их обязательными для следователей и дознавателей. При этом автор отмечает необходимо максимально сохранить творческую и профессиональную самостоятельность следователя и дознавателя в рамках разработанного и нормативно утвержденного алгоритма расследования [10, с. 231].

Как нам представляется, с этим можно было бы согласиться, и это предложение, на самом деле, выглядит привлекательно, однако только в теории. На практике же реализация такого подхода может привести к непредсказуемым последствиям.

К сожалению, как показывает практика, многие, изначально хорошие, идеи своей непродуманной реализацией приносят только вред, а порой приводят к обратному от ожидаемого результату. Примеры этому можно приводить бесконечно, а при условии того, что даже некоторые статьи УПК в разных регионах могут трактовать и применять по-разному, то невозможно представить, в какие формы сможет вылиться нормативное закрепление алгоритмов расследования.

Однако, отрицая целесообразность идеи нормативного закрепления, стоит согласиться с утверждениями о том, что алгоритмизация расследования позволяет выработать у следователя и дознавателя стереотипность действий при расследовании схожих между собой уголовных дел, исходя из криминалистической характеристики преступлений [10, с. 233], а разработка правовых криминалистических алгоритмов расследования преступлений в современных условиях является необходимым и приоритетным направлением деятельности юридической науки в целом [10, с. 234].

Кроме того, если говорить об алгоритмах, то следует признать верным утверждение Р. Л. Ахмедшина о целесообразности подготовки криминалистических рекомендаций, которые будут носить инструктивную форму рекомендаций, предполагающую детализацию тактически обоснованных алгоритмов, ограничивающих по объему теоретические обоснования [11, с. 4], а также тезис, высказываемый Ю. П. Гармаевым о том, что в настоящее время особенно востребованы краткие рекомендации в виде памяток, а также специальных программных продуктов, в том числе в виде приложений для мобильных телефонов, коммуникаторов, планшетных и стационарных компьютеров, ноутбуков [12, с. 212; 13, с. 18 и др.].

Подводя итоги изложенному выше, перспективы дальнейшего развития криминалистики (криминалистической методики, неотрывно от разделов организации расследования и тактики), реализации ее практической направленности через призму алгоритмизации деятельности следователя и дознавателя, видятся не в правовом регулировании алгоритмов деятельности (что, в той или иной мере и так реализуется через ведомственные приказы, инструкции и т. п.), а в комплексном подходе к их разработке и доведению до конечного пользователя. Объем одной публикации не позволяет подробно раскрыть все детали авторского видения проблемы и путей её решения, оставим их более широкое толкование для последующих публикаций. Пока же тезисно вынесем эти предложения на суд заинтересованных читателей.

Криминалистические алгоритмы, безусловно, обладают рядом достоинств и способны стать полезным инструментом, облегчающим и повышающим эффективность профессиональной деятельности, особенно при отсут-

ствии достаточного опыта. Всё же для этого необходимо решить как минимум две задачи.

Первая — разработка алгоритмов. При этом таких алгоритмов может (и, наверное, должно) наличествовать больше одного варианта (и это тоже аргумент против закрепления в качестве обязательного), но не их должно быть слишком много. Пользователь должен иметь возможность ознакомиться с вариантами, чтобы выбрать подходящий случаю, а также ему лично (с учетом личностных свойств, имеющегося технического обеспечения и т. п.), но не запутаться в сотнях противоречивых или повторяющихся (синонимичных, чтобы пройти проверку антиплагиатом) алгоритмов. Эти алгоритмы должны быть реалистичны и адекватны современным условиям расследования преступлений.

Вторая — внедрение в практику. Одно из направлений решения этой задачи освещается в работах Ю. П. Гармаева и уже было упомянуто нами выше. Другое проходит через реализацию криминалистики как учебной дисциплины. И это на данный момент тоже превращается в серьезную проблему. Не зря критические отзывы о подготовке обучающихся к практической деятельности расследования преступлений можно услышать не только от действующих сотрудников, но и ученые криминалисты отмечают, что криминалистическое обучение в высшей школе с трудом можно назвать криминалистическим образованием, т. к. де-факто оно заменено криминалистической подготовкой на основе пересказывания текстов учебников, большинство из которых «застряло» в прошлом веке [14, с. 137].

Обучающиеся должны не только получать представления об абстрактных рекомендациях (что тоже полезно, особенно когда накладывается на уже приобретенный опыт, и эти абстракции конкретизируются в сознании реципиента), а должны овладевать типовыми алгоритмами действий для достижения конкретных целей расследования преступления. Однако данный вопрос требует уже более подробного рассмотрения. Стоит только добавить, что при этом возникают и новые требования к учебно-методическому обеспечению. Так, например, представляется перспективным подходом учебное пособие по методике расследования конкретного вида преступления снабжать приложением в виде криминалистических алгоритмов, конкретизирующих теоретические выкладки, содержащиеся в пособии.

В заключение хочется отметить, что данная статья продиктована не желанием принизить статус и значение самой криминалистики, а является попыткой вплести свой голос в хор ученых-криминалистов, указывающих на процессы, подрывающие статус науки и учебной дисциплины прикладного характера, которая в последнее время теряет свое прикладное значение и доверие практических сотрудников, невзирая на то, что основной её задачей является содействие правоохранительным органам в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений / А. Н. Васильев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 72 с.
2. *Ахмедшин Р. Л.* Причины кризисного состояния криминалистической науки / Р. Л. Ахмедшин // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст. по итогам всерос. науч.-практ. конф. — 2017. — С. 108—110.
3. *Панфилов П. Б., Панфилова З. Ю., Фиронова Ю. С.* Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения: инициативные научные исследования и результаты их применения в экспертной практике / П. Б. Панфилов, З. Ю. Панфилов, Ю. С. Фиронова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1 (88). — С. 105—113.
4. *Панфилов П. Б.* О практике подготовки и назначения ольфакторной судебной экспертизы при расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет / П. Б. Панфилов // Вестник криминалистики. — № 3 (71). — М., 2019. — С. 30—45.
5. *Шутемова Т. В.* Особенности использования прокурором криминалистической техники в уголовном судопроизводстве / Т. В. Шутемова // Вестник ВУиГ. — 2020. — Т. 1. — № 2 (95). — С. 258—266.
6. *Шутемова Т. В.* Криминалистика: кризис и (или) переход к новому этапу / Т. В. Шутемова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2016. — № 3 (26). — С. 253—259.
7. *Карагодин В. Н.* Проблемы разработки и внедрения в следственную практику частных методик расследования преступлений / В. Н. Карагодин // Криминалистические чтения на Байкале — 2015: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2015. — С. 62—66.
8. *Грибунов О. П., Трубкина О. В., Третьякова Е. И.* Тактические особенности проведения следственного осмотра: учеб. пособ. — Иркутск, 2016. — 92 с.
9. *Халиков А. Н.* Перспективы развития криминалистической методики расследования / А. Н. Халиков // Вестник УЮИ. — 2020. — № 3 (89). — С. 127—133.
10. *Кучин О. С.* О правовой регламентации криминалистических алгоритмов предварительного расследования / О. С. Кучин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 5 (16). — С. 226—235.
11. *Ахмедшин Р. Л.* Тактика коммуникативных следственных действий / Р. Л. Ахмедшин. — Томск: Изд. дом ТГУ, 2014. — 294 с.
12. *Гармаев Ю. П.* Проблемы внедрения криминалистических методик расследования в практику / Ю. П. Гармаев // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов: сб. науч. ст. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию образования ФНПР и 110-летию профсоюзного движения. — Бурятский филиал Академии труда и социальных отношений. — 2016. — С. 208—213.
13. *Гармаев Ю. П.* Криминалистическая методика в эпоху информационного общества / Ю. П. Гармаев // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития: доклады междунар. науч.-практ. конф., посв. 35-летию каф. криминалистики Ин-та права БашГУ. Башкирский государственный университет. — 2017. — С. 12—21.
14. *Комаров И. М.* Несколько простых тезисов о современной криминалистической дидактике / И. М. Комаров // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст. по итогам всерос. науч.-практ. конф. — 2017. — С. 136—137.

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-178-185

Щербаченко Александр Константинович,

доцент кафедры криминалистики и ОРД

Ростовского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

ТАКТИКА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности допроса при расследовании мошенничеств, совершённых группой лиц.

Цифровые коллаборации в обществе влияют на содержание как конструктивных для социума последствий, так и явлений разрушительного характера, к последним относится преступность. Преступность трансформируется путем появления новых способов совершения и сокрытия преступлений. Особенно появление новых способов преступлений в мировом пространстве связано с совершением мошенничеств, которые, как правило, носят группой характер. Объектом статьи выступает деятельность субъектов предварительного расследования при осуществлении допросов свидетелей мошенничества, совершённого группой лиц. Предметом выступают закономерности раскрытия и расследования мошенничеств, совершённых группой лиц.

Ключевые слова: криминалистика, допрос, свидетель, методика, ситуации, тактический прием.

Scherbachenko Aleksandr Konstantinovich,

Assistant Professor of the Chair of Criminalistics

and Operational-Investigative Activities

of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

Candidate of Law

INTERROGATION TACTICS OF WITNESSES IN THE INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED BY A GROUP OF INDIVIDUALS

Abstract. The article discusses some features of interrogation in the investigation of fraud committed by a group of individuals.

Digital collaborations in society affect the content of both constructive consequences for the Russian society and destructive phenomena, the latter include crime. Crime is transformed due to new modus operandi and concealing a crime. In particular, the creation of new modus operandi in the world space of developed countries is associated with the commission of fraud, which, as a rule, is of a group nature. The object of the article is the activity of subjects of preliminary investigation during the interrogation of witnesses of fraud committed by a group of persons.

The subject is the regularities of detection and investigation of fraud committed by a group of individuals.

Keywords: criminalistics, interrogation, witness, methods, situations, tactics.

Эффективное и качественное раскрытие, расследование и предупреждение мошенничеств, совершённых группой лиц, зависит от тактико-криминалистического обеспечения [1].

Среди следственных действий при расследовании мошенничеств, совершённых группой лиц, особое значение имеет допрос (64,3 % от всех из изученных нами следственных действий). Это связано с тем, что расследование мошенничеств, совершённых группой, невозможно без допроса свидетелей, потерпевшего, участников группы. Интервьюирование, проведенное в рамках формирования теоретических и прикладных основ базовой методики раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершённых группой лиц, показало, что для 60 % следователей и дознавателей занимает 85 % рабочего времени подготовка и осуществление допросов различных лиц. Также допрос выступает неотъемлемой частью большинства криминалистических операций при их проведении как на первоначальном, так и на последующем этапе расследования.

Следует иметь в виду, что допросы, включающие отсутствие последующей проверки фактических данных и доводов допрашиваемых лиц, приводят к изменению показаний при рассмотрении их в суде либо наказанию невиновных или оправданию виновных в мошенничестве, совершённом группой лиц.

Анализ, проведенный в ходе исследования уголовных дел, показал, что, несмотря на распространенность данного следственного действия, количество тактических ошибок и различных нарушений происходит при подготовке, осуществлении рабочей и заключительной части допроса свидетелей. Такие негативные процессы связаны с изменениями и вызовами современной эпохи.

Подготовка к допросу свидетелей мошенничеств, совершённых группой лиц. Исследование уголовных дел показало, что количественно можно выделить следующие типы свидетелей мошенничеств, совершённых группой лиц:

- добросовестные свидетели (67,3 %);
- недобросовестные свидетели (22,2 %);
- добросовестно заблуждающиеся свидетели (11,5 %).

Интервьюирование следователей показало, что не все они используют криминалистические разработки подготовки к допросу свидетелей. Наиболее распространены, по мнению респондентов, следующие мероприятия при подготовке к допросу:

- изучение личности;

- поручение и проведение ОРМ;
- аналитическая работа с материалами уголовного дела;
- систематизация сведений о свидетеле;
- планирование тактических комбинаций;
- оптимизация времени и места допроса;
- установление долгосрочного психологического контакта;
- нейтрализация возможного или реального противодействия.

Отметим, что в практике расследования мошенничеств, совершённых группой лиц, всё еще встречается практика замены свободного рассказа на допрос в форме «вопрос-ответ». О недопустимости такой практики писал ведущий теоретик криминалистических и процессуальных аспектов допроса Н. И. Порубов, поскольку возникают «существенные проблемы в показаниях, подменяется действительное на желаемое, возникает возможность раскрыть наличие или отсутствие доказательств для недобросовестных свидетелей» [2]. Эти и многие другие проблемы возникают благодаря поверхностному отношению к мероприятиям, связанным с подготовкой к допросу свидетелей по делам о мошенничествах, совершённых группой лиц. Такое происходит по причине того, что вместо системы мероприятий процессуального и непроцессуального характера, осуществляется поверхностный, хаотичный допрос в форме «вопрос-ответ». Указанный подход нарушает не только правила свободного рассказа, но и последующий арсенал детализации и конкретизации показаний, а также уходит возможность установления психологического контакта до приговора суда, не учитывается противодействие расследованию со стороны участников мошенничеств, совершённых группой лиц (подкуп, шантаж, угрозы).

Тактика допроса свидетелей мошенничеств, совершённых группой лиц, как средство проверки криминалистических версий [3], напрямую зависит от типичных исходных и других следственных ситуаций:

- преступная группа или основные участники задержаны при или непосредственно после совершения мошенничества;
- задержан мошенник, и достаточно информации о совершении группой лиц;
- задержан мошенник, и информация о совершении группой лиц носит ориентирующий характер;
- задержан мошенник, но информация о нем и совершении группой лиц отсутствует;
- мошенничество совершено группой неизвестных;
- совершено хищение с признаками мошенничества.

На тактические особенности производства допроса свидетелей, наряду с ситуационным подходом, влияет характер и степень направленности добросовестности в показаниях таких лиц, а также свойства таких личностей [4].

Тактические особенности допроса свидетелей при раскрытии, расследовании мошенничеств, совершённых группой лиц. В среднем на один успешно расследованный эпизод мошенничества, совершённого группой лиц, приходится три добросовестных и один недобросовестный свидетель, а каждый десятый свидетель добросовестно заблуждается относительно механизма мошенничества, совершённого группой лиц, и последующих за ним событий.

Количественное превосходство добросовестных свидетелей над недобросовестными не отражает в достаточной степени информативных трансформаций, происходящих в объективной действительности. Не в каждом случае допроса добросовестные свидетели раскрывают все обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ. По результатам интервьюирования, большинство субъектов предварительного расследования отметили, что добросовестные свидетели зачастую изначально дают показания неохотно, отрывисто, ссылаются на забывчивость, плохое самочувствие или занятость в работе или жизни.

Среди наиболее эффективных тактических приемов допроса добросовестных свидетелей по делам о мошенничествах, совершённых группой лиц, можно назвать:

- установление и поддержание психологического контакта (предварительная беседа, уравнивание психологического состояния свидетеля);
- свободный рассказ в хронологическом порядке;
- свободный рассказ от общего к частному.

На вопросно-ответной стадии традиционно применяются тактические приемы и их комбинации:

- 1) детализация и конкретизация показаний по:
 - способам хищения путем мошенничества;
 - размеру ущерба;
 - действиям участников группы;
 - стадиям мошеннической преступной деятельности;
 - возникновению следовой информации в связи с механизмом мошенничества, совершённого группой лиц;

- 2) иные информационные элементы, связанные с криминалистической характеристикой мошенничеств, совершённых группой лиц.

Вероятностные зависимости в базовой криминалистической характеристики мошенничеств, совершённых группой лиц, для соответствующей методики дают возможность повысить качество не только версионной работы субъектов предварительного расследования на основе и за счет типовых версий, но и провести их проверку [5].

Считаем, что имеющийся в практике раскрытия и расследования мошенничеств, совершённых группой лиц, тактический прием ознакомления свидетелей с данными ранее показаниями необходимо использовать крайне

аккуратно и взвешенно. В данном случае детализация на допросе добросовестных свидетелей должна происходить без осведомления источников получения информации. В этом случае, по нашему мнению, оптимально использовать тактику повторных и последующих допросов либо комбинацию следственных действий, включающих очную ставку при раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничеств [6; 7].

Показания недобросовестных свидетелей или добросовестное заблуждение связаны с воздействием, направленным на поддержание разработанной линии участников группы, совершивших мошенничество, и, как правило, выражаются в стремлении:

- исключить информацию о совершении мошенничества группой лиц (в этой ситуации один из участников признаётся в совершении мошенничества самостоятельно, исключая групповой характер);
- скрыть фактических участников мошенничества, совершённого группой лиц;
- убедить в отсутствии признаков хищения путем мошенничества;
- дискредитировать потерпевшего или доказательства;
- вовлечь ложную информацию о невиновности соучастников.

Научное обеспечение борьбы с ложью для криминалистики является актуальной задачей.

Изобличение во лжи как свидетелей, так и соучастников мошенничества связано с нейтрализацией противодействия в форме фальсификации информации или связанного с ним и оказанного воздействия как на будущих лжесвидетелей, так и возможных лиц, которые добросовестно будут заблуждаться о событии мошенничества, совершённого группой лиц.

Тактика изобличения лжесвидетелей мошенничеств, совершённых группой, связана с группой тактических приемов — «предъявление доказательств» и «детализация показаний».

Как показывает проведенное исследование, причиной добросовестного заблуждения свидетелей относительно событий, связанных с мошенничеством, совершённым группой лиц, выступают факторы:

1. Объективного характера:

- умышленные маскирующие действия мошенников при подготовке, совершении и сокрытии (придание действиям псевдозаконного характера);
- способы обмана и злоупотребления доверием, сопряжённые с психологическими приемами манипулирования памяти и сознания;
- ранее неизвестные способы обмана и злоупотребления доверием, сопряжённые с цифровыми технологиями;
- использование технологий, влияющих на возможности восприятия и запоминания (например, фишинг);
- быстротечность или, наоборот, продолжительность мошенничества, совершённого группой лиц;

— большое количество действий правового и неправого характера мошенников в различных местах;

— иные факторы.

2. Субъективного характера:

2.1. Виктимное поведение жертвы мошенничества:

— характеристика деятельности и поведения жертвы носит провокационный — нейтральный — защитный характер;

— как следствие связи «жертва-мошенник»;

— финансовое состояние и поведение жертвы (высокое финансовое состояние и его активная пропаганда в социальной действительности; высокое финансовое состояние, но при этом скрытость финансовой состоятельности в поведении; выше среднего финансовое состояние и его активная пропаганда в социальной действительности; выше среднего финансовое состояние, но при этом скрытость финансовой состоятельности в поведении; среднее или ниже среднего финансовое состояние и активная пропаганда псевдосостоятельности в социальной действительности);

— личностные характеристики (социальные; криминологические; психологические; физиологические; криминалистические; другие);

— состояние жертвы в криминальный и посткриминальный периоды (объективно воспринимала действительность; необъективно воспринимала действительность).

2.2. Обычные жизненные ситуации и обстоятельства.

2.3. Иные субъективные факторы.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться и на особенностях свободного рассказа при допросе добросовестно заблуждающихся свидетелей относительно событий, связанных с мошенничеством, совершённом группой лиц.

При допросе добросовестно заблуждающихся свидетелей относительно событий, связанных с мошенничеством, совершённым группой лиц, достаточно эффективным является следующий порядок свободного рассказа:

— обратно хронологический;

— по эпизодам мошенничеств, совершённых группой лиц;

— по действиям участников события преступления.

Для добросовестно заблуждающихся свидетелей особое значение приобретает установление психологического контакта до вынесения приговора суда.

В ходе вопросно-ответной стадии допроса таких свидетелей тактически обоснованным является применение следующих приёмов:

— припоминание фактов и событий, предшествующих заблуждениям;

— вопросы, активизирующие ассоциативные связи;

— предъявление объектов, связанных с мошенничеством;

— акценты на логические неточности и противоречия.

Прежде чем сделать выводы, отметим, что необходимо максимально использовать криминалистические средства и методы, наработанные учеными-криминалистами в области раскрытия и расследования преступлений [8; 9; 10].

Итак, проведенная работа в рамках данной статьи позволила сделать следующие выводы.

Дигитализация экономики, реформирование законодательства, регулярное появление новых способов мошенничеств, наличие тактических ошибок при проведении допроса по исследуемой категории уголовных дел предполагает необходимость изучения допроса свидетелей как составной части разрабатываемой нами базовой методики.

Наиболее распространены следующие типы свидетелей мошенничеств, совершённых группой лиц: добросовестные свидетели; недобросовестные свидетели; добросовестно заблуждающиеся свидетели.

Существуют серьезные недостатки при подготовке (а порой и отсутствие таковой) к допросу всех видов свидетелей.

Особенности и содержание вопросов при детализации показаний добросовестных свидетелей также зависит от уголовно-правовой характеристики мошенничеств (ст.ст. 159, 15.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ).

Изобличение лжесвидетелей мошенничеств, совершённых группой лиц, — процесс сложный и, как правило, реализуемый в рамках криминалистических операций, требующий рассмотрения отдельно, в связи с объемом и значимостью.

Причины добросовестного заблуждения свидетелей относительно событий, связанных с мошенничеством, совершённым группой лиц, выступают факторы объективного и субъективного характера, которые необходимо использовать для подготовки и проведения допроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Щербаченко А. К. Концептуальные основы формирования базовой методики расследования мошенничеств, совершенных группой лиц / А. К. Щербаченко // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2019. — № 3. — С. 155—162.
2. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. — М., 1998. — С. 104.
3. Варданян А. В. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: учеб. пособ. / А. В. Варданян, О. П. Грибунов, П. А. Капустюк, А. Л. Пермяков. — Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД России, 2018. — 92 с.
4. Варданян А. В. «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования / А. В. Варданян // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию проф. Л. Л. Каневского. — Уфа, 2019. — С. 19—25.

5. Айвазова О. В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики / О. В. Айвазова // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 153—157.

6. Варданян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности / А. В. Варданян // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 430. — С. 169—173.

7. Варданян А. В. Формирование типичных следственных версий как организационно-методический аспект повышения результативности расследования насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства / А. В. Варданян // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. науч. тр. участников междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-н/Д., 2018. — С. 7—13.

8. Варданян А. А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности / А. А. Варданян // Философия права. — 2011. — № 3 (46). — С. 106—109.

9. Варданян Г. А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики / Г. А. Варданян // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1—2. — С. 250—258.

10. Варданян А. В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты / А. В. Варданян // Вестник уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (85). — С. 56—62.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-186-193

Вастьянова Олеся Дмитриевна,

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗАПРЕТОВ, УСТАНОВЛИВАЕМЫХ В СВЯЗИ С ИЗБРАНИЕМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА, ПРИМЕНЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье анализируются особенности избрания и применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, административного надзора и наказания в виде ограничения свободы. Отмечается сходство нормативно-правовой сущности указанных запретов и ограничений, регламентируемых УПК РФ, УИК РФ, УК РФ. Систематизированы характерные отличия в исполнении ограничений, обусловленные основаниями и целями избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий, административного надзора и наказания в виде ограничения свободы, что также отражается на специфических правовых последствиях их нарушения. Рассматриваются общие проблемы, связанные с осуществлением контроля за применением указанных мер. Приводятся статистические данные. Особое внимание уделяется анализу причин низкой эффективности и регулярности избрания административного надзора и меры пресечения в виде запрета определенных действий. Обоснован вывод о необходимости законодательной доработки правовых норм, регламентирующих исполнение меры пресечения в виде запрета определенных действий, административного надзора и наказания в виде ограничения свободы

Ключевые слова: эффективность применения мер пресечения, контроль за запретами и ограничениями, запрет определенных действий, административный надзор, наказание в виде лишения свободы.

Vastyanova Olesya Dmitrievna,

adjunct of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

THE DELINEATION OF THE PROHIBITIONS ESTABLISHED IN REGARD WITH THE USE OF PRE-TRIAL CONSTRAINTS, THE PURPOSES OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION, USE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM

Abstract. The article analyzes the peculiarities of choosing and applying pre-trial constraints as a prohibition of certain actions, administrative supervision and punishment in the form of restriction of freedom. The author notes similarities of legislative nature of identified prohibitions and restrictions regulated by the Russian code of criminal procedure, the Russian penal enforcement code, the Russian criminal code. The characteristic differences in the execution of restrictions due to the conditions, grounds and purposes of choosing pre-trial constraints as a prohibition of certain actions, administrative supervision and punishment in the form of restriction of freedom are systematized, which also af-

fects the specific legal consequences of their violation. General problems related to the implementation of control over the application of these measures are considered. The author provides statistics. Particular attention is paid to the analysis of the reasons for the low efficiency and regularity of the election of administrative supervision and preventive measures in the form of a ban on certain actions. The conclusion about the need for legislative revision of the legal norms regulating the execution of a preventive measure in the form of a ban on certain actions, administrative supervision and punishment in the form of restriction of freedom is reached.

Keywords: effectiveness of the pre-trial constraints, control over prohibitions and restrictions, prohibition of certain actions, administrative supervision, penalty of deprivation of liberty.

Мера пресечения в виде запрета определенных действий вызывает неоднозначное к ней отношение со стороны ученых и практиков. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Е. Ларкина, запрет определенных действий представляет собой определенную модификацию домашнего ареста за счет трансформации системы ограничений и запретов и установления новых запретов, которые, по сути, схожи с наказаниями [1, 114].

Статья 105.1 УПК РФ содержит следующие запреты и ограничения в отношении обвиняемого (подозреваемого):

1. Выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2. Находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3. Общаться с определенными лицами;

4. Отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5. Использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

6. Управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершённое преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Запреты и ограничения, предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ, могут быть применены по решению суда как в качестве основной меры пресечения, так и в виде дополнительных запретов и ограничений наряду с домашним арестом и залогом. Таким образом, введение в уголовно-процессуальное законодательство запрета определенных действий как меры пресечения создало правовые предпосылки к комплексному их применению [2, с. 107].

Ограничения, аналогичные предусмотренным ст. 105.1 УПК РФ, устанавливаются и в рамках осуществления административного надзора в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступ-

лений при рецидиве, а также за совершение умышленного преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ст. 173.1 УИК РФ).

Административный надзор не является наказанием, это профилактическая мера, связанная с определенными ограничениями, предусмотренными ст. 4 федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»:

- 1) запрет пребывания в определенных местах;
- 2) запрет посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- 3) запрет пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрет выезда за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации.

Иными словами, административный надзор включает в себя мероприятия, направленные на недопущение повторных противоправных действий со стороны лица, отбывшего наказание.

Правовую основу административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, также составляют ст. 173.1 УИК РФ, а также приказ МВД РФ от 08.07.2011 № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Кроме того, некоторые положения, касающиеся административного надзора за освобожденными из мест лишения свободы, содержатся в Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей, утвержденной приказом МВД России РФ от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». В частности, в п. 9.6 Инструкции указано, что на участкового уполномоченного полиции возлагается задача по осуществлению наблюдения за соблюдением лицами, состоящими под административным надзором, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими предусмотренных ФЗ от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» обязанностей.

В настоящее время административный надзор является единственной формой постпенитенциарного контроля, осуществляемого в отношении лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Запреты и ограничения, устанавливаемые лицу в связи с избранием меры пресечения в виде запрета определенных действий, фактически тождест-

венны ограничениям при осуществлении административного надзора и назначении наказания в виде ограничения свободы.

Наказание — мера государственного принуждения, которая является одной из форм реализации уголовной ответственности. С помощью наказания государство принуждает лицо, совершившее преступление, к законопослушному поведению, соблюдению уголовных запретов. Одним из видов наказания является ограничение свободы, которое применяется как основное и дополнительное наказание, не предполагает нахождение лица в исправительных учреждениях, но влечет ряд ограничений для осуждённого.

Согласно ст. 53 УК РФ, в качестве наказания могут быть назначены следующие виды запретов и ограничений: запрет ухода из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; запрет посещать определенные места, а также выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования; запрет посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в таких мероприятиях; запрет изменения места жительства или пребывания, работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. Также на осужденного возлагается обязанность являться в специализированный государственный орган для регистрации с установленной периодичностью.

Схожие черты запрета определенных действий как меры пресечения, административного надзора и наказания в виде ограничения свободы проявляются в содержании таких ограничений, как запрет пребывать вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания лица, в определенное время суток; запрет пребывать и находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них.

При схожести запретов и ограничений, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, ст. 173.1 УИК РФ, ст. 53 УК РФ, имеются отличия в целях их применения. Цель запрета определенных действий направлена на предупреждение или пресечение уклонения от дознания, следствия или суда, продолжения преступной деятельности либо воспрепятствования производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

Административный надзор устанавливается для предупреждения совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов. Цели применения наказания в виде ограничения свободы строго направлены на исправление осуждённого путем применения средств, установленных ст. 9 УИК РФ, для восстановления социальной справедливости, а также предупреждения совершения новых преступлений. Таким образом, запрет

определенных действий, административный надзор, ограничение свободы преследуют и одну общую цель: предотвращение возможного противоправного поведения лица.

Мера пресечения в виде запрета определенных действий применяется при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый или подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, воспрепятствует производству по уголовному делу или будет продолжать преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения приговора.

Административный надзор устанавливается при наличии оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 3 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, при рецидиве преступлений; умышленных преступлений в отношении несовершеннолетних; двух и более преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ.

Ограничение свободы назначается судом на основании ст. 53 УК РФ в отношении осуждённых за преступления небольшой и средней тяжести в качестве основного вида наказания на срок от 2 до 4 лет. Ограничение свободы как дополнительный вид наказания к принудительным работам или лишению свободы назначается судом на срок от 2 до 6 лет.

Запреты и ограничения, устанавливаемые запретом определенных действий, административным надзором и ограничением свободы, применяются только по решению суда. Следует отметить, что исключительная компетенция суда по принятию решения о применении меры пресечения, административного надзора, ограничения свободы как меры наказания связано с тем, что последние предусматривают ограничения конституционных прав (например, права на свободу передвижения), а также предусматривают серьезную степень воздействия на граждан. Однако в первом случае они касаются обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления, во втором — лиц, уже отбывших наказание, в третьем — осуждённых.

Определённые особенности применения ограничений зависят от данных о личности обвиняемого (подозреваемого) или осуждённого. В частности, запрет определенных действий в качестве меры пресечения применяется с учетом сведений о личности, указанных в ст. 99 УПК РФ (например, состояние здоровья, семейное положение, род занятий), и может быть применен в отношении лица, не достигшего совершеннолетнего возраста. Административный надзор может быть установлен только при наличии у осуждённого к лишению свободы, достигшего 18-летнего возраста, неснятой или непогашенной судимости. В обязательном порядке административный надзор устанавливается за осуждёнными, которые совершили преступления против по-

ловой неприкосновенности детей и подростков до 18 лет, а также при опасном и особо опасном рецидиве преступлений. При установлении административного надзора судом учитываются следующие обстоятельства: характер и тяжесть совершённого ранее преступления; поведение в местах лишения свободы (т. е. учитывают характеристику, выданную по месту отбывания наказания); семейное положение, родственные отношения; место работы и должность; график работы или учёбы; состояние здоровья; поведение и образ жизни в быту, иные обстоятельства.

Следует учесть правовые последствия нарушения запретов и ограничений, предусмотренных запретом определенных действий, административным надзором и ограничением свободы. При нарушении условий меры пресечения в виде запрета определенных действий в отношении обвиняемого (подозреваемого) может быть применена более строгая мера пресечения. Несоблюдение административных ограничений, а также невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния, влекут назначение в отношении лица административной ответственности в соответствии со ст. 19.24 КоАП РФ. Уголовная ответственность предусмотрена ст. 314.1 УК РФ в случае установления в действиях (бездействии) осуждённого признаков уголовно наказуемого деяния [3, с. 72]. В случае злостного уклонения осуждённого от отбывания ограничения свободы суд может заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы.

Необходимо отметить, что у административного надзора и запрета определенных действий имеется сходство, выражающееся в том, что применяемые в их рамках ограничения прав и свобод гражданина носят временный характер. Так, мера пресечения в виде запрета определенных действий применяется исключительно до момента вынесения судом приговора по уголовному делу, при административном надзоре — на срок, установленный для погашения судимости. Мера наказания в виде ограничения свободы действует согласно срокам, которые указаны в приговоре суда, и прекращает свое действие при его исполнении.

Порядок зачета сроков действия ограничения свободы как основного вида наказания и сроков действия запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, аналогичны, поскольку законодатель в каждом случае предусмотрел засчитывать два дня ограничений за один день содержания под стражей.

Представляется, что содержание некоторых действующих уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм в российском законодательстве аналогично, что выражается в одинаковом описании процесса исполнения таких норм. Так, контроль за исполнением запретов и ограничений, предусмотренных мерой пресечения в виде запрета определенных действий, возложен на федеральную службу исполнения наказаний, что регламентировано

совместным приказом Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России от 31.08.2020 № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог». Надзор за осуждённым, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, производится уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства (ч. 7 ст. 16 УИК РФ). При отсутствии специализированного подразделения по осуществлению административного надзора эти обязанности обычно выполняются соответствующей службой участковых уполномоченных полиции.

Обращает на себя внимание очевидное сходство проблем контроля за исполнением отдельных ограничений, назначаемых при применении запрета определенных действий, ограничения свободы, административного надзора.

Согласно статистическим данным, за 2019 г. ограничение свободы назначалось судом в отношении осуждённых 21 тыс. 118 раз, ходатайств о замене неотбытой части наказания на лишение свободы поступило 5 тыс. 428 раз (25 %), из них было удовлетворено 2 тыс. 585 (5,4 %). В случае избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий за аналогичный период поступило 1 тыс. 419 ходатайств, из них удовлетворено и впоследствии продлено по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ без замены на более строгую меру пресечения 1 тыс. 246 (87 %).

Иная ситуация складывается с административным надзором. Эффективность административного надзора в настоящее время достаточно низкая. Так, по данным, предоставленным ЦСИ ГИАЦ МВД России по г. Иркутску, в 2019 г. в отношении 445 лиц, освобожденных из мест лишения свободы, установлен административный надзор, из них по инициативе исправительного учреждения внесено 327 (73,5 %) представлений, по инициативе сотрудников органов внутренних дел — 118 (26,5 %). Впоследствии рассмотрена 1 тыс. 74 (24,1 %) материала о несоблюдении поднадзорными ограничений и невыполнении ими обязанностей, установленных при административном надзоре в соответствии со ст. 19.24 КоАП РФ, из них 822 лица подвергнуты наказанию в виде штрафа, 84 привлечены к административному аресту, 134 лица привлечены к обязательным работам, в отношении 20 лиц вынесено предупреждение.

Исследуя низкую эффективность административного надзора, Н. В. Темникова в своем диссертационном исследовании верно выделила причины и условия, отрицательно влияющие на исполнение административного надзора. К основным из таких причин автор отнесла недостатки в материально-техническом обеспечении органов внутренних дел средствами тех-

нического контроля и надзора [4, с. 3]. В связи с чем представляется необходимым законодательное закрепление использования органами внутренних дел при осуществлении административного надзора комплекса технических средств надзора и контроля. Следует отметить, что в целях повышения эффективности административного надзора необходимо разрешить проблему его реализации, выражающуюся в отсутствии индивидуального подхода к поднадзорным. Так, П. В. Тепляшин предлагает более дифференцированно устанавливать административные ограничения, основываясь на условиях отбывания наказания [5, с. 17].

Анализируя вышеизложенное, учитывая специфику исполнения запретов и ограничений, предусмотренных мерой пресечения в виде запрета определенных действий, а также административным надзором и ограничением свободы, полагаем, что наиболее детально проработан порядок исполнения наказания. По нашему мнению, это обусловлено длительной историей функционирования и эволюцией данного правового института, а также необходимостью детальной регламентации полномочий правоохранительных органов и прав участников уголовного процесса в интересах расследования. Это же подтверждает статистика. Введение запрета определенных действий состоялось относительно недавно и, несмотря на активное обсуждение обоснованности и целесообразности данной новеллы правоведами, назначается данная мера пресечения правоприменителями достаточно активно как в качестве основной, так и дополнительной. Административный надзор демонстрирует низкую эффективность, причинами чего являются: недостаточное оснащение в материально-техническом обеспечении органов внутренних дел средствами технического контроля и надзора.

В целях повышения эффективности применения запретов, устанавливаемых в связи с избранием меры пресечения, осуществлением административного надзора, применением наказания в виде ограничения свободы, считаем необходимым на законодательном уровне рассмотреть вопрос о систематизации и разграничении полномочий сотрудников ФСИН России и МВД России, направленных на исполнение решений суда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ларкина Е. В. Новая мера пресечения — запрет определенных действий / Е. В. Ларкина // Уголовное право. — 2018. — № 4. — С. 113—117.
2. Марковичева Е. В. Запрет определенных действий как основа избрания комбинированных мер пресечения / Е. В. Марковичев // Уголовное право. — 2019. — № 2. — С. 107—111.
3. Бархатова Е. Н. Вопросы законодательной конструкции и особенности применения на практике статьи 314.1 УК РФ / Е. Н. Бархатова // Lex Russica. — 2018. — № 7 (140). — С. 72—79.
4. Темникова Н. В. Предупреждение преступлений поднадзорных лиц: дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Темникова. — М., 2016. — 204 с.
5. Тепляшин П. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / П. В. Тепляшин // Законность. — 2011. — № 10. — С. 16—19.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-194-197

Ляхов Юрий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Южного федерального университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА — ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье обосновывается необходимость развития российского уголовного процесса в соответствии с его гуманной сущностью. Гуманизация уголовного процесса представляет собой все более полное воплощение в реальность его сущности.

Ключевые слова: сущность уголовного процесса, гуманизм уголовного судопроизводства, права участников процесса, незаконный ведомственный интерес, уголовно-процессуальные гарантии.

Lyakhov Yuri Alekseevich,

Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Faculty of Law of the Southern Federal University,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

HUMANIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS — THE GENERAL TASK OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article justifies the need to develop the Russian criminal process in accordance with its humane essence. The humanization of the criminal process is an increasingly complete realization of its essence.

Keywords: essence of criminal process, humanism of criminal proceedings, rights of participants in the process, illegal departmental interest, criminal procedural guarantees.

Гуманизм как оптимальная обеспеченность прав личности в соответствующей отрасли права для уголовного процесса является понятиеобразующим принципом. Специфика уголовного процесса, его сущности такова, что без правовой обеспеченности всех участников уголовного процесса нет и самого уголовного процесса.

Необходимость в уголовном процессе и его появление в обществе и государстве обычно связывают с необходимостью борьбы с преступлениями (преступностью). Это в определенной мере правильно, но только этим объяснять появление уголовного процесса ошибочно. Такое упрощенное понятие не позволяет раскрыть сущность уголовного процесса.

Дело в том, что бороться с преступлениями можно различными способами, используя многочисленные средства. История человечества дает немало примеров этому. И наиболее эффективный способ борьбы с преступлениями — это метод непосредственной расправы с заподозренным в совершении преступления. Непосредственная расправа как метод борьбы с преступлениями широко использовался в различных странах, в том числе и в России. И не только в виде опричнины при Иване IV Грозном (XVI в.), но даже в XX в. в виде Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК, 1917—1922 гг.).

При использовании метода непосредственной расправы с заподозренным в совершении преступления всегда остается вопрос: а действительно ли к виновному применена расправа, а не пострадал ли необоснованно невиновный? И вот когда общество и государство становятся заинтересованными в том, чтобы за совершённое преступление ответственность несли только действительно виновные лица, а деятельность по установлению этой виновности осуществлялась в строго установленном законом порядке, обеспечивающим соблюдение прав всех втянутых в орбиту этой деятельности, тогда именно и возникает социальная потребность в уголовном процессе.

Таким образом, уголовный процесс — это правовая деятельность соответствующих органов государства и должностных лиц, а также граждан по установлению действительно виновных в совершении преступления лиц, справедливому наказанию виновных и ограждению невиновных от необоснованного нарушения их прав и законных интересов. Как видим, всё уголовно-процессуальное право обоснованно можно рассматривать как совокупность правовых гарантий справедливого правосудия и прав личности.

Гарантирующее значение уголовного судопроизводства (процесса), его гуманный характер, обеспечивающий права личности, выделяли многие исследователи криминологи в прошлом. Так, на рубеже XX в. известный итальянский ученый Энрико Ферри (1856—1929), характеризуя уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, писал следующее: «Уголовное уложение (уголовный кодекс) — это законодательство для негодяев и жуликов; оно предусматривает ответственность за совершение преступлений. Что же касается Устава уголовного судопроизводства (уголовный процесс), то это законодательство для честных людей, которое должно защищать их права и интересы при расследовании и рассмотрении судом уголовных дел» [1, с. 511].

Поскольку гуманность является сущностной чертой уголовного процесса, то дальнейшее его развитие должно осуществляться по пути его гуманизации. Об этом автор статьи неоднократно писал, определяя приоритеты уголовно-процессуального законотворчества [2, с. 43—48; 3, с. 96—98].

Казалось бы, учитывая важность правильного понимания сущности уголовного процесса для доктринального исследования проблем уголовного судопроизводства, для эффективного совершенствования уголовно-процес-

суальной деятельности, вопросы сущности уголовного процесса должны быть в центре внимания ученых-процессуалистов, в центре внимания науки уголовного процесса. Однако этого не происходит. И научная, и специальная учебная литература «старательно» обходят этот важный вопрос. Фактически лишь в единственном учебнике по уголовному процессу для высших учебных заведений можно встретить очень краткое освещение сущности уголовного процесса [4, с. 12—13].

А к чему это приводит, к чему приводит забвение законодателем сущности уголовного процесса, нетрудно себе представить. Как представляется, именно игнорирование сущности уголовного процесса является одним из основных факторов появления ошибочных законодательных решений, проникновения в уголовный процесс незаконного ведомственного интереса.

Конечно, принимаемые законодателем меры по совершенствованию уголовного судопроизводства в основном таковыми и являются и, в соответствии с сущностью уголовного процесса, гуманизируют его. Достаточно привести для примера хотя бы самый последний федеральный закон от 31 июля 2020 г. «О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Этим законом устанавливается, что для определения разумного срока уголовного судопроизводства отсчет времени для потерпевшего надо вести не с момента возбуждения уголовного дела, а включать в этот срок и период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении, период его проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела¹. Как видим, это разумное расширение прав потерпевшего, гуманизация в этой части уголовного процесса.

К сожалению, есть и противоположные примеры, показывающие, что сущность уголовного процесса, его гуманность могут грубо игнорироваться. Так, большой резонанс в информационно-телекоммуникационной сети Интернет вызвало голосование Государственной думы РФ в первом чтении 8 июля 2020 г. за проект Верховного суда РФ о внесении в ст. 401.3 УПК РФ поправки, устанавливающей «двухмесячный срок для обжалования в порядке сплошной кассации»². А проблема заключалась в следующем. С октября месяца 2019 г. в связи с созданием девяти окружных кассационных судов общей юрисдикции и одного кассационного военного суда, существовавший до этого выборочный порядок рассмотрения кассационных жалоб был отменен. Раньше любая кассационная жалоба или представление предварительно изучались судьей кассационного суда, который мог вынести решение об отказе в передаче кассационной жалобы или представления для рассмот-

¹ О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. // Рос. газ. — 2020. — № 8225.

² Отмена бессрочной кассации в судах вызвала бурю // MKRU. Новости [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mk.ru/social/2020/08/04/otmena-bessrochnoy-kassacii-v-sudakh-vyzvala-buryu.html> (дата обращения: 13.07.2020).

рения в судебном заседании суда кассационной инстанции. На практике большинство кассационных жалоб и не преодолевало этот барьер.

С октября 2019 г. законодательно была введена так называемая сплошная кассация, когда любая кассационная жалоба или представление обязательно должны рассматриваться по существу на судебном заседании кассационного суда. Несомненно, этот порядок существенно расширяет права личности в уголовном судопроизводстве, серьезно гуманизирует уголовный процесс. Однако уже первые месяцы работы кассационных судов по новому порядку привели к тому, что в кассационных судах скопилось большое количество дел. Потребовалось серьезно увеличить объем работы судей кассационной инстанции. И хотя всё это можно было предвидеть и раньше, в Верховном суде РФ начали искать решение сложившейся ситуации. Исходя из только ведомственных интересов (а по нашему мнению, это незаконный ведомственный интерес) в Верховном суде РФ было решено сократить объем работы кассационных инстанций за счет серьезного ограничения права заинтересованных лиц на сплошную кассацию. Два месяца, отводимые заинтересованным лицам для сплошной кассации, после вступления приговора в законную силу, по сути, почти ликвидируют сплошную кассацию, возвращают к существовавшей выборочной кассации.

То, что рассматриваемый Государственной думой РФ законопроект противоречит сущности уголовного процесса, противоречит назначению уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), не вызывает сомнения. Однако хочется отметить и его антиконституционность. В Конституции РФ прямо предусмотрено, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55). Неужели и Верховный суд РФ и Государственная дума РФ могут не считаться с основным законом нашей страны и выступать за антигуманное изменение уголовно-процессуального законодательства?

Всё изложенное подтверждает научную актуальность и большую практическую значимость исследования проблем гуманизма российского уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ферри Э. Уголовная социология / Э. Ферри. — М., 2005. — 658 с.
2. Ляхов Ю. А. Приоритеты уголовно-процессуального законотворчества / Ю. А. Ляхов // Государство и право. — 2010. — № 9. — С. 43—48.
3. Ляхов Ю. А. Стадия возбуждения уголовного дела — гарантия эффективного предварительного расследования / Ю. А. Ляхов // Государство и право. — 2016. — № 12. — С. 96—98.
4. Уголовный процесс. Общая часть: учебник. — Ростов-н/Д., 2018.

УДК 343.01

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-198-206

Михайлова Тамара Николаевна,

доцент кафедры уголовного процесса

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат педагогических наук

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЮВЕНАЛЬНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Аннотация. Дифференцированный подход к несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства должен быть ориентирован на развитие восстановительной, воспитательно-исправительной модели ювенального судопроизводства России, направленной на оказание содействия реинтеграции несовершеннолетнего правонарушителя и выполнение им полезной роли в социуме. Одним из основных элементов данной модели выступает институт принудительных мер воспитательного воздействия. В статье представлен правовой анализ понятия и системы предусмотренных законом принудительных мер воспитательного воздействия, рассмотрен процессуальный порядок их применения в практике правоохранительных и судебных органов. Проведенное исследование позволило выявить ряд проблем, влияющих на эффективность и результативность применения принудительных мер воспитательного воздействия в рамках правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, несовершеннолетний, ювенальное судопроизводство, принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение от уголовной ответственности, правоприменение.

Tamara Nikolaevna Mikhailova,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

East Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of Pedagogical Sciences.

COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE AS AN ELEMENT OF THE RESTORATIVE MODEL OF JUVENILE JUSTICE IN RUSSIA

Abstract. A differentiated approach to juvenile participants in criminal proceedings should be focused on the development of a restorative, educational and correctional model of juvenile justice in Russia, aimed at facilitating the reintegration of a minor offender and fulfilling a useful role in society. The institution of coercive measures of educational influence is one of the main elements of this model.

The article presents a legal analysis of the concept and system of coercive measures of educational influence provided for by law, and considers the procedure for their application in the practice of law enforcement and judicial bodies. The study revealed a number of problems that affect the effectiveness and efficiency of the use of coercive measures of educational influence in the framework of law enforcement activities.

Keywords: criminal procedure, juvenile, juvenile court proceedings, coercive measures of educational influence, exemption from criminal liability, law enforcement.

Конвенция о правах ребенка, выступающая универсальным стандартом основных прав детей в мире, провозгласила гарантии для каждого несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на уважительное отношение и гуманное обращение, способствующее развитию у несовершеннолетнего чувства достоинства и значимости, содействующее его реинтеграции и выполнению полезной роли в социуме. В развитие данных положений на международном уровне был принят комплекс нормативно-правовых актов, касающихся вопросов предупреждения преступности несовершеннолетних, отправления правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, условий обращения с ними, защиты их прав и законных интересов [1].

Сегодня большинством современных государств предпринимаются различного рода попытки по определению эффективных способов воздействия на несовершеннолетних с целью профилактики как первичной, так и повторной преступности данных субъектов права. Одним из действенных способов такого профилактического воздействия является дифференцированный подход к проблемам детства в рамках уголовного судопроизводства. Так, уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних должно обладать рядом специфических особенностей, обусловленных как возрастными, психофизическими, социально-психологическими, так и иными свойствами, характерными для личности ребенка. Специфичность уголовного судопроизводства ряда современных государств проявляется в расширенном перечне обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам данной категории; особой процессуальной модели защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего; специфике производства процессуальных действий с участием несовершеннолетнего; особом подходе при избрании мер государственного принуждения, а также видов итоговых судебных решений, выносимых в отношении несовершеннолетних. При этом в целом ювенальное правосудие должно носить восстановительный и воспитательно-исправительный, а не карательный характер.

В продолжение развития международных ювенальных ориентиров Российская Федерация закрепила в уголовно-процессуальном законодательстве особый порядок в отношении несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Кроме того, высшим федеральным судебным органом был принят ряд разъяснений по практике применения судами законодательных правил, действующих в рамках ювенального судопроизводства России. Одним из таких разъяснений является пункт 31 постановления Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, в котором федеральный суд разъяснил: «Суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер

воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ». При этом, несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон закрепляет право суда на принятие решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия, сегодня решение о возможности применения данного рода мер к несовершеннолетнему при соблюдении всех требуемых законом условий становится обязанностью для органов осуществления правосудия.

К сожалению, современный законодатель не даёт четкого определения понятия «принудительные меры воспитательного воздействия», научные же подходы по данному вопросу существенно различаются между собой.

Так, А. А. Арямов рассматривает принудительные меры воспитательного воздействия как условное факультативное освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности и уголовного наказания [2].

В качестве иных мер уголовно-правового характера, назначаемых судом лицу, совершившему уголовно-наказуемое деяние и не достигшему возраста уголовной ответственности, рассматривает принудительные меры воспитательного воздействия С. А. Боровиков [3].

По мнению О. М. Осадчей, принудительные меры воспитательного воздействия можно определить как меры государственного принуждения, действующие в отношении совершившего преступление небольшой или средней тяжести (в определенных случаях — тяжкого) несовершеннолетнего, в случае установления судом возможности исправления подростка без привлечения к уголовной ответственности или наказания [4, с. 6].

А. М. Репьева определяет принудительные меры воспитательного воздействия как законодательно предусмотренную государством систему назначаемых по решению суда мер, заключающуюся в освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, с установлением в отношении него правоограничений и обязанностей в целях его исправления, предупреждения совершения новых преступлений, а также выявления и устранения их причин и условий [5, с. 35].

Таким образом, принудительные меры воспитательного воздействия могут быть охарактеризованы через следующие признаки:

— во-первых, это система мер, осуществляемая уполномоченными законом субъектами в отношении несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства;

— во-вторых, эти меры могут быть назначены только по решению суда и включают в себе освобождение от уголовной ответственности, являясь альтернативой наказания для нарушившего закон подростка;

— в-третьих, целью данных мер является исправление несовершеннолетнего посредством воспитательно-исправительного воздействия, а также предупреждение совершения им новых преступлений.

Безусловно, законодательное закрепление понятия «принудительные меры воспитательного воздействия» по аналогии с такими законодательно-

определенными понятиями, как «наказание», «принудительные меры медицинского характера» и т. п., в целом бы способствовало облегчению процесса познания сущностной их природы и более глубокому пониманию со стороны правоприменительных органов.

В ч. 2 ст. 90 УК РФ закреплены виды принудительных мер воспитательного воздействия, к которым законодатель сегодня относит:

1. Предупреждение.

Предупреждение относится к числу наиболее мягких мер воспитательного воздействия и подразумевает собой оказание психологического воздействия на подростка, производимое посредством внушения информации о негативной правовой и морально-этической стороне совершенного им проступка. В научных кругах к данной принудительной мере воспитательного воздействия относятся неоднозначно, считая, что она ни к чему не обязывает и не принуждает несовершеннолетнего правонарушителя, а лишь является воспитательным элементом, реализуемым в рамках его общественного порицания. Как отмечает в своих исследованиях А. А. Рождествина, «предупреждение следует использовать в качестве меры только один раз, поскольку повторное её применение не будет иметь смысла для несовершеннолетнего» [6, с. 46]. С данным мнением автора следует согласиться, поскольку предупреждение не представляет собой претерпевания каких-либо неблагоприятных последствий со стороны несовершеннолетнего и несет под собой достаточно низкий воспитательный потенциал. Изучение судебной практики показало, что данная мера используется в качестве самостоятельной только при совершении преступления небольшой тяжести или в совокупности с другими мерами воспитательного воздействия при совершении несовершеннолетним лицом преступления средней тяжести.

2. Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа.

Понятие «передача под надзор» подразумевает собой передачу под непрерывное наблюдение и проверку, связанную с обеспечением неукоснительного соблюдения кем-либо каких-либо предписаний, распоряжений, законов и т. д. В более широком понимании понятие «надзор» включает в себя и понятие «контроль», при этом, применительно к несовершеннолетнему, контроль за всей сферой его жизнедеятельности: поведением, времяпровождением, общением со старшими и со сверстниками и т. д. Согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ № 1, при решении вопроса о назначении вышеуказанной меры суд должен обладать достоверной информацией о лицах, которым передается несовершеннолетний под надзор: их репутации и способности оказать на несовершеннолетнего положительное воздействие и обеспечить надлежащий контроль за его поведением. Тем не менее, по верному замечанию ряда ученых процессуалистов, в том числе и Е. А. Антоняна, данная мера при реализации на практике является малоэффективной, по-

скольку несет в себе смысл простого напоминания со стороны органов правосудия родителям или лицам, их заменяющим, об обязанности, которая делегирована им нормами Семейного кодекса РФ [7, с. 113]. Более того, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа не подкреплена ответственностью вышеуказанных лиц за неисполнение своих обязанностей и не ограничивает несовершеннолетнего в его правах.

3. Возложение обязанности загладить причинённый вред.

Одной из проблем применения данной меры воспитательного воздействия на практике является то, что законодатель чётко не определил размер вреда, при причинении которого она может быть назначена. При этом установлено, что данная мера воспитательного воздействия может возлагаться только на лиц, достигших 15-летнего возраста, имеющих самостоятельный доход или соответствующее имущество, либо обладающих трудовыми навыками, чтобы иметь возможность устранить причиненный вред самостоятельно. Если же у несовершеннолетнего отсутствует возможность самостоятельно возместить ущерб, то в большинстве случаев исполнение данной меры возлагается на законных представителей (родителей, опекунов), что, на наш взгляд, видится неправильным, поскольку несовершеннолетний не несет никаких претерпеваний, и цели принудительной меры воспитательного воздействия остаются не достигнутыми. В связи с этим считаем, что во всех случаях судом в рамках решения вопроса о применении именно данной меры воспитательного воздействия должен в первоочередном порядке решаться вопрос о заглаживании несовершеннолетним причиненного им вреда посредством производства бесплатных воспитательных работ, поскольку именно такой вариант может иметь более выраженный педагогический потенциал, направленный на перевоспитание подростка посредством осуществления труда. Возмещение же ущерба за счет уже имеющихся денежных средств несовершеннолетнего считаем применять нецелесообразно, поскольку такой способ может сформировать неправильное представление подростка о действующей системе права: «можно нарушить закон, заплатить и уйти от ответственности».

4. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

На наш взгляд, именно данная мера воздействия имеет очень высокий воспитательно-исправительный потенциал, поскольку включает в себя как ограничение досуга несовершеннолетнего правонарушителя, так и установление особых требований к его поведению. Однако практика её применения судами показывает, что круг требований и ограничений в рамках её использования является достаточно узким. Изучив материалы архивных уголовных дел судов г. Иркутска, приходим к выводу о том, что при назначении данной меры воспитательного воздействия от несовершеннолетнего чаще всего тре-

бывалось только пребывание по месту регистрации после 22 часов. Однако реализация данной меры на практике требует более основательного подхода суда в отношении определения ограничений и запретов, которые могут быть наложены на несовершеннолетнего правонарушителя. Для эффективности реализации данной меры на практике следует расширить перечень ограничений, связанных не только со временем суток, но и с местами, в которых не следует находиться несовершеннолетнему правонарушителю на период её действия (кафе, кинотеатры, развлекательные центры, ночные клубы и т. д.); лицами, с которыми несовершеннолетнему не стоит общаться ввиду того, что они оказывают на него негативное воздействие; запрете заниматься чем-либо либо использовать средства связи, Интернет и т. д. Возможно также установление дополнительных требований для несовершеннолетнего по обязательной вовлеченности его в различного рода кружки по интересам, дополнительные учебные заведения, занятия спортом, посещение психолога. При этом выбор формы ограничения досуга и особых требований к поведению должны зависеть от личностных особенностей подростка и иметь направленность на его психологическую реабилитацию в обществе.

Согласно нормам закона, решение вопроса о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия может быть принято как в рамках судебного, так и в рамках досудебного производства по уголовному делу.

В первом случае, в соответствии с ч. 1 ст. 432 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести суд вправе, вынеся обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего от наказания и применить к нему, в силу ч. 1 ст. 92 УК РФ, принудительные меры воспитательного воздействия. В таком случае на основании п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания (п. 35 постановления Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1). При этом при принятии решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия суд должен использовать индивидуальный подход к каждому несовершеннолетнему, учитывать не только тяжесть и степень опасности совершённого им деяния, но и личностные особенности подростка, связанные с возможностью его исправления посредством исправительно-воспитательного воздействия назначенных ему мер.

Второй случай реализации принудительных мер воспитательного воздействия, но только в рамках досудебного производства по уголовному делу, предусмотрен статьей 427 УПК РФ. Так, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель — с согласия прокурора вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего, с последующим направлением в суд ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия. Однако решение данного вопроса зависит от соблюдения органами предва-

рительного расследования ряда законодательно предусмотренных условий (оснований):

— несовершеннолетие правонарушителя (анализ судебной практики показал, что в большинстве случаев назначение принудительных мер воспитательного воздействия приходится на лиц в возрасте 16—17 лет);

— совершённое несовершеннолетним лицом преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести;

— согласие несовершеннолетнего и его законного представителя на прекращение уголовного преследования (правильнее отражать факт согласия не в протоколе допроса вышеуказанных участников уголовного судопроизводства, а в собственноручно написанных заявлениях с просьбой прекратить уголовное преследование и назначить конкретную принудительную меру воспитательного воздействия);

— установление обстоятельств, свидетельствующих о возможности исправления несовершеннолетнего без применения к нему наказания, а также целесообразность применения в отношении него принудительных мер воспитательного воздействия [9].

Так, приказом Генерального прокурора РФ от 14.11.2017 № 774 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» установлено, что при согласовании постановления дознавателя о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении принудительной меры воспитательного воздействия прокурорам необходимо учитывать, что обстоятельства, указывающие на возможность исправления несовершеннолетнего обвиняемого без применения наказания, должны быть подтверждены процессуальными документами, характеризующими его личность, условия жизни и воспитания, влияние на него старших по возрасту лиц и иными фактическими данными.

Хотелось бы отметить, что сегодня в органах прокуратуры в качестве одного из приоритетных направлений надзора является деятельность по защите несовершеннолетних от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод, а равно защита прав и свобод несовершеннолетних потерпевших. В свете чего в научных кругах уже давно поднят вопрос о передачи полномочий по прекращению уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего лица с применением к последнему принудительных мер воспитательного воздействия на усмотрение прокурору как одну из форм реализации им функции уголовного преследования, закрепленной в ФЗ «О прокуратуре РФ». Тем более такая практика уже существует в ряде европейских государств, в частности в ФРГ. Кроме того, международные стандарты (Пекинские правила) также устанавливают требование о возможности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних без официального судебного разбирательства. Данное нововведение, на наш взгляд, позволит, с одной стороны, перераспределить нагрузку

судебных органов в сторону более тщательного рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетнего обвиняемого с назначением ему наказания, с другой стороны — позволит несовершеннолетнему избежать участия в суде в целях сохранения конфиденциальности информации о совершённом им проступке, поскольку воспитательные меры в отношении него будут реализовываться в привычном ему окружении.

В рамках изучения судебной практики применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям на территории г. Иркутска нами был проведен анализ архивных уголовных дел судов г. Иркутска, а также опрос в форме интервьюирования представителей органов прокуратуры, что позволило установить закономерность, представленную на рис. 1.

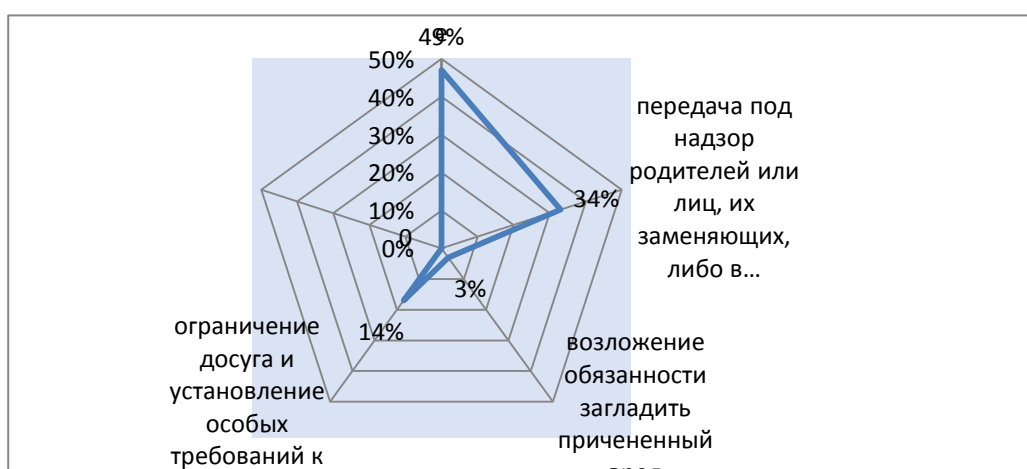

Рисунок 1. Практика назначения несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в г. Иркутске (2015—2020 гг.)

Результаты исследования:

1) за период 2015—2020 гг. на территории г. Иркутска несовершеннолетними в большинстве случаев были совершены преступления небольшой и средней тяжести, при этом они носили корыстно-насильственную направленность;

2) за совершение преступлений небольшой и средней тяжести судами г. Иркутска в почти половине случаев (49 %) несовершеннолетнему была назначена такая принудительная мера воспитательного воздействия как предупреждение, в 34 % случаев — передача под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо в специализированный государственный орган; в 14 % случаев — ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;

3) возложение обязанности загладить причиненный вред как принудительная мера воспитательного воздействия в практике деятельности судов г. Иркутска применялась всего в 3 % от общего числа случаев.

Проводя исследование института принудительных мер воспитательного воздействия, встает еще один важный вопрос: являются ли предусмотренные законом принудительные меры воспитательного воздействия эффективными сегодня на практике? Данный вопрос был поставлен нами в рамках интервьюирования дознавателей, следователей районов г. Иркутска и, к сожалению, более половины из них (63 %) ответили отрицательно (всего в опросе приняли участие 21 следователь и 18 дознавателей). Основную проблему в эффективном воздействии назначенных несовершеннолетнему лицу мер практики видят в отсутствии законодательного определения лиц, осуществляющих контроль за их исполнением.

Таким образом, проведенный в научной статье анализ института принудительных мер воспитательного воздействия как элемента восстановительной модели ювенального судопроизводства России выявил множество проблем не только теоретического, но и практического характера. Все это свидетельствует о том, что научные изыскания по проблематике данного вопроса не должны останавливаться на достигнутом, необходимо идти вперед с предложениями о внесении соответствующих изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Целенаправленное развитие всех элементов системы ювенального судопроизводства России должно стать приоритетным направлением в рамках объявленного Президентом РФ Десятилетия детства в нашем государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Михайлова Т. Н. Роль международно-правовых актов в процессе конструирования модели ювенального судопроизводства России / Т. Н. Михайлова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 4 (16). — С. 167—176.
2. Арямов А. А. Уголовное наказание: назначение и освобождение / А. А. Арямов. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 319 с.
3. Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних: моногр. / С. А. Боровиков. — М.: Юрлитинформ, 2008. — 192 с.
4. Осадчая О. М. Принудительные меры воспитательного воздействия в Уголовном кодексе Российской Федерации среди способов государственного реагирования на преступления несовершеннолетних / О. М. Осадчая // Концепт. — 2015. — № 3. — С. 1—8.
5. Репьева А. М. О необходимости внесения изменений в регламентацию применения принудительных мер воспитательного воздействия / А. М. Репьева // Уголовная юстиция. — 2018. — № 12. — С. 35—39.
6. Рождествина А. А. Уголовное право / А. А. Рождествина. — М., 2010. — 839 с.
7. Антоян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения / Е. А. Антоян // Lex Russica. — 2018. — № 9. — С. 112—118.
8. Михайлова Т. Н. Условия прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия / Т. Н. Михайлова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 4. (95). — С. 90—103.
21. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособ. / Ю. К. Якимович. — Томск, 2015. — 75 с.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-207-216

Николаева Наталия Александровна,

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С КОМИССИЕЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СБОРА СВЕДЕНИЙ ОБ ОБВИНЯЕМОМ

Аннотация. В представленной статье рассматриваются дополнительные по отношению к традиционным способам получения следователем сведений об обвиняемом из комиссии по делам несовершеннолетних. Анализируется региональная следственная практика в этой части. С учетом статуса комиссии по делам несовершеннолетних как координатора деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних предлагается дополнительная технология сбора следователем информации по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних путем направления запроса в комиссию о предоставлении комплексного доклада о несовершеннолетнем обвиняемом.

Ключевые слова: следователь, комиссия по делам несовершеннолетних, взаимодействие, уголовное дело, расследование, сведения, запрос, доклад, несовершеннолетний обвиняемый.

Nikolaeva Natalia Aleksandrovna,

Adjunct of the Krasnodar University of the MIA of Russia

INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE COMMISSION ON JUVENILE AFFAIRS: NEW TECHNOLOGIES FOR COLLECTING INFORMATION ABOUT THE ACCUSED

Abstract. The article considers additional methods of obtaining information about the accused from the commission on juvenile affairs by the investigator in relation to the traditional methods. The regional investigative practice is analyzed. Taking into account the status of the commission on juvenile affairs as the coordinator of the activities of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency, an additional technology is proposed for the investigator to collect information on criminal cases on juvenile crimes by sending a request to the commission for a comprehensive report on the accused minor.

Keywords: investigator, commission on juvenile affairs, interaction, criminal case, investigation, information, request, report, minor accused.

Изучение уголовных дел в части сбора следователем информации о несовершеннолетнем обвиняемом для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения его от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее — СУВУЗТ) показывает, что единой устоявшейся практики здесь не выработано. В основном исполь-

зуется так называемый линейный принцип: запрос на предоставление информации о несовершеннолетнем обвиняемом следователь направляет каждому из субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Следователю поступают разрозненные, иногда дублирующие друг друга сведения, в связи с чем не обеспечивается соблюдение одного из главных требований к такой информации — она должна быть не только качественной и объективной, но и всесторонней, полной.

По данному поводу Е. В. Марковичева пишет, что «современная система органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних представляет собой плохо функционирующий конгломерат, в котором отсутствует механизм реального взаимодействия различных структур. Поэтому реальная помощь, оказываемая ими органам предварительного расследования и суду, на сегодняшний день минимальна. В первую очередь это связано с различной ведомственной подчиненностью и несогласованностью функций, выполняемых каждой из структур» [1, с. 336].

Справедливости ради надлежит отметить, что в соответствии с предписаниями закона от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» № 120-ФЗ в каждом субъекте РФ предпринимаются организационно-правовые меры к оптимизации, с одной стороны, межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, своевременному взаимному обмену информацией при проведении индивидуальной профилактической (социально-реабилитационной) работы с несовершеннолетними, оказавшимися в конфликте с законом, в том числе совершившими преступления, с другой — сделать реальным взаимодействие этих органов и учреждений со следователем в зависимости от избранной в отношении обвиняемого меры пресечения (связанной или не связанной с заключением под стражу).

Процессуальные (предусмотренные УПК РФ) и непроцессуальные (реализуемые в соответствии с положениями, содержащимися в ведомственных нормативных актах) формы взаимодействия следователя с подразделениями по делам несовершеннолетних ОВД относятся к числу достаточно изученных в юридической литературе [2; 3]. Положительно зарекомендовавшие себя формы взаимодействия следователя с сотрудниками данной службы ОВД нашли частичное закрепление в «Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» от 15.10.2013¹. Известны также применявшиеся длительное время на практике Методические рекомендации МВД СССР от 27 августа 1986 г. № 1/4876 «Организация взаимодействия следователей,

¹ Утверждена приказом МВД России от 15.10.2013 г. № 845 [Электронный ресурс]. — URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mvd-rossii-ot-15102013-n-845> (дата обращения: 15.01.2021).

работников уголовного розыска и инспекций по делам несовершеннолетних в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними».

Менее исследованными являются формы взаимодействия следователя с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН), которые участвуют в решении вопросов, связанных с применением к подростку, совершившему преступление средней тяжести или тяжкое преступление, принудительной меры уголовно-правового воздействия в виде помещения в СУВУЗТ.

На законодательном уровне определено (пп. 2 п. 2 ст. 11 закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ), что в рамках осуществления своих полномочий КДН подготавливает совместно с другими органами и учреждениями материалы, представляемые в суд по вопросам, связанным с содержанием несовершеннолетних в СУВУЗТ. В законе не конкретизируется и не разъясняется применительно к данным ситуациям понятие «материалы, представляемые в суд». Кроме того, анализируемая норма сформулирована так, что её можно истолковать следующим образом: КДН «подключается» на стадии исполнения судебного приговора, постановленного в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ, ч. 2 ст. 432 УПК РФ, для решения вопросов о прекращении, продлении или восстановлении срока пребывания осужденного в СУВУЗТ, переводе его в другое учреждение.

В примерном «Положении о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», утвержденном постановлением Правительства РФ № 995 от 6 ноября 2013 г.¹ дословно воспроизведен пп. 2 п. 2 ст. 11 закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ и дополнительно предусмотрено, что муниципальные КДН вносят в суд по месту нахождения СУВУЗТ совместно с администрацией указанных учреждений представления о продлении или восстановлении срока либо прекращении пребывания несовершеннолетнего в СУВУЗТ, а также о его переводе в другое учреждение (пп. «в» п. 7).

Таким образом, при производстве предварительного расследования по уголовному делу о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, совершённых несовершеннолетним, по которому в суде будет рассматриваться вопрос о возможности помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ, законом и Примерным положением о КДН не установлены какие-либо обязательные формы взаимодействия следователя с КДН в целях получения сведений, могущих иметь значение для уголовного дела. Это не исключает направления в рабочем порядке следователем в КДН запросов о предоставлении информации об обвиняемом, состоящем на учете в КДН,

¹ Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства Российской Федерации от 6 нояб. 2013 г. № 995 // СЗ РФ. — 2013. — № 45. — Ст. 5829.

о правонарушениях, ранее совершённых им, и принятых в этой связи в отношении него мерах воздействия.

Представляется, что организационные формы взаимодействия КДН с органом расследования, осуществляемые с целью сбора сведений о несовершеннолетнем обвиняемом и обстоятельствах, указанных в ст. 421 УПК РФ, нуждаются в оптимизации, «перезагрузке» с учетом следующих факторов:

1. Федеральное законодательство отводит КДН роль координатора деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Координируя данную деятельность, КДН опирается на разностороннюю информацию, которой она обладает в силу решаемых ею задач и осуществляемых полномочий.

2. В КДН, как органе государственного управления, сочетающем в себе государственные и общественные начала [4, с. 8], накапливается и хранится информация о подростках, которые впоследствии совершают преступления и уже фигурируют в уголовных делах в статусе обвиняемого (подсудимого). Для решения следователем задачи формирования в уголовном деле максимально исчерпывающей доказательственной информации об обвиняемом становится очевидным: закон должен предусматривать четкий регламент подготовки и представления КДН следователю по его запросу соответствующих сведений.

3. Реализуя закрепленные в законе функции (правозащитную, координационную и контрольную), КДН способна обеспечить проведение объективного и полного исследования условий жизни несовершеннолетнего обвиняемого, его психолого-педагогическую диагностику с представлением документальных результатов органу расследования [5, с. 9]. Данный аспект расследования уголовного дела о совершении несовершеннолетним преступления средней тяжести или тяжкого преступления имеет особое значение, поскольку именно сведения об условиях жизни несовершеннолетнего, о принимавшихся к нему мерах воспитательного воздействия могут указывать на целесообразность помещения его в СУВУЗТ с особыми условиями воспитания и специальным педагогическим процессом.

Таким образом, при расследовании уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних сложилась неоднозначная ситуация, связанная с порядком межведомственного взаимодействия следователя, дознавателя с другими органами и учреждениями системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних, в первую очередь с КДН как координатором деятельности этих органов и учреждений, суть которой в следующем: закон и подзаконные акты не предусматривают конкретных форм такого взаимодействия в целях получения и приобщения к материалам уголовного дела сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 421 УПК РФ. С наибольшей остротой её негативные стороны проявля-

ются при расследовании уголовных дел о преступлении средней тяжести или тяжкого преступления, по которым в суде будет рассматриваться вопрос о возможности помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ. По этой причине на практике вырабатываются различные формы такого взаимодействия, позволяющие в определенной степени решать данную задачу.

Изучение материалов уголовных дел данной категории показывает, что подобное взаимодействие происходит по схеме: запрос следователя в органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних — ответ с направлением инициатору запроса соответствующей информации. При этом орган расследования иногда использует формализованный запрос на предоставление информации об обвиняемом несовершеннолетнем (с приведением в нем перечня вопросов, на которые надлежит дать ответы). Однако всё равно не удается избежать элементов «стихийности» в межведомственном взаимодействии следователя с другими органами и учреждениями системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних, что препятствует своевременному получению от них максимально полной доказательственной информации.

В связи с этим интерес представляет опыт взаимодействия следователя с КДН в части получения сведений о несовершеннолетнем обвиняемом при расследовании уголовных дел, сложившийся в разных субъектах РФ.

Например, в Курской области в основе организации такого взаимодействия лежит особый статус КДН в системе органов и учреждений системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних как координатора их деятельности (п. 1 ст. 11 закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ). Данный статус КДН позволяет следователю действовать по принципу «одного окна», направляя запрос о предоставлении сведений о несовершеннолетнем обвиняемом непосредственно в КДН. Последняя, в свою очередь, поручает органам и учреждениям системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних осуществить сбор и предоставление необходимой информации, которая направляется инициатору запроса. Алгоритм взаимодействия следователя с КДН в целях сбора полных и объективных сведений о несовершеннолетнем обвиняемом, утвержденный постановлением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав администрации Курской области 25 сентября 2019 г. № 27, подробнее может быть охарактеризован следующим образом¹.

На первом этапе следователь направляет в КДН по месту жительства подростка запрос о предоставлении сведений о несовершеннолетнем обвиня-

¹ Данным постановлением утвержден «Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики Курской области на стадии уголовного следствия, судопроизводства и пост судебного периода при прохождении социально-реабилитационной работы с несовершеннолетними, оказавшимися в конфликте с законом» [Электронный ресурс]. — URL: <https://adm.rkursk.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

емом. Исполнение запроса предполагает заполнение Карты социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя (более привычное название данного документа «Справка»), состоящей из нескольких разделов, в которых требуется привести подробную информацию органами управления образованием, здравоохранения, социальной защиты населения, органом внутренних дел, КДН.

Второй этап заключается в принятии КДН специального постановления по запросу следователя и направлении обязательных для исполнения поручений об осуществлении сбора сведений о несовершеннолетнем обвиняемом в органы управления образованием, здравоохранения, социальной защиты населения, ОВД. Поручение КДН предусматривает обязательные позиции для каждого органа, по которым он представляет информацию и несет ответственность за её полноту и объективность.

На третьем этапе специалист КДН вносит полученные от каждого органа сведения в карту социального сопровождения несовершеннолетнего и направляет её в двадцатидневный срок следователю.

Приведенный порядок межведомственного взаимодействия следователя с органами и учреждениями системы профилактики обеспечивает формирование в уголовном деле доказательств, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании уголовного дела о преступлении несовершеннолетнего (ст. 73, ст. 421 УПК РФ). Применительно к уголовным делам о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, совершённых несовершеннолетним, для рассмотрения судом вопроса о возможности помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ Картой социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя предусмотрено представление следователю информации об условиях жизни и воспитания подростка, психолого-педагогических данных о его личности, сведений о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, совершённых им ранее правонарушениях, мерах реагирования на них.

Близкий к описанному порядок взаимодействия органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних со следователем и судом применяется и на территории Пермского края. С 1 декабря 2016 г. введено в действие постановление краевой КДН, предусматривающее ведение региональной базы о несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния и преступления, подготовку для суда заключения, в котором отражается информация о несовершеннолетнем и его семье, результаты профилактической работы, рекомендации по дальнейшей работе с целью предупреждения повторных преступлений, проведение программ восстановительного правосудия [6, с. 35]. Согласно разделу «Взаимодействие со следователями (дознателями) в период расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление» КДН в срок не позднее 10 дней с момента получения запроса следователя, дознателя направ-

ляет ему информацию о несовершеннолетнем и имеющиеся материалы, характеризующие личность несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания для приобщения к материалам уголовного дела. При этом психологом образовательного учреждения, в котором обучается несовершеннолетний, заполняется Психологическая карта семьи, а специалистом КДН информационная справка несовершеннолетнего, состоящего на учете, которые также представляются следователю (дознавателю)¹. В данном случае Карту социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя фактически заменяют два документа.

В отдельных субъектах РФ установленный Порядок межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не предусматривает специально выделенных рубрик, которые бы определяли правила взаимоотношений КДН и других органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних с дознавателем, следователем, судом в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу о преступлениях несовершеннолетних. Соответственно, на КДН не возложена обязанность подготовки «сводного» документа о несовершеннолетнем обвиняемом при поступлении от органа расследования запроса о предоставлении сведений, характеризующих его личность и поведение. Вся информация о несовершеннолетнем, состоящем на учете в КДН в связи с необходимостью проведения с ним индивидуальной профилактической работы, помещается в его личное дело и другие документальные источники (личное дело семьи несовершеннолетнего, находящейся в опасном положении, межведомственный комплексный план индивидуальной профилактической работы, типовой и контрольный акты первичного обследования условий жизни несовершеннолетнего)².

Проблемы внедрения в практику досудебного и судебного производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних Карты социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя как источника информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, обсужда-

¹ См.: приложения № 5 и № 7 к постановлению Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского края от 1 декабря 2016 г. № 18 об утверждении «порядка межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и судов по реализации восстановительных и медиативных технологий [Электронный ресурс]. — URL: <http://files.sudrf.ru/1232/user/-DETI/ZAKON> (дата обращения: 15.11.2020).

² См., напр.: постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации Краснодарского края от 27 декабря 2017 г. № 4/3 об утверждении «Порядка межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по организации индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении» [Электронный ресурс]. — URL: <http://krymsk-kcson.ru/docs/36.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

ются в юридической литературе сравнительно давно. Предлагаются различные варианты её структуры и содержания в зависимости от предполагаемого назначения этого документа [7—9].

С учетом многолетнего опыта межведомственного взаимодействия следователя с органами и учреждениями системы профилактики правонарушений несовершеннолетних определить оптимальный формат Карты социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя не представляет больших сложностей. При этом представляется целесообразным изменить наименование данного документа, поскольку оно диссонирует с используемыми в уголовно-процессуальном законодательстве терминами, считающимися уже устоявшимися, привычными и общепринятыми.

В главе 16 «Доклады о результатах социального обследования» Минимальных стандартных правил Организации Объединенных наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил) от 29 ноября 1985 г. рекомендуется до вынесения приговора тщательно изучить окружение и условия, в которых живет несовершеннолетний, или обстоятельства, при которых было совершено правонарушение, с тем чтобы содействовать вынесению компетентным органом власти разумного судебного решения по делу. Как видно из названия указанной главы Пекинских правил, результаты изучения окружения и условий жизни несовершеннолетнего, обстоятельств преступления предлагается оформлять в формате доклада. Принимая во внимание порядок формирования и назначения Карты социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя (направление следователем запроса о предоставлении сведений о несовершеннолетнем обвиняемом непосредственно в КДН; поручение органам и учреждениям системы профилактики и безнадзорности правонарушений несовершеннолетних осуществить сбор и предоставление необходимой информации; направление инициатору запроса сводного документа, аккумулирующего запрошенные сведения), её наименование докладом более точно. Доклад понимается как публичное сообщение, представляющее собою развернутое изложение на определенную тему. Этим признакам в полной мере соответствует направляемая КДН следователю по его запросу информация, представленная ей как координатору деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних органами управления образованием, здравоохранения, социальной защиты населения, органом внутренних дел¹.

¹ Термин «доклад» уже используется в УПК РФ при регламентации порядка рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 7 ст. 399), уголовного дела судом апелляционной инстанции (ч. 4 ст. 389.13), а термины «докладывается» и «докладчик» употреблены в ст. 401.13, устанавливающей порядок рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции.

С учетом изложенного логичным видится дополнение гл. 50 УПК РФ самостоятельной статьей, в которой предлагается закрепить порядок взаимодействия следователя, дознавателя с КДН с целью получения всесторонней, полной и объективной информации о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом при решении вопросов привлечения его к уголовной ответственности либо освобождению от нее, применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Статья 421.1. Запрос следователя, дознавателя в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав о предоставлении сведений о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом.

1. При производстве предварительного расследования по уголовному делу о преступлении, совершённом несовершеннолетним, для установления обстоятельств, указанных в пунктах 1—3 статьи 421 настоящего Кодекса, следователь (дознаватель) направляет в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав запрос о предоставлении сведений о несовершеннолетнем обвиняемом.

2. Запрос следователя, дознавателя о предоставлении сведений о несовершеннолетнем обвиняемом рассматривается на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которая поручает органам и учреждениям управления образованием, здравоохранения, социальной защиты населения, органам внутренних дел сбор сведений, указанных в запросе.

3. Сведения, представленные в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав органами и учреждениями управления образованием, здравоохранения, социальной защиты населения, органом внутренних дел, вносятся в доклад о несовершеннолетнем обвиняемом, который направляется следователю, дознавателю в двадцатидневный срок с момента поступления от них запроса.

4. Ответственность за соответствие внесенных в доклад о несовершеннолетнем обвиняемом сведений фактически имеющимся материалам в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органах и учреждениях управления образованием, здравоохранения, социальной защиты населения, органах внутренних дел несут должностные лица указанных органов и учреждений.

5. Доклад о несовершеннолетнем обвиняемом приобщается к материалам уголовного дела в качестве иного документа по правилам статьи 84 настоящего Кодекса.

Одновременно следует дополнить п. 2 ст. 11 «Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ следующим подпунктом: «рассматривает запросы следователя, дознавателя о предоставлении сведений о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом и поручает органам и учреждениям системы профилактики безнадзорно-

сти и правонарушений несовершеннолетних сбор сведений, указанных в запросе, с последующим их направлением инициатору запроса».

Предлагаемая технология сбора следователем сведений о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом обеспечивает достаточный уровень доказанности обстоятельств, указанных в п. 1—3 ст. 421 УПК РФ. Она дополняет «традиционную методику» изучения личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, содержание которой образуют следственные действия, проводимые с целью получения показаний свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, заключений экспертов и специалистов, вещественных доказательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Марковичева Е. В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики: моногр. / Е. В. Марковичева. — Орел, 2011. — 424 с.
2. Гранкин К. Б. Взаимодействие следователя органа внутренних дел с милицией при возбуждении и предварительном расследовании дел о преступлениях несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. Б. Гранкин. — М., 1983. — 24 с.
3. Орлова Ю. Р. Актуальные вопросы взаимодействия следователей и сотрудников ПДН ОВД при расследовании преступлений несовершеннолетних / Ю. Р. Орлова // Российский следователь. — 2005. — № 10. — С. 6—10.
4. Деменчук Д. В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Деменчук. — М., 2014. — 24 с.
5. Корчагина Е. Ю. Административно-юрисдикционная деятельность комиссий по делам несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Корчагина. — Омск, 2001. — 26 с.
6. Пьянкова Н. Н. О взаимодействии субъектов системы профилактики в работе (реабилитационной, восстановительной) с несовершеннолетними, совершившими общественно опасные деяния, преступления, роли комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в организации работы / Н. Н. Пьянкова // Досудебное сопровождение несовершеннолетних, совершивших противоправные действия. Применение методов и технологий восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, не достигших возраста уголовной ответственности (материалы семинара-практикума с участием представителей органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, действующих на территории городов Москвы, Екатеринбурга, Пермского края и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 26 июня 2015 г.), 2015. — С. 32—37.
7. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Карелин. — Томск, 2001. — 26 с.
8. Рогозин Д. А. Социально-правовые и психологические основы производства по делам несовершеннолетних: учеб. пособ. / Д. А. Рогозин. — М., 2001. — 104 с.
9. Спесивов Н. В. Международные стандарты осуществления уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних и их реализация в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Спесивов. — Саратов, 2015. — 29 с.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2587-9820-2021-1-217-224

Осодоева Наталия Васильевна,

доцент кафедры уголовного процесса

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ ДОПРАШИВАЕМОГО ЛИЦА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит перечень доказательств. Положение ст. 74 УПК РФ закрепляет виды доказательств. Согласно требованиям ст. 74 УПК РФ, в качестве доказательств признаются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, вещественные доказательства, а также иные документы. Указанная статья посвящается некоторым вопросам, возникающим при производстве допроса потерпевшего и (или) свидетеля посредством видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве. В статье анализируются мнения ученых, судебная практика Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что в судебном заседании до начала допроса потерпевшего и (или) свидетеля в уголовном судопроизводстве могут устанавливать их личность не только суд в соответствии со ст. 278.1 УПК РФ, а также и должностные лица исправительных учреждений, в которых допрашиваемые лица отбывают наказание по приговору суда.

Ключевые слова: допрос, свидетель, потерпевший, видео-конференц-связь, суд, судебное заседание

Osodoeva Nataliya Vasilevna,

Associate Professor of criminal process

East Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of law

TO THE QUESTION OF IDENTIFICATION OF INTERROGATED PERSON DURING THE INTERROGATION OF WITNESSES VIA VIDEO CONFERENCING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. Current criminal procedure legislation contains a list of evidence. Art. 74 of the Russian Criminal Procedure Code fixes the types of evidence. As evidence, the following are recognized: the testimony of a suspect, the accused, the victim, witness, expert, specialist, physical evidence, as well as other documents. This article is devoted to some issues arising during the interrogation of the victim and / or witness via video conferencing in criminal proceedings. The article analyzes opinions of scientists, judicial practice of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that in the court session before the interrogation of the victim and (or) witness in criminal proceedings, not only the court can establish their identity in accordance with Art. 278.1 of the Russian Code of Criminal Proce-

sure, but also officials of correctional institutions in which persons interrogated are serving their sentences by a court verdict.

Keywords: interrogation, witness, victim, video conferencing, court, court session.

Необходимо отметить, что среди ученых обсуждаются различные проблемы, возникающие в связи с производством допроса потерпевших и свидетелей в судебном заседании посредством видео-конференц-связи [1, 2, 3].

В УПК РФ внесены дополнения федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, согласно которым в ходе судебного следствия возможно провести допрос свидетеля и потерпевшего путем использования систем видео-конференц-связи [4, с. 54—55].

После внесенных изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее производство допроса свидетелей (потерпевших) посредством видео-конференц-связи, Конституционный суд РФ неоднократно рассматривал жалобы лиц, в том числе и в части применения ст. 278.1 УПК РФ. Во-первых, Конституционный суд РФ указал, что применение норм ст. 278.1 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела не влечет нарушений конституционных прав заявителя², во-вторых, положение ст. 278.1 УПК РФ распространяется не только на свидетеля, но и на потерпевшего³.

В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых судебных решениях, из которых следует, что положение ст. 278.1 УПК РФ распространяется на потерпевших при производстве допроса.

Так, как следует из Апелляционного определения Московского городского суда по делу № 10-16732/18, постановление о прекращении производства по уголовному делу в отношении А. оставлено без изменения⁴.

Суд апелляционной инстанции исследовал в судебном заседании показания свидетелей, материалы уголовного дела в соответствии со ст. 285 УПК РФ, показания потерпевшего, допрошенного по правилам, установленным

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // СЗ РФ. — 2011. — № 13. — Ст. 1686.

² Определение Конституционного суда РФ от 17.02.2015 № 296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Чепчигашева Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 278, 278.1, 280 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

³ Определение Конституционного суда РФ от 24.12.2012 № 2331-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Колесникова Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 16, частью второй статьи 271 и частью первой статьи 277 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 28 ноября 2018 г. № 10-16732/18 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

ст. 278.1 УПК РФ. При этом суд вышестоящей инстанции указал, что личность потерпевшего была установлена, председательствующий разъяснил права и обязанности, регламентированные ст. 42 УПК РФ, возможное наступление уголовной ответственности согласно ст. 307—308 УК РФ. Нарушений уголовно-процессуального процессуального законодательства при допросе потерпевшего допущено не было.

Кроме того, согласно Апелляционному определению Московского городского суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 10-15457/18, помимо всей совокупности доказательств, исследованной в судебном заседании, подтверждающей виновность в совершении Б. Б., Г. Г., Г. А., К. З., К. А., М. А., Н., П. З., П. В. И., Р., С. Я. и С. Е. инкриминируемых им преступлений, суд первой инстанции проанализировал показания потерпевшего, допрошенного на основании ст. 278.1 УПК РФ. При этом суд первой инстанции провел судебное заседание согласно требованиям, установленным главой 37 УПК РФ¹.

Таким образом, указанные примеры иллюстрируют распространение положений ст. 278.1 на допрос потерпевшего.

Исследуя положение ст. 278.1 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что допрос посредством видео-конференц-связи возможно провести, как уже было отмечено, не только в отношении свидетелей, но и потерпевших. Кроме того, суд, рассматривающий уголовное дело, может направить поручение и постановление о производстве допроса свидетеля (потерпевшего) посредством видео-конференц-связи в другой суд, который расположен по месту нахождения, пребывания или жительства лица, признанного по уголовному делу потерпевшим или подлежащего вызову для допроса в качестве свидетеля. При этом в указанных постановлении и поручении обязательно отражаются необходимость допроса лица, его анкетные данные, место жительства, пребывания или нахождения, дата, время судебного заседания и суд, в который подлежит вызову указанное лицо. Получив постановление и поручение, суд принимает меры по обеспечению явки свидетеля (потерпевшего) в судебное заседание, организывает видео-конференц-связь с другим судом, у которого находится в производстве уголовное дело, до начала допроса допрашиваемого лица удостоверяет личность свидетеля (потерпевшего) путем сличения явившегося участника уголовного судопроизводства с фотографией в паспорте. После чего суд, рассматривающий уголовное дело, разъясняет свидетелю (потерпевшему) его права и обязанности, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, а также положения ст. 307—308 УК РФ, регламентирующие возможность наступления уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или за отказ от дачи показаний, если это допрашиваемое лицо не имеет свидетельского иммунитета. Суд, получивший поручение и поста-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 28 нояб. 2018 г. № 10-15457/18 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

новление, отбирает подписку о разъяснении прав, обязанностей и ответственности. Затем стороны (сторона обвинения и сторона защиты) приступают к допросу свидетеля (потерпевшего), после чего — суд. В ходе допроса свидетель может приобщить заметки, материалы, которые вместе с подпиской направляются судом, получившим поручение и постановление, в суд, у которого в производстве находится данное уголовное дело.

Следует признать, что на практике в большинстве случаев свидетели и потерпевшие допрашиваются посредством видео-конференц-связи в связи с нахождением в другом субъекте Российской Федерации¹; в связи с боязнью свидетелей и потерпевших оказания на них давления, применения насилия обвиняемым² либо для производства перекрестного допроса противоположной стороной³.

Случаи нахождения свидетеля (потерпевшего) на территории другого субъекта возможны в связи с выездом на вахтовые и сезонные работы, проживанием в другом регионе, нахождением в длительной командировке, отбыванием наказания в исправительных учреждениях или в лечебно-исправительных учреждениях [4, с. 54—59].

Думается, необходимо остановиться на вопросе о том, кому должны направляться постановление и поручение о производстве допроса свидетеля (потерпевшего) путем видео-конференц-связи.

Анализ положений ст. 278.1 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что на практике имеется проблема в определении адресата, которому направляется поручение.

По мнению А. А. Хайдарова, в УПК РФ не предусмотрено, суду какого звена следует направлять постановление и поручение о производстве допроса свидетеля (потерпевшего) путем видео-конференц-связи. В этой связи А. А. Хайдаров предлагает внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство о том, что судебное поручение должно направляться равно-

¹ Апелляционное определение Верховного суда РФ от 7 августа 2014 г. № 36-АПУ14-6 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; Апелляционное определение Верховного суда РФ от 20 июля 2016 г. № 56-АПУ16-16СП // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; Апелляционное определение Верховного суда РФ от 6 октября 2016 г. № 46-АПУ16-14сп // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 8 июля 2020 г. № 1-12/2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2021); Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 29 июня 2020 г. № 1-38/2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 2 июня 2020 г. № 1-110/2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

² Апелляционное определение Верховного суда РФ от 4 декабря 2013 г. № 5-АПУ13-79СП // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

³ Апелляционное определение Верховного суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 51-АПУ14-3 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

значному суду, исходя из того, какое звено оно занимает в судебной системе. Таким образом, по убеждению автора, поручение и постановление должны направляться районным судом, рассматривающим уголовное дело, в районный суд, расположенный по месту нахождения свидетеля (потерпевшего); мировой судья, соответственно, мировому судье, суд субъекта по аналогии может направить указанные процессуальные документы в суд субъекта РФ [5, с. 10—14].

Как считают некоторые ученые, поручение судом дается суду такого же уровня или нижестоящему суду [6].

Все же в отдельных случаях суды трактуют данную норму закона расширительно.

Апелляционным определением Московского городского суда от 31.05.2017 по делу № 10-7692/17¹ приговор Нагатинского районного суда г. Москвы от 6.02.2017 в отношении К. отменен, уголовное дело в отношении него передано на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию, иным составом суда.

Суд апелляционной инстанции пришел к указанному выводу в связи с тем, что в резолютивной части постановления о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания не содержится указание о квалификации действий, в совершении которых обвиняется К. Кроме того, допрос ключевых свидетелей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, был произведен судом путем использования систем видео-конференц-связи с нарушением требований ст. 278.1 УПК РФ. Так, поручение о производстве допроса посредством видео-конференц-связи судом, рассматривающим дело, не направлялось в суд по месту нахождения свидетелей. При этом личность свидетелей *удостоверена председательствующим в судебном заседании* (выделено нами — Н. О.), а не судьей по месту нахождения свидетелей. Кроме того, в материалах дела отсутствуют подписки свидетелей, подтверждающие разъяснение им прав, обязанности и ответственности. Помимо указанных нарушений, имеются расхождения между приговором и протоколом судебного заседания.

Таким образом, указанные нарушения уголовно-процессуального закона суд апелляционной инстанции признал существенными, повлиявшими на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

Кроме того, Апелляционным определением Московского городского суда по делу № 10-2402/2017² приговор Савеловского районного суда г. Москвы в отношении К., Ж., В. В., В. Е., А. и И. изменен: исключено из приговора указание на применение положений ст. 73 УК РФ в отношении К., Ж., которым назначено наказание в виде реального лишения свободы

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 31.05.2017 по делу № 10-7692/17 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-2402/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

с отбыванием в исправительной колонии общего режима; на основании п.п. 9, 12 постановления ГД ФС РФ В. Е., А., И., В. В. от назначенных наказаний освобождены; исключена из приговора ссылка на показания свидетеля Г.

Суд при исключении из доказательственной базы показания свидетеля Г. указал, что при его допросе допущены существенные нарушения ст. 278.1 УПК РФ. В данном случае допрос Г. осуществлялся путем использования системы видео-конференц-связи с учреждением, где Г. содержался под стражей. Соответственно, *личность свидетеля Г. устанавливалась сотрудниками следственного изолятора* (выделено нами — Н. О.), а не судьей, подписка свидетеля судьей также у него не отбиралась.

Указанное нарушение уголовно-процессуального закона послужило исключением показаний свидетеля Г. из приговора. Однако, учитывая, что по делу собрано достаточное количество доказательств, суд вынес обвинительный приговор.

Апелляционным определением Московского городского суда от 06.03.2017 по делу № 10-2217/2017¹ приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы от 20.09.2016 в отношении Т. А. А. отменен, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе суда.

Основным нарушением закона явилось несоблюдение положений ст. 278.1 УПК РФ. По данному уголовному делу судьей соответствующего поручения суду по месту нахождения свидетелей об организации проведения допросов свидетелей путем использования систем видео-конференц-связи не дано, *подписка отобрана сотрудниками исправительной колонии* (выделено нами — Н. О.), подписки не имеют подписи судьи и указания даты проведения допроса.

Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что допущенные нарушения судом первой инстанции уголовно-процессуального закона неустранимы, в связи с чем приговор по делу подлежит отмене.

Рассматривая судебную практику, хотелось бы также остановиться на одном из судебных решений. Так, примечательным является постановление Президиума Новосибирского областного суда от 18 апреля 2018 г. по делу № 44у-44-2018². В своем постановлении Президиум Новосибирского областного суда указал следующее: мировым судьей судебного участка Ордынского района Новосибирской области вынесено постановление от 12 декабря 2016 г. Не согласившись с указанным решением мирового судьи, суд апелляционной инстанции отменил его, мотивируя тем, что имелись нарушения требований ст. 278.1 УПК РФ, поскольку поручение

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.03.2017 по делу № 10-2217/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

² Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 18.04.2018 по делу № 44у-44-2018 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

и постановление о проведении допроса посредством видео-конференц-связи направлялись в исправительное учреждение, в протоколе судебного заседания не указано, с каким учреждением проводилась видео-конференц-связь при допросе потерпевшего З., права и обязанности, ответственность разъяснялись сотрудником учреждения, а не судом, соответственно, подписка об этом отбиралась ненадлежащим субъектом. Однако в дальнейшем Ордынский районный суд Новосибирской области изменил территориальную подсудность уголовного дела частного обвинения в отношении К., уголовное дело передано для рассмотрения другому мировому судье. Мировой судья в своем постановлении отказал в принятии заявления о привлечении К. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. Судом апелляционной инстанции указанное решение мирового судьи оставлено без изменения. Президиум Новосибирского областного суда отменил указанные судебные акты, в связи с имеющимися нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, указанный пример свидетельствует о том, что постановление и поручение о проведении допроса лица посредством видео-конференц-связи должно быть направлено суду по месту нахождения допрашиваемого лица. Суд, получив постановление и поручение, организывает видео-конференц-связь, в дальнейшем удостоверяет личность явившегося лица, отбирает подписку о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности, направляет подписку, а также иные приобщенные свидетелем (потерпевшим) документы в суд, направивший поручение и постановление.

Кардинально иным является Апелляционное определение Верховного суда РФ от 03.09.2019 № 48-АПУ19-14¹, которым приговор Челябинского областного суда от 12.04.2018 в отношении Б., К., К., Л., М., Н., С., Т., Р. оставлен без изменения, а апелляционные жалобы осужденных — без удовлетворения.

Как следует из материалов уголовного дела, свидетели У., А., Х. допрошены в судебном заседании с использованием системы видео-конференц-связи, организованной между Челябинским областным судом и исправительными учреждениями, *их личности удостоверены не судьей, а должностными лицами исправительных учреждений, поскольку указанные участники уголовного судопроизводства на момент производства процессуальных действий находились в этих учреждениях* (выделено нами — Н. О.).

Таким образом, удостоверение личности свидетелей сотрудниками исправительных учреждений, направление ими подписок свидетелей о предупреждении уголовной ответственности в суд, рассматривающий уголовное дело, в указанном случае не послужило основанием для отмены приговора.

¹ Апелляционное определение Верховного суда РФ от 03.09.2019 № 48-АПУ19-14// Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

Из анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что по уголовным делам очень часто в качестве свидетелей являются осужденные, соответственно, отбывающие наказание в местах лишения свободы, либо находящиеся в следственных изоляторах, в связи с чем суды, в производстве которых находятся уголовные дела, направляют постановление и поручение о допросе свидетеля (потерпевшего) посредством видео-конференц-связи должностным лицам исправительного учреждения, где, лицо, подлежащее допросу, отбывает наказание. Исходя из этого, представляется необходимым внесение дополнений в УПК РФ, предусматривающих удостоверение личности свидетеля, отображение подписок свидетеля о предупреждении о наступлении уголовной ответственности не только судом, но и сотрудниками исправительных учреждений, поскольку имеются случаи, когда суды не признают нарушением удостоверение личности свидетелей (осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях) должностными лицами следственных изоляторов, исправительных колоний, кроме того, представляется, что выполнение требований сотрудниками указанных учреждений ст. 278.1 УПК РФ никоим образом не нарушает законные права и интересы подсудимых, свидетелей (лиц, отбывающих наказание). Думается, внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство позволит судам применить положения ст. 278.1 УПК РФ при отдаленном расположении исправительного учреждения от суда, что, в свою очередь, не будет вести к затягиванию рассмотрения уголовного дела из-за невозможности допроса лиц, поскольку иногда указанные свидетели могут являться ключевыми, соответственно, сторона защиты будет препятствовать оглашению их показаний в порядке ст. 281 УПК РФ, что, несомненно, приведет к нарушению сроков рассмотрения уголовного дела из-за отложений судебного разбирательства и невозможности реализации положений ст. 6.1 УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бодрягина О. Допрос в режиме ON-LINE: статья / О. Бодрягина // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» в локальной сети Нац. б-ки РБ.
2. Терехин В. А., Федюнин А. Е. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве / В. А. Терехин, А. Е. Федюнин // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 22—24.
3. Архипова Е., Щерба Е. Применение видеоконференцсвязи при допросе как средство обеспечения прав лиц, участвующих в следственных и судебных действиях / Е. Архипова, С. Щерба // Уголовное право. — 2011. — № 5. — С. 105—108.
4. Осодоева Н. В. Некоторые вопросы, возникающие при производстве допроса посредством видеоконференц-связи в суде / Н. В. Осодоева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2020. — Вып. 1 (27). — С. 54—64.
5. Хайдаров А. А. Институт судебного поручения в уголовном процессе России / А. А. Хайдаров // Российский следователь. — 2014. — № 12. — С. 10—14.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

Информация для авторов

1. Сборник научных трудов «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. Выходит четыре раза в год.

2. Все публикуемые материалы проходят рецензирование.

3. Сборник имеет свой раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет главный редактор.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья) должен быть оригинальным (ранее не опубликованным).

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала; заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

11. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

12. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

13. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

14. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии в соответствии с тематикой его научной деятельности. К рецензированию также могут быть сотрудники образовательных организаций МВД России, а также других образовательных организаций Российской Федерации. Рецензентами не могут быть научные руководители авторов статей.

15. Члены редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала. Рецензии хранятся в редакции пять лет.

16. Заседание редакционной коллегии журнала проводится в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

17. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

18. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

19. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения.

20. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

21. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

22. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам:

Для опубликования научных статей и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей (пример оформления научной статьи):

1. Требования к объёму статей:

Минимальный объём — семь страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

2. Требования к оформлению печатного текста:

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 14 кегль.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: **все по 2,5 см.**

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Тире типографское (длинное): проставляется с помощью клавиш Alt+0151 или Alt+Ctrl+ «цифровой минус» в правой части клавиатуры.

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливается «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Оформление перечней осуществляется вручную. Список использованных источников и литературы (библиографические ссылки) нумеровать также вручную.

Фотографии, рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и представляются отдельными файлами на электронном носителе в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм). Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не предоставлять** как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать). Обязательно наличие подписей под рисунками, названий таблиц.

В заглавии пристатейного списка литературы (он должен быть пронумерован) используют словосочетание «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ» и помещают его непосредственно после текста статьи. Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], либо [2, с. 46; 5, с. 113]). В списке использованных источников и литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи из журналов и размещаются **в порядке упоминания в тексте**.

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники указываются в постраничных сносках и в **списке литературы не дублируются**. Для сносок используется шрифт Times New Roman (Сур), **размер шрифта — 12, междустрочный интервал — 1**. Если сведения о нормативно-правовых актах полностью приводятся в тексте (т. е. полное название закона/кодекса, дата принятия, номер — Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ), то сноска на них не даётся.

Список использованной литературы оформляется как «**Библиографические ссылки**» в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008.

В конце текста, материалы должны быть обязательно подписаны автором (соавторами) следующим образом: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети «Интернет» не возражаю».

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Оригинальность текста должна составлять **не менее 65 %**.

Корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВСИ МВД России.

В начале статьи автор указывает **индекс универсальной десятичной классификации (УДК)**. После этого (без интервала) располагаются данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, учёная степень, учёное звание, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Далее (через один интервал) размещается название статьи: выравнивание по центру, начертание — полужирное, используются заглавные буквы.

После названия статьи (через один интервал) размещается аннотация (**не менее 500 знаков**, включая пробелы). Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в её заглавии; включать малоинформативные формулировки; содержать сведения, отсутствующие в основном тексте (оформлять аннотацию необходимо так, как указано в примере статьи). Затем указываются ключевые слова (без интервала): **5—10 слов, характеризующие проблематику статьи, с красной строки, светлым курсивом, через запятую.**

Далее (через один интервал) дублируются на английском языке данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, учёная степень, учёное звание, (через один интервал) название статьи, аннотация и ключевые слова (убедительная просьба при переводе текста на английский язык **не использовать** онлайн-переводчики, т. к. они некорректно переводят текст, что снижает общее качество работы).

Затем располагается текст статьи (через один интервал), после чего (через один интервал) следуют библиографические ссылки.

3. Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), по которым журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

12.00.09 Уголовный процесс.

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов:

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. **Отзыв не является рецензией, а лишь помогает рецензенту в работе по оценке научной новизны и значимости результатов исследования.**

5. Требование к соблюдению режима секретности:

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала:

Статья представляется в редакцию в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронная версия может быть направлена в редакцию по электронной почте kvsz@list.ru.

Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении автором(-ами) правил оформления статьи и наличия всех сопроводительных документов. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала. В случае отклонения статьи от публикации редакция направляет автору мотивированный отказ. Редакционная коллегия не вступает в дискуссии с авторами отклонённых материалов и не возвращает рукописи.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esirk.mvd.ru.

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник научных трудов

№ 1 (17) 2021

Редактор
А. В. Андреев

Перевод
Н. С. Новолодская

Компьютерная вёрстка
А. А. Шаевич, Е. И. Третьякова, А. В. Андреев

Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, ул. Лермонтова, 110